

Международный научный
и общественно-политический журнал

ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА SOCIETY AND ECONOMY

№9, 2020

Журнал учрежден академиями наук – участниками
Международной ассоциации академий наук

Выходит 12 раз в год.

**Главный редактор – член-корреспондент РАН
К. Микульский**

Редакционная коллегия: д.э.н. А.Алирзаев, академик НАН Беларуси
Е. Бабосов академик НАН Украины, иностранный член РАН В. Геец, д.э.н.
Р. Джабиев, академик АН Республики Таджикистан М. Диноршоев,
академик РАН В. Журкин, член-корр. РАН И. Иванов, д.э.н.
С. Калашников, академик АН Республики Таджикистан Н. Каюмов,
академик НАН Кыргызской Республики Т. Койчуев, д.э.н. П. Кохно – зам.
гл. редактора, академик НАН Республики Казахстан А. Кошанов,
д. филос. н., иностранный член РАН Нгуен Зуй Куи, академик РАН
А. Некипелов, академик НАН Беларуси П. Никитенко, академик НАН
Грузии В. Папава, академик РАН Б. Порфирьев, д.э.н. А. Расулев,
академик АН Молдовы А. Рошка, академик НИА Республики Казахстан
О. Сабден, академик АН Азербайджана З. Самедзаде, академик РАН
Н. Симония, В. Соколин, д. филос. н. О. Тогусаков, академик АН
Республики Узбекистан Р. Убайдуллаева, академик НАН Украины
Ю. Шемшученко, д. э. н. Е. Ясин.

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Капканшиков. Антициклическое регулирование национальной экономики: содержание, инструменты, проблемы и способы их решения	5
Станислав Еремеев, Юлия Большакова, Сергей Большаков. Оценка эффективности государственного управления в международных рейтингах	29
Сергей Михневич. Соглашение ВТО о правительственных закупках как инструмент содействия справедливой конкуренции	41
Ашхен Нанавян. Опыт и стаж работы занятого населения в регионах России	49
Игорь Николаев, Виктор Черепов, Ольга Соболевская. Экономические потери от преждевременной смерти от COVID-19	59
Ольга Мирошниченко, Анна Тарасова, Валерий Гамукин. Доходы населения и устойчивость развития банковского сектора России	75
Елена Шестакова. Модели организации и финансовые механизмы долговременного ухода за престарелыми гражданами: достижения и нерешенные проблемы	88
Надежда Розанова. Гибкие форматы учебных занятий: возможности и ограничения	106
<i>ОБЗОР</i>	
Галина Анисимова. Обострение социально-экономического неравенства в России	125

CONTENTS

S. Kapkanschchikov. Countercyclical regulation of Russian economy: content, instruments, issues and potential resolutions	5
S. Eremeev, Yu. Bolshakova, S. Bolshakov. Performance assessment of public administration in international rankings	29
S. Mikhnevich. Wto agreement on government procurement as a tool for the promotion of fair competition	41
A. Nanavyan. Work experience and length of service of the population in various regions of Russia	49
I. Nikolaev, V. Cherepov, O. Sobolevskaya. Economic losses caused by the premature deaths from COVID-19 pandemic	59
O. Miroshnichenko, A. Tarasova, V. Gamukin. Incomes of the population and the stability of the development of the banking sector in Russia	75
E. Shestakova. Organizational models and financial mechanisms for ensuring long-term care for the elderly: achievements and outstanding challenges	88
N. Rozanova. Flexible formats of learning: opportunities and limitations ...	106
<i>OVERVIEW</i>	
G. Anisimova. The aggravation of socio-economic inequality in Russia	125

Журнал «Общество и экономика» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по специальностям: 08.00.00 — экономические науки; 22.00.00 — социологические науки.

Научно-организационная работа по изданию журнала
осуществляется при поддержке
Международного научно-исследовательского института
социального развития

© 2020

Сергей Капканщиков

доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой Ульяновского государственного университета
(e-mail: kapkansv@mail.ru)

АНТИЦИКЛИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ: СОДЕРЖАНИЕ, ИНСТРУМЕНТЫ, ПРОБЛЕМЫ И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ

В статье раскрываются содержание, цели и инструменты государственной антициклической политики, достоинства и недостатки фискальной и монетарной экспансии (рестрикции), проводится сравнительный анализ результативности стабилизационных мер правительства и центрального банка на различных фазах делового цикла. Рассматривая в качестве главных проблем, препятствующих достижению целей дискреционной экономической политики, ошибки прогнозирования, временные лаги и оппортунистическое поведение политических лидеров, автор выделяет альтернативные подходы к решению этих проблем со стороны ведущих научных школ.

Ключевые слова: стабилизационная фискальная и монетарная политика; экспансия, рестрикция; ошибки прогнозирования; временные лаги; оппортунизм; дискреционная и автоматическая политика.

DOI: 10.31857/S020736760011344-7

Катастрофические как для глобальной, так и для отечественной экономики события 2020 г., триггером которых стало распространение пандемии коронавируса фактически по всей планете, диктуют острую необходимость опережающего запуска российским государством всего комплекса инструментов антициклического регулирования. Обеспечивая разумное сглаживание циклических колебаний экономической конъюнктуры в краткосрочном периоде, эти апробированные мировым опытом инструменты серьезно сокращают волатильность ведущих макропоказателей, что позитивно влияет и на долгосрочную хозяйственную динамику. «Поэтому страны, которым удастся перейти от проциклической бюджетной политики к контрциклической, — подчеркивают Е. Гурвич и И. Соколов, — существенно повышают потенциал экономического роста» [9. С. 7].

Экономисты, в отличие от врачей, принципиально не признают неизлечимых болезней, аргументированно допуская возможность своевременной нейтрализации как угрозы вынужденной безработицы в условиях кризиса, так и опасности неконтролируемого роста общего уровня цен в обстановке хозяйственного подъема. При решении стабилизационных задач современное государство всецело полагается на доходную и расходную части бюджетной системы, которыми распоряжается правительство, а также на денежное предложение, так или иначе контролируемое центральным банком. Задействуя эти

ведущие ресурсы государственного регулирования, финансовые и монетарные власти обретают способность предугадывать конкретные параметры восходящей или, напротив, нисходящей социально-экономической динамики в обозримой перспективе. «Предсказанный кризис, — отмечают Л. Григорьев и А. Иващенко, — должен быть либо заранее предотвращен, либо сдвинут во времени и трансформирован по форме, что обычно и происходит. С этой точки зрения мерой качества теории цикла применительно к антициклической политике должно быть количество не произошедших кризисов» [8. С. 38]. Результативность антициклической политики, дополним, детерминируется и темпами не случившейся в обществе инфляции, которая в противном случае неотвратимо оказала бы крайне негативное воздействие на экономический рост.

Противодействие закономерно протекающим флуктуациям конъюнктуры обеспечивается посредством последовательной смены стимулирующей (экспансионистской) государственной экономической политики политикой сдерживающей (рестриктивной) и наоборот. Если первую, имеющую отчетливую антикризисную направленность, целесообразно задействовать на фазах кризиса и депрессии, то вторая, имеющая нацеленность антиинфляционную, получает теоретическое оправдание на последующих фазах оживления и подъема.

В рамках бюджетно-налоговой экспансии правительство реализует комбинацию стимулирующих мер по облегчению налогового пресса на домохозяйства и фирмы, всемерно поощряющего их расходы, и наращиванию централизованных расходов на инвестиции, госзакупки и социальные цели. Наряду с сокращением налоговых ставок фискальные власти активно расширяют программы налоговых льгот, развертывая целый спектр налоговых кредитов (особенно инвестиционных), налоговых каникул, запускает политику ускоренной амортизации. При этом широко используются практические рекомендации Дж. Кейнса, в свое время доказывавшего необходимость наращивания в антикризисных целях национальной покупательной способности путем бюджетной интервенции, финансируемой за счет займов, а вовсе не за счет дополнительного налогообложения. Бесспорным достоинством осуществления указанных бюджетно-налоговых мероприятий становится рост производства как в государственном, так и в частном секторе в сочетании со стремительным сокращением безработицы (достигшей в современной России рекордной за последние 8 лет отметки в 6,3% от экономически активного населения). Программа «вертолетных» денег, обоснованных Нобелевским лауреатом М. Фридменом еще в 1969 г., и выплачиваемых сегодня финансовыми властями США в объеме нескольких десятков миллиардов долларов в месяц (когда, например, безработные получают по 600 долл. в неделю), безусловно, заметно смягчает самый глубокий за последние 80 лет экономический спад в этой стране.

Безусловно, любая разновидность экономической политики не свободна от недостатков, однако грамотно подобранная совокупность инструментов ее

реализации позволяет свести их к разумному минимуму. Так, потенциальным дефектом стимулирующих фискальных мер вполне может стать увеличение циклического бюджетного дефицита, что, в свою очередь, способно привести к нарастанию государственного долга и даже к ускорению инфляции. Однако нейтрализация риска углубления экономического спада оказывается здесь намного важнее устранения инфляционного риска и риска усиления долговой нагрузки на экономику, которые становятся заметными обычно лишь в периоды, когда среднесрочные спады деловой активности совпадают с нисходящей траекторией долгосрочных кондратьевских волн. В случае же увеличения внешнего государственного долга преодоление экономического спада достигается фактически за счет нерезидентов, по сути, предоставляющих кредит национальной экономике. В. Рязанов резонно утверждал, что «можно не особо тревожиться по поводу роста долга в период кризиса, если он используется для стимулирования производственной активности» [21. С. 20].

Относительно крайне беспокоящей неоклассиков опасности инфляции нельзя не подчеркнуть, что при использовании фискальной экспансии полная ее предопределенность все же отсутствует. Конечно, каждый взбадривающий национальную экономику инструмент (включая японские, американские, швейцарские и др. «вертолетные» деньги) инфляционно небезупречен, однако высота порождаемой им ценовой волны может серьезно варьироваться в зависимости:

а) от поощрения финансовыми властями развития фондоемких или же, напротив, трудоемких отраслей и производств. В последнем случае куда более интенсивное развертывание мультипликативного эффекта в условиях неполной занятости и, как результат, опережающий рост объема ВВП способны свести инфляционные последствия проводимых стимулирующих мер к разумному минимуму;

б) от направления преобладающей доли бюджетных средств и налоговых льгот в адрес олигархических (обслуживающих олигархат) групп или же социальных групп, располагающихся возле черты бедности. При втором варианте развития событий заниженный уровень склонности к сбережению, а также расширяющийся потребительский спрос более на отечественные, чем на импортные товары способны надежно парировать потенциальную опасность инфляционной дестабилизации рынка. Национальная экономика в обстановке кризиса располагает, как известно, на кейнсианском отрезке кривой совокупного предложения, где наращивание совокупного спроса влечет за собой практически неинфляционный рост объема ВВП. И даже если экономика страны, подвергаемая интенсивной антикризисной терапии, выходит на промежуточный отрезок, инфляция вполне может не ускорить свой бег, так как вслед за ростом совокупного спроса в обстановке неполной занятости может обозначиться вполне сопоставимый подъем совокупного предложения. К тому же поощрение совокупных расходов стимулирующими мерами фискальных

властей через повышение ВВП непременно вызовет расширение налогооблагаемой базы, что рано или поздно приведет в соответствие доходы государственного бюджета с его расходами и тем самым минимизирует инфляционную угрозу.

Следует учитывать, что результативность бюджетной экспансии обычно оказывается выше, чем экспансии налоговой. Мультипликативный эффект опережающего роста национального продукта от снижения налогов заметно ниже, чем от наращивания государственных расходов, поскольку в последнем случае все выделенные властями средства (а их с большей вероятностью получат бедняки, имеющие высокую склонность к потреблению) будут направлены на увеличение совокупных расходов. В первом же случае немалая часть сэкономленных от налогообложения средств способна оказаться использованной более состоятельными гражданами, а также представителями бизнес-сообщества на цели сбережения, а потому совокупный спрос станет нарастать существенно медленнее. С этой точки зрения можно понять сожаление Нобелевского лауреата П. Кругмана относительно того, что около 40% правительственной поддержки американской экономики в кризисном 2009 г. оказалась связанной не с увеличением расходов властей, а пошла под давлением республиканцев на сокращение налогового пресса для бизнеса. Такова традиционная позиция кейнсианцев, считающих, что расширяемый за счет дополнительных правительственных затрат госсектор сможет куда более успешно устранять такие проявления рыночного фиаско как кризис и безработица.

Конкретное соотношение, в котором средства общегосударственных финансов используются в кризисной ситуации в интересах потребителей и производителей, предопределяется, главным образом, глубиной спада производства. Чем глубже последний, тем ценнее поощрение потребительских расходов сравнительно с потенциальным наращиванием предложения дополнительной продукции, а потому более значимым становится восстановление пошатнувшейся покупательной способности домохозяйств. Безусловно, осуществляя финансовую поддержку тех или иных компаний (например, «КАМАЗа» или «Северстали»), российское правительство также укрепляет спрос, поскольку определенная часть получаемых ими субсидий вполне способна быть направленной на заработную плату занятых здесь работников. Однако на фондоемких предприятиях тяжелой промышленности доля оплаты труда в структуре издержек заведомо невелика. Значит, в состоянии рецессии эффективность антикризисного фискального регулирования закономерно нарастает по мере концентрации бюджетных ресурсов в тех производственных звеньях, которые отличает завышенная трудоемкость. А это предприятия, выпускающие не сырье, материалы и полуфабрикаты, а конечную продукцию, которые к тому же по причине куда более сильной межотраслевой сцепки с другими звеньями народнохозяйственного организма запускают в отечественную экономику мощный эффект мультипликатора.

Монетарная экспансия, обеспечивающая преодоление кризиса, осуществляется посредством неуклонного расширения предложения на денежном рынке. Известно, что в период Великой депрессии 1929–1933 гг. денежная масса увеличилась в США на 35%. За 2007–2014 гг. суммарный объем прироста доллара, евро, фунта стерлингов, иены и швейцарского франка достиг гигантской отметки в 5,2 трлн долл. [6. С. 127]. Новый этап «количественного смягчения» запущен ФРС в 2020 г. в качестве ее реакции на масштабный «коронакризис». Кардинальное удешевление денег (выразившееся в недавнем сохранении ставки ФРС в узком диапазоне 0–0,25%), запуская в обществе механизм инфляционных ожиданий, порождает в сочетании с понижением реальных процентных ставок за кредит заметное наращивание потребительского и инвестиционного спроса, которое нейтрализует действие парадокса бережливости. Некоторое ускорение инфляционных процессов позволяет финансовым властям несколько ослабить бремя внутреннего государственного долга. Снижение привлекательности вкладов в коммерческие банки параллельно с нарастанием спроса на акции и другие корпоративные ценные бумаги влечет за собой всплеск внутренних инвестиций в основной капитал. Этому же содействует разумное падение обменного курса национальной валюты, повышающее ценовую конкурентоспособность продукции, выпускаемой в стране, и способное при определенных условиях кардинально улучшить состояние ее торгового баланса.

Стимулирующие шаги монетарных властей, конечно же, тоже заключают в себе определенную опасность ускорения инфляционных процессов. Чрезмерно мягкая монетарная политика и удешевление кредита способны нанести ущерб национальной экономике и в связи с тем, что они «замедляют темпы посткризисного восстановления, обеспечивая поддержку неэффективных компаний и банков» [11. С. 133]. Однако и в этом случае из-за существования в стране ситуации неполной занятости риск сколько-нибудь заметного ценового скачка в результате увеличения денежной массы, находящейся в обращении, как и риск сохранения потенциальных банкротств, оказываются намного меньше риска дальнейшего погружения отечественной экономики в затяжную рецессию в случае отказа от ослабления денежных ограничений.

На фазе длительного инфляционного бума, когда совокупный спрос все дальше отрывается от совокупного предложения, фискальные власти проводят столь же жесткую ограничительную политику, сводящуюся к сочетанию завышенной налоговой нагрузки на экономических субъектов (выражающейся, например, в резком урезании налоговых льгот, повышении ставок налогообложения) с всемерной экономией бюджетных средств, выделяемых на развитие как экономики, так и социальной сферы. Рестриктивная бюджетно-налоговая политика вполне может сопровождаться последовательным переходом бюджетного дефицита в бюджетный профицит, который имеет самостоятельное значение в качестве одного из наиболее мощных антиинфляционных

факторов. Однако его положительное влияние на инфляцию находится в жесткой зависимости от ведущего направления использования Минфином изъятых у налогоплательщиков и не потраченных на них же финансовых ресурсов. Если таковым становится погашение внутреннего государственного долга через активный выкуп своих долговых обязательств (с передачей избыточных налоговых поступлений обратно на рынок), то нарастающая чрезмерными темпами покупательная способность в условиях полной занятости неотвратимо сметает эфемерную стабильность общего уровня цен. А вот в случае, если финансовые власти используют бюджетный профицит на выплату внешней задолженности государства или на пополнение своих суверенных фондов, в национальной экономике наступают довольно благоприятные перемены. Не сводимые только к сокращению риска дефолта или к расширению реального суверенитета страны, чей долг нерезидентам начинает сокращаться, позитивные результаты такой бюджетно-налоговой рестрикции выражаются еще и в том, что грядущий циклический спад и, соответственно, ожидаемый в будущем всплеск безработицы окажутся куда менее заметными.

Фискальная рестрикция, нацеленная на противодействие ценоповышательной динамике, заведомо не может быть абсолютно безболезненной. Помимо вполне реального расширения сегмента теневой экономики она влечет за собой серьезное замедление хозяйственной динамики и формирует тенденцию ухудшения ситуации на рынке труда. Однако на фазе подъема риск ускорения инфляции оказывается намного выше риска приближения к стагнации, а поэтому такими побочными следствиями бюджетно-налогового сдерживания вполне можно пренебречь. Впрочем, для минимизации хозяйственных потерь фискальным властям крайне важно обеспечивать оптимальную дозировку применяемых «лекарств», не допуская резкого перехода национальной экономики с классического на промежуточный отрезок кривой совокупного предложения: приостановка рестрикции должна состояться при приближении совокупного спроса к точке, разделяющей эти два отрезка.

Неотъемлемым звеном механизма противодействия монетарным факторам инфляции на фазе подъема является денежно-кредитная рестрикция. Ограничительные действия центрального банка по повышению ставки рефинансирования и резервной нормы для коммерческих банков, его активные операции на открытом рынке ценных бумаг и на валютном рынке по своевременной продаже соответствующих активов выступают крайне действенными инструментами последовательной дезинфляции. Однако во избежание реализации разрушительного сценария «жесткой посадки» национальной экономики в дозировке всех названных монетарных инструментов нужна предельная осмотрительность, связанная с постоянным мониторингом складывающейся на рынке труда ситуации с занятостью экономически активного населения.

Само принципиальное соотношение правительственной бюджетно-налоговой политики и денежно-кредитной политики, проводимой в жизнь центральным банком (при острой необходимости координации их действий), при реализации комплекса дискреционных стабилизационных мер находится в определяющей зависимости от текущего состояния конъюнктурного цикла. В кризисный период, безусловно, большей результативностью отличается фискальная политика. Именно она как главное орудие кейнсианской модели государственного регулирования экономики «отвечает» за преодоление кризиса и безработицы. Антикризисные же действия монетарных властей часто сталкиваются с проблемой «можно подвести коня к воде, но нельзя заставить его напиться». Центральный банк через политику «дешевых» денег, конечно, может создать предпосылки для облегчения процесса кредитования коммерческими банками физических и юридических лиц. Но, как убедительно доказывает мировая практика хозяйствования, в кризисный период куда более ценными для них являются все же не дешевые кредиты (которые рано или поздно придется возвращать с процентами), а налоговые послабления и, особенно, безвозвратное бюджетное финансирование. Не случайно в период нынешнего «коронакризиса» основное внимание в мире уделяется именно «вертолетным» деньгам финансовых властей, а вовсе не инструментам монетарной экспансии — тем более в обстановке, когда для денежных рынков многих развитых стран типичной стала ситуация «ловушки ликвидности», а спасительные в подобной ситуации новые программы «количественного смягчения» стали приносить довольно слабый результат в плане антикризисного накачивания массового потребительского спроса. И хотя Банк России располагает куда большими резервами для дальнейшего смягчения своей политики, однако вовсе не она, а именно стимулирующие действия финансовых властей составляют «штурмовой отряд» нейтрализации кризисных факторов внешней и внутренней среды, с которыми в очередной раз ныне столкнулась отечественная экономика.

В период же инфляционного бума безусловный приоритет должен быть отдан денежно-кредитным инструментам как ведущему звену неоклассической модели регулирования национальной экономики. Куда больший эффект в такой ситуации гарантирует ограничительная политика «дорогих» денег сравнительно, скажем, с взвинчиванием налоговой нагрузки на домохозяйства и фирмы (зачастую переносимой компаниями, функционирующими в условиях несовершенной конкуренции, в цены реализуемых ими товаров и услуг). Впрочем, первенство монетарных властей в деле нейтрализации инфляционных процессов не должно трактоваться в качестве некоей аксиомы, хотя именно это и наблюдается в последние три десятилетия в деятельности Банка России, по сути, присвоившего себе функцию доминатора ценоповышательных процессов. Главенство центробанка было бы вполне оправданным здесь только в случае, если бы рост цен в нашей стране четко детерминировался

монетарными факторами инфляции спроса. Но если ценоповышательный процесс обусловлен сокращением совокупного предложения вследствие, например, ценового произвола со стороны крупных частных и государственных корпораций (что как раз и наблюдается в России в большинстве случаев), то ведущим звеном механизма противодействия разрушительным механизмам инфляции издержек должна быть признана деятельность Федеральной антимонопольной службы — с особым акцентом на такие ее инструменты, как жесткое регулирование цен и тарифов естественных монополий в комбинации с недопущением картельных сговоров всех других монополистов против интересов потребителей. Немаловажную роль в противодействии инфляции предложения могут сыграть при этом и фискальные ведомства через их решительный отказ от взвинчивания косвенных налогов (обыкновенно имеющих у нас мощный проинфляционный эффект), а также посредством щедрого субсидирования предприятий, относящихся к сектору конечных производств и выпускающих продукцию с высокой долей добавленной стоимости.

Государственная стабилизационная политика в своем многолетнем развитии прошла немало этапов. До этого долгое время, функционируя в рамках неоклассической парадигмы, власти пассивно полагались на механизм рыночного саморегулирования, который якобы способен самостоятельно, прежде всего, через механизм гибких цен, заработных плат и процентных ставок выводить национальную экономику из кризисного состояния неполной занятости и искоренять инфляцию на фазе подъема. Однако, начиная с Великой депрессии, появившиеся тогда и неуклонно укреплявшие свои теоретические позиции кейнсианцы стали убедительно доказывать принципиальную неустранимость вынужденной безработицы, а также инфляции, отстаивая тем самым необходимость серьезного расширения инструментальной базы государственного регулирования цикличности, с которой, в конце концов, вынуждены были, так или иначе, согласиться и неоклассики. Еще за несколько лет до запуска курса Ф. Рузвельта Дж. Кейнсом были написаны работы, в которых прозвучал отказ от классической позиции пассивного примирения с экономическими «болезнями» и обосновывались способы преодоления грядущих циклических спадов, которые в дальнейшем составили фундамент его «Общей теории занятости, процента и денег». В конце 1933 г. было опубликовано письмо Дж. Кейнса американскому президенту с конкретными антикризисными предложениями и всемерным одобрением его многозвенного политического курса, при реализации которого в США были задействованы, в частности, следующие конкретные меры: отказ от либеральной догмы о необходимости безусловного балансирования доходов и расходов государственного бюджета в условиях низкой конъюнктуры; использование бюджетных средств для запуска масштабных общественных работ; повышение минимальной заработной платы для противодействия сжатию потребительского спроса; освобождение

от налогов бедняков для повышения коэффициента мультипликации и изменения соотношения между потреблением и сбережениями в пользу первого — с адекватным взвинчиванием налоговой нагрузки на состоятельную часть американского общества (так, в течение первого срока правления Ф. Рузвельта максимальная ставка подоходного налога поднялась с 24 до 63%, а в течение второго срока — даже до 79%); законодательное введение федеральной системы страхования банковских депозитов для обеспечения бесперебойной трансформации сбережений в инвестиции; искусственное завышение цен на сельскохозяйственную продукцию в целях минимизации масштабов банкротства фермерских хозяйств; разумное ослабление курса доллара в интересах стимулирования экспорта и противодействия конкурирующему товарному импорту в сочетании с увеличением таможенных пошлин на многочисленные ввозимые товары. Тот факт, что в 1937–1938 гг. США захлестнула вторая волна спада, обычно объясняется неоклассиками глубинными дефектами кейнсианской «экономики спроса». Хотя, справедливости ради, это следует скорее связывать с преждевременным урезанием государственных расходов в погоне за большей сбалансированностью федерального бюджета, которое впоследствии было признано Ф. Рузвельтом ошибочным. И этот урок истории целесообразно учитывать нынешнему российскому правительству — в плане недопущения скоропалительного сворачивания масштабных бюджетных трат при первых проявлениях экономического роста в посткоронавирусный период.

Нейтрализация последствий Великой рецессии 2008–2009 гг. в Германии достигалась, например, через правительственную поддержку автопрома путем премирования процесса утилизации старого (возрастом свыше 9 лет) автомобиля в размере 2,5 тыс. евро при покупке нового, а также посредством выдачи государственных гарантий под частные инвестиции в концерн «Опель». В структуре антикризисного пакета стран G20 в этот период государственные расходы занимали 77% (в том числе 32% составили правительственные инвестиции в инфраструктуру) и лишь остальные 23% были представлены действиями по сокращению налогов, чья результативность признавалась далеко не столь высокой. В Китае для противодействия угрозам торможения экономического роста была сокращена с 4–6% до 3% ставка налога на малый бизнес. Антикризисный эффект дополнялся здесь и бюджетной политикой, в рамках которой сельским жителям были выданы госзаказы и пособия в размере 10–13% от стоимости производимой ими продукции, крупным предприятиям (особенно функционирующим в текстильной промышленности и металлургии) возвращалась часть налоговых выплат, государство масштабно субсидировало жилищное строительство. Одним из спорных результатов антикризисной политики стало появление свыше 20 городов-призраков, крупнейшим среди которых является Ордос. Спроектированный на 1 млн жителей, он имеет музеи, театры, стадионы, гоночную трассу, разнообразные коммунальные службы,

но по сей день является чуть ли не безлюдным. Мечта многих российских чиновников — город без населения, которое им всячески мешает — оказалась реализованной в КНР. Впрочем, нельзя сказать, что теория мультипликативного эффекта Дж. Кейнса в данном случае получила эффективную практическую реализацию. Противодействуя глобальной рецессии, денежные власти большинства стран тоже взяли за основу экспансионистскую политику кейнсианского типа. Так, французские автопроизводители получили льготный кредит в объеме 6 млрд евро в ответ на их обязательства не останавливать свои заводы. Сходные по целевой направленности кредиты в 13,4 и 4,0 млрд долл. соответственно были предоставлены американским корпорациям «Дженерал Моторс» и «Крайслер», и они сыграли немаловажную роль в поддержании занятости.

Развернувшаяся в мире в последние десятилетия глобализация все более сокращает возможности национальных правительств выбирать тот или иной вариант изменения налогов, государственных расходов, курсов валют или процентных ставок, ведь их выход за некий «коридор свободы» способен спровоцировать масштабную утечку капитала (в том числе человеческого), удорожание отечественной продукции, безработицу и целый комплекс других проявлений дестабилизации. Жизнь сегодня требует все большей синхронизации стабилизационных мер и жестоко наказывает те страны, которые выходят из ранее подписанных межгосударственных соглашений. Так, асинхронность стабилизационных мер проявлялась до недавнего времени в том, что разворот курса американской ФРС на удорожание денег (после трех этапов «количественного смягчения») реализовывался в условиях, когда европейский центробанк продолжал свою стимулирующую монетарную политику. Негативными результатами подобного диссонанса в действиях монетарных властей вполне могли стать как торможение американской экономики из-за избыточно крепкого доллара, так и ускорение инфляционных процессов в Евросоюзе.

Однако при всех бесспорных успехах антициклического регулирования экономики за последние 85–90 лет, как на национальном, так и на глобальном уровнях, выразившихся в куда меньших колебаниях хозяйственной конъюнктуры, все же нельзя не подчеркнуть, что в процессе его осуществления правительство и центральный банк по сей день сталкиваются, как минимум, с тремя серьезнейшими проблемами.

Первая: проблема ошибок прогнозирования. Антициклическая политика дает эффект лишь в том случае, если государственные институты, ответственные за ее проведение, обладают достоверной информацией о нынешнем состоянии экономической конъюнктуры и тенденциях ее предстоящего изменения в обозримой перспективе. Однако сколько-нибудь точная идентификация складывающейся ситуации является довольно непростой научной проблемой. Во всяком случае, крайне сложно предсказать переломную точку хозяйственной динамики, когда, например, завершается фаза депрессии и наступает

оживление, или здоровый подъем конъюнктуры перерастает в инфляционный бум. Особую сложность для прогнозирования представляют так называемые «черные лебеди», т.е. редкие, неожиданные события, которые практически невозможно предсказать из-за непонимания прогнозистами глубинных закономерностей их возникновения, и «серые лебеди» — маловероятные события, тоже имеющие серьезные социально-экономические последствия. При наступлении подобных событий (яркими примерами которых являются террористическая атака на США в сентябре 2001 г., последствия банкротства банка Lehman Brothers в сентябре 2008 г., результаты стремительного распространения коронавируса с начала 2020 г.), имеющих более негативную, чем позитивную окраску, становится принципиально невозможно спрогнозировать дальнейшее развитие общемировой социально-экономической ситуации. И чем более тесными становятся внешнеэкономические связи государств, тем значимее в современном мире оказывается роль случайности и непредсказуемости.

Даже самый совершенный экономический барометр, сконструированный футурологами, не способен достаточно точно предсказать предстоящую макроэкономическую динамику. «Современные прогностические возможности экономической науки, — выражает излишний скепсис В. Бурлачков, — можно считать неудовлетворительными. Экономисты до сих пор не сумели разработать основы прогнозирования кризисных явлений и предвидеть кратко- и среднесрочные колебания хозяйственной конъюнктуры» [4. С. 136]. Причем, даже в случае принципиально верной идентификации ситуации и приемлемого предвидения перспектив ее дальнейшего развертывания крайне сложно установить, на сколько именно и в какие сроки нужно, например, сократить налоги или расширить денежное предложение в стране для достижения в ней потенциального объема ВВП, но не для его превышения, чреватого перегревом экономики. Существенным дефектом сценарного прогнозирования в России является тот отмеченный С. Глазьевым факт, что предлагаются «сценарии, различающиеся лишь прогнозируемым уровнем нефтяных цен и ограниченные рекомендуемым МВФ инструментарием. Тем самым неоправданно сужается набор альтернатив макроэкономической политике консервации депрессивного состояния российской экономики» [5. С. 6]. Символично, что правительственные доклады, замечают И. Букина и В. Маневич, «никогда не содержат анализа допущенных в прошлом ошибок или причин, по которым прогноз оказался несостоятельным» [3. С. 10]. Между тем в подобной ситуации масштабные нестыковки прогнозных и фактических значений макроэкономических индикаторов будут неизбежно воспроизводиться на новой основе.

Резкие перепады в динамике конъюнктурных циклов зачастую случаются настолько стремительно, что фискальные и монетарные власти просто не успевают включить уже ранее неоднократно апробированные на практике дискреционные стабилизационные механизмы. «Главная характеристика

2008 г., которая гарантирует ему особое место в мировой и российской экономической истории, — отмечает В. Мау, — быстрота развертывания экономического кризиса, скорость перехода от эйфории к ощущению обреченности» [17. С. 4]. «Мировой кризис 2008–2009 гг., — признают Л. Григорьев и А. Ивашенко, — не был спрогнозирован ни академическими макроэкономистами, ни правительственными консультантами, ни независимыми исследователями в целом, ни какими-либо моделями» [8. С. 37–38]. При этом замечено, что недостоверным прогнозам более подвержены развивающиеся и небольшие страны, чем крупные страны-лидеры глобальной экономики. Прогноз роста ВВП по развитым странам «Большой семерки» в среднем не расходился с реалиями более чем на 0,77 п. п., в других развитых странах — на 1,14 п. п., в странах БРИКС — на 1,35 п. п., в развивающихся странах со средним уровнем дохода на душу населения — на 1,48 п. п. [14. С. 41]. Характерно, что в последнее десятилетие, как отмечает А. Пороховский, в средствах массовой информации «стали обвинять экономистов, включая экономическую элиту — лауреатов Нобелевской премии по экономике, в том, что они не способны дать реалистическую и верную картину состояния экономики, и больше того — пропагандируют даже искаженное о ней представление» [20. С. 65]. Во многом провальное состояние мировой экономической науки в плане ее неспособности предсказывать наступление мировых кризисов (когда применима крылатая фраза В. Черномырдина: «никогда не было, и вот опять!») связывается многими критиками с избыточным использованием математических методов, когда чем более сложными и «навороченными» становятся экономико-математические модели, тем лучше они якобы предсказывают будущее. В результате «для «типичного современного экономиста эконометрические оценки составляют высшую реальность и обладают статусом истины в последней инстанции» [13. С. 114]. Между тем представителей такого «эконометриковедения» ничуть не смущает факт серьезных расхождений между результатами подобных поверхностных количественных оценок, представленными различными исследователями. Известно, что, свободно владея современным ему математическим аппаратом, Дж. Кейнс не злоупотреблял его применением в экономических исследованиях. А вот нынешняя экономическая наука и по сей день продолжает плутать в этом причудливом лабиринте. «Мировой экономический кризис обнажил недостаточность широко распространенного количественного, инструментально-математического подхода к экономике в качестве основы прогнозирования ее развития» [20. С. 65]. Делая акцент в рамках некоего «клипового» подхода на функциональном анализе поверхностных взаимосвязей отдельных экономических явлений, отрывая модели от реальности, многие экономисты при выработке прогнозов даже не пытаются проникнуть в глубинные причинно-следственные, закономерные связи экономической системы, не задействуя должным образом принцип системности макроэкономического анализа.

В результате игнорирования диалектики общего и особенного они при выработке своих контрпродуктивных практических рекомендаций навязывают всем странам в целом сходные рецепты стабилизационной политики (например, в русле печально известного «вашингтонского консенсуса»), не учитывая их реальную существующую специфику.

Помимо всего прочего, следует учитывать, что социально-экономическое прогнозирование всегда имеет нерасторжимую связь с апологетикой, и она четко проявляется в ситуации, когда «наука выполняет социальный заказ на оправдание существующего порядка» [1. С. 58]. Неолиберальная экономикотеоретическая мысль, которая льется в российском общественном сознании «мощной многоводной рекой апологетики, наукообразно оправдывающей проводимую экономическую политику» [7. С. 36], склонна утаивать негативные статистические данные и всемерно возвеличивать единичные позитивные перемены, что приводит к искажению сути протекающих процессов. Одним из важнейших факторов господства апологетики в отечественной прогностике является сохраняющаяся зависимость (что выглядит довольно странно в обстановке нарастающих антироссийских санкций Запада) российского правительства и Центрального банка от Международного валютного фонда и Всемирного банка, которые и по сей день не только регулярно дают нашим фискальным и монетарным властям настойчивые рекомендации о целесообразных, с точки зрения «вашингтонского консенсуса», переменах в действующем механизме государственного регулирования (об отмене экспортных пошлин на вывозимые энергоносители в рамках «налогового маневра», повышении НДС, пенсионного возраста, настойчивой реализации «бюджетного правила» и т.п.), но и навязывают далекие от реальности наукообразные представления о функциональных взаимосвязях экономических показателей. И если сценарные прогнозы предстоящего развития отечественной экономики строятся на включаемых в экономико-математические модели упрощенных (а значит, ошибочных) неоклассических предпосылках о прямой связи денежной массы и общего уровня цен, процентной ставки и курса национальной валюты, масштабов урезания государственных расходов и темпов экономического роста и т.п., то помимо резкого сокращения возможностей проведения суверенной экономической политики российское государство лишает себя шансов на адекватное представление обозримого будущего национальной экономики.

Допустим, футурологи предоставили властям вероятностный прогноз о резком улучшении состояния российской экономики в 2022 г. Поскольку такая ситуация может сложиться лишь в случае заметного превышения совокупного спроса над совокупным предложением, а это чревато ускорением инфляционных процессов, постольку Банк России, скорее всего, решительно прервет нынешний цикл последовательного снижения своей ключевой ставки, которая, наоборот, станет неуклонно подниматься. Между тем по ряду

причин, имеющих как объективную (торможение роста глобальной экономики из-за новой волны распространения коронавируса, обострение гибридных конфликтов между США и КНР и др.), так и субъективную (преждевременное сокращение трансфертной поддержки населения, урезание субсидий отечественным предприятиям из-за исчерпания средств Фонда национального благосостояния и т.п.) природу, безусловный перевес вполне может оказаться на стороне факторов, тормозящих динамику российского ВВП. И, как результат прогностического просчета в самом принципиальном направлении предстоящей хозяйственной динамики преждевременно обозначившаяся в действиях монетарных властей политика «дорогих денег» неотвратимо повлечет за собой еще более глубокий спад национальной экономики, основную ответственность за наступление которого в таком случае придется возложить на не вполне компетентных футурологов. И, наоборот, если в динамике российского народнохозяйственного организма предсказывается, скажем, в 2021 г. продолжение рецессии, то неожиданно обозначившийся экономический рост (скорее всего опять-таки сугубо сырьевой и сопряженный, в частности, с новым соглашением о сокращении нефтедобычи в рамках ОПЕК+, наступлением суровой зимы или массовым банкротством сланцевых компаний в Северной Америке), подстегнутый в нашей стране экспансионистской политикой «дешевых денег», станет еще более инфляционно опасным, а значит, крайне недолговечным. И опять-таки формально полезная денежно-кредитная экспансия из-за стратегической ошибки в прогнозе неизбежно превратится в свою прямую противоположность, став решающим фактором усиления цикличности социально-экономической динамики.

На основании обширного негативного опыта подобных прогностических казусов представители неоклассической школы делают вывод, что макроэкономика объективно непредсказуема, а потому «точная настройка» на полную занятость и отсутствие инфляции посредством соответствующих дискреционных бюджетно-налоговых и денежно-кредитных рычагов принципиально невозможна. Так, отвечая на упреки в адрес экономической науки, поступившие от британской королевы в связи с неожиданностью наступления глобального кризиса 2008 г., Нобелевские лауреаты Р. Лукас и Т. Сарджент пояснили: кризис не был предсказан потому, что его невозможно предсказать. По сути, соглашаясь с ними, Г. Идрисов, В. Мау, А. Божечкова утверждают, что «ни один из произошедших кризисов достоверно предсказать не удалось, а то, что прогнозируется, как правило, не происходит» [12. С. 6]. И если фискальные и монетарные власти не склонны доверять футурологическим заключениям экономической науки и основанным на них мерам политики «точной настройки», своего рода «ручного управления» (которые сами по себе выступают причинами избыточных флуктуаций совокупного выпуска), то лучшая их позиция — пассивное бездействие со слепой надеждой на способность рыночных

механизмов саморегулирования самостоятельно, без вредного по определению вмешательства государства оперативно обеспечивать макроэкономическую стабилизацию.

Альтернативный кейнсианский взгляд на рассматриваемую проблему состоит в признании того обстоятельства, что прогнозы, действительно, далеко не всегда достаточно точны. Но лучше весьма далекий от достоверности прогноз, чем его полное отсутствие. Это, во-первых. А во-вторых, любая наука постепенно улучшается, и прогностика в этом отношении вовсе не является неким исключением. Поэтому необходимо, как отмечает В. Миронов, «упорядочить хаос» и как можно скорее дать участникам рынка представление о будущем» [19. С. 19]. Но, не допуская превращения макроэкономики из-за ее возможного интеллектуального регресса в псевдонауку — реальной угрозы, о которой предупреждал бывший главный экономист Всемирного банка Пол Ромер [1. С. 62], следует всемерно совершенствовать методологию выработки прогнозов. Во всяком случае, необходимо постоянно улучшать технологию сбора, систематизации и обработки колоссального объема экономической информации, которая обрушивается на субъектов государственного регулирования, а также создавать адекватные реально существующей экономической системе макромоделли. При этом важно избегать однобокой инерционности прогнозов в случае доминирования в них метода экстраполяции текущих тенденций в будущее, что в принципе неправомерно в обстановке циклически развивающейся рыночной экономики. Наряду с инерционным предвидением будущего следует использовать сценарное прогнозирование, обосновывающее альтернативные варианты действий властей на случай резких изменений тех или иных параметров социально-экономического развития [14. С. 46]. Важнейшим условием повышения достоверности прогнозных оценок и достижения большей адекватности соответствующего экономико-математического моделирования мы признаем кардинальное улучшение комплексных знаний о тех глубинных причинно-следственных связях (закономерностях), по которым протекают как развитие глобальной экономики, так и весьма специфическая эволюция российской ее разновидности.

«Качество прогнозов, — резонно подчеркивает В. Бондаренко, — зависит также от сегодняшнего уровня развития экономической теории» [2. С. 25]. Между тем в современной России этот уровень явно не выглядит достаточным, чему в решающей степени «благоприятствует» проведенная в последние десятилетия реформа советской системы образования, в ходе которой вместо формирования способностей и знаний для установления с их помощью причинно-следственных связей в общественной жизни школьников и студентов стали нацеливать преимущественно лишь на угадывание правильных ответов из нескольких предложенных их тестовых вариантов. И если и дальше будет проявляться упорное нежелание властей «признавать установленные наукой

и надежно верифицированные положения относительно важнейших причинно-следственных зависимостей современной экономики» [5. С. 4], то достоверность прогнозов обеспечить становится в принципе невозможно. Чрезмерное увлечение эконометрическими разработками, выявлением эмпирических связей между поверхностными экономическими явлениями в ущерб развертыванию теоретических исследований, нацеленных на выявление каузальных связей между ними, способно еще более дискредитировать экономическую теорию, подвергнуть сомнению ее принципиальную способность предвидеть грядущие перепады хозяйственной конъюнктуры. «Утверждение, что корреляция не обязательно является признаком причинно-следственной связи, — напоминает А. Либман, — является банальностью в современной литературе; корреляция двух переменных может быть вызвана третьей, ненаблюдаемой переменной» [15. С. 38].

Как говорится, призрак Госплана ходит по России, хотя и не того, советского директивного, долгие годы находившегося в эпицентре советской бюрократической координации. Чтобы представители власти с головой не увязли в колоссальных массивах статистических данных по сотням, если не тысячам индикаторов конъюнктуры и не столь часто задействовали на практике глубоко порочный метод проб и ошибок, необходимо создание многообразных институтов, способных нейтрализовать реальную угрозу ошибочных прогнозов и основанных на них индикативных планов соответствующими координирующими механизмами. Профессиональное использование подобных механизмов означает лучший способ предугадания будущего — его сознательное формирование. И, надо признать, что немалая заслуга в том, что события в мире после Великой рецессии до форс-мажора 2020 г. развивались все же не по наихудшему сценарию, принадлежит движущейся вперед по пути улучшения качества макропрогнозов и практических рекомендаций экономической науке, все более опирающейся не только на познание причинно-следственных связей в экономической системе, но и на беспорные успехи в развертывании цифровой экономики.

Вторая: проблема временных лагов. Российская экономика (как, впрочем, в той или иной степени экономика любой другой страны) вполне может быть сравнима с тяжелым железнодорожным составом, который крайне сложно разогнать, но когда затем он набирает скорость и начинает обладать мощной силой инерции, сколько-нибудь быстро остановить его становится не менее затруднительно. Для этого придется изыскивать дополнительные ресурсы регулирования, да и времени потребуется немало. А за этот временной интервал неконтролируемая национальная экономика может пройти немалое расстояние. Лаги (от англ. lag — «запаздывание», «отставание») как временные разрывы между взаимосвязанными экономическими явлениями способны чрезвычайно усложнить механизм реализации государственной антициклической

политики. Крайне значимыми среди них, создающими наибольшие трудности для дискреционных решений фискальных и монетарных властей, являются:

1) внутренний лаг распознавания — временной отрезок, необходимый для обнаружения и осознания фактов перехода экономической конъюнктуры в качественно новое состояние. Он требуется для того, чтобы вооруженные многочисленными индикаторами экономической конъюнктуры — запаздывающими (уровень безработицы в стране, динамика реальной заработной платы), совпадающими (направление изменения общего уровня цен, ВВП, индекса промышленного производства) и, главное, опережающими (объем товарных запасов, заказов на строительство жилья, потребительские товары длительного пользования, машины и оборудование, биржевые индексы и др.), ученые смогли дать заключение о предстоящих или уже случившихся перепадах в общехозяйственном развитии. Для этого им опять-таки требуется собрать и обработать многообразную информацию о текущем состоянии конъюнктуры. Это важно и в медицине, где, по данным Всемирной организации здравоохранения, существует лаг (2–3 недели) между массовым заражением населения коронавирусом и всплеском летальных исходов. Но не менее важна максимально точная оценка протяженности этого лага в экономике, ведь хозяйственные болезни, как и болезни человеческие, намного легче лечить на начальной стадии. Особенно сложно это сделать в случае распространения во властных структурах упрощенных представлений, подобных тем, что наличие в распоряжении Минфина Фонда национального благосостояния и масштабность золотовалютных резервов, которыми располагает Банк России, способны якобы надежно защитить нашу страну от всевозможных кризисов, хотя глубокий кризис зачастую как раз и «выбирает» ту страну, власти которой исповедуют мифические ценности «экономики заначки» и тем самым подходят ее к фазе спада куда более ослабленной как экономически, так и социально.

2) внутренний лаг решения — промежуток времени, требующийся бюрократической машине для ее реакции на конъюнктурные сдвиги. Его длительность предопределяется не только высокой вероятностью развертывания в «коридорах» власти ожесточенных споров о конкретных контурах того ответа на возникшие угрозы экономической безопасности страны, который был бы адекватен складывающейся ситуации. Нередко возникает острая необходимость дополнительной проверки, являются ли эти угрозы временными, самопроизвольно преходящими, или же для противодействия им требуются кардинальные стабилизационные меры. При этом если центральный банк, обладающий достаточной автономией от исполнительной власти, способен довольно оперативно сделать свой выбор о запуске того или иного набора монетарных инструментов (например, о запуске очередного раунда программы «количественного смягчения» в обстановке обозначающейся рецессии или об его сворачивании при возобновлении устойчивого экономического роста),

то реализация решений Минфина об изменении перечня налоговых льгот, запуске или отмене политики ускоренной амортизации, расширении или урезании соответствующих государственных расходов потребует, как минимум, нескольких месяцев, поскольку значительная часть всех этих новаций должна быть утверждена парламентом. Как доказывает мировая практика хозяйствования, одним из самых длительных лагов решения обладает запуск проектов общественных работ, у которых обычно имеется немало влиятельных оппонентов, обеспокоенных, например, опасностью расхищения выделенных бюджетных средств, и для которых (например, строительства скоростной автотрассы «Москва–Казань») пролиберальный Минфин обычно слишком долго изыскивает необходимые средства. Впрочем, факт безусловного доминирования в нашей стране партии «Единая Россия» имеет хотя бы одно достоинство – заметно менее длительный период прохождения законопроектов через соответствующие парламентские процедуры.

3) внешний лаг воздействия представляет собой временной отрезок, за который тот или иной инструмент стабилизационной экономической политики обеспечивает реальный результат в виде сокращения масштабов безработицы, сокращения подоходного расслоения между богатыми и бедными россиянами, искоренения галопирующей инфляции и др. Конечно, для достижения тех или иных из этих макроэкономических целей требуется существенно различные промежутки времени. Например, используемая российским государством летом 2020 г. ежемесячная выплата семьям с детьми 10 тыс. руб. в расчете на каждого ребенка способна стремительно повлиять на потребительский спрос (хотя, не будучи адресной, четко нацеленной на наименее социально уязвимые российские семьи, она вполне может привести к росту сбережений или же покупке не столько отечественных, сколько, например, китайских товаров, например, смартфонов). А вот сокращение ставок подоходного налога скажется на потребительской активности населения не столь быстро, особенно если оно затронуло состоятельные семьи, отличающиеся невысокой склонностью к потреблению. Государственные инвестиции на поддержку приоритетных отраслей национальной экономики окупаются ускоренным ростом последней, ее структурной диверсификацией тоже далеко не мгновенно. И если фискальная политика похожа на русского человека, который, как известно, «долго запрягает, но быстро едет» (при длительности лага решения лаг ее воздействия довольно короткий), то монетарная политика, напротив, при оперативности принимаемых решений может не только затянуть с ожиданием обществом их позитивных результатов, но и вообще не привести ни к каким положительным сдвигам. Особенно это вероятно в обстановке глубокого кризиса, в преодолении которого вклад политики «дешевых денег», как отмечалось выше, вполне может оказаться не только мизерным, но и попросту нулевым. Не случайно, многие россияне сегодня удивляются немалому разрыву между

невысокой, находящейся на историческом минимуме ключевой ставкой Банка России и той рыночной ставкой процента за кредит, который они могут получить в многочисленных коммерческих банках. Да и в случае его получения той или иной отечественной компанией далеко не факт, что эти кредитные ресурсы будут направлены ими на чистые инвестиции, а не на погашение их прежних долгов другим банкам, пополнение оборотных средств, выплату задолженности по налогам, коммунальным платежам и другие цели, слабо коррелирующие с преодолением нынешнего коронакризиса.

Из-за существования проблемы временных лагов государственные антициклические меры зачастую принимаются уже после того, как рыночная экономика под влиянием стихийно действующего механизма саморегулирования уже самопроизвольно вышла на качественно иной этап своего циклического развития. В. Мау отмечает, что «современная рецессия длится обычно год, и отсутствие быстрых (и адекватных) мер по противодействию ей может запустить маховик ухудшения ситуации в течение длительного периода с переходом конъюнктурных (циклических) проблем в структурные» [18. С. 7]. Негативными следствиями такого запаздывания вполне могут стать как чрезмерное стимулирование экономики, находящейся и без этого в состоянии инфляционного «перегрева», так и усиление спада «остывающего» народнохозяйственного организма. Последнее может случиться, если серьезно запоздали со своей реализацией слишком долго разрабатываемые и реализуемые антиинфляционные действия властей. Получается, что стабилизационные меры вполне способны вызвать, напротив, радикальную дестабилизацию национального хозяйства.

И если реакцией экономистов неоклассической школы, сторонников пассивной экономической политики на существование проблемы временных лагов обычно является отказ от проведения постоянно «припоздняющейся» краткосрочной антициклической политики государства, то вывод кейнсианцев, отстаивающих ценности политики активной, качественно иной — принципиальная важность сокращения временной протяженности всех звеньев лаговой структуры, оперативности принятия назревших решений (применительно к фискальной политике), и урезания периода срабатывания соответствующих регулирующих механизмов (с особым обращением на сей счет к монетарным властям). Бездействие правительства и центрального банка при их слепой надежде на «невидимую руку» рынка способна слишком дорого обойтись национальной экономике, попадающей в таком случае в состояние шоковых потрясений самих ее фундаментальных устоев. Основное внимание уделяется при этом решительному переходу от политики «точной настройки», чью управленческую ценность временные лаги, действительно, ставят под большое сомнение, к альтернативной политике «строгих правил», для которой опора на целостную многозвенную совокупность встроенных стабилизаторов (прежде всего, на прогрессивную шкалу подоходного налогообложения

физических лиц и стабильное наращивание денежного предложения темпами, равными сумме предстоящего роста ВВП и ожидаемой инфляции) приводит ее внутренний лаг к нулю. А если к тому же подсистема прогнозирования начинает демонстрировать несомненные успехи, и под грядущие, допустим, сезонные, перепады конъюнктуры заблаговременно подводятся контрциклические меры (например, опережающим образом удешевляется кредит для сельхозпроизводителей), то этот лаг и вовсе превращается в отрицательную величину.

Третья: проблема оппортунизма политических лидеров. Оппортунистический (от лат. *opportunus* — «удобный», «выгодный») стиль поведения присущ тем политическим лидерам, которые при использовании мощных инструментов государственного регулирования экономики отчетливо преследуют не общественные, а свои собственные интересы. Используя тонкие формы коварства и обмана, сознательно искажая информацию о текущем состоянии экономической конъюнктуры, они четко нацелены на стабильное присвоение политической ренты. Вплоть до второй половины XX века в общественном сознании доминировало упрощенное представление о том, что во всяком политическом решении находит свое проявление искреннее желание властей повысить уровень и улучшить качество жизни населения. Еще с работ французского философа Жан-Жака Руссо, утверждавшего, что интересы личности и власти, по сути, идентичны, а потому функцией последней является реализация «общей воли», в теории доминировала концепция доброжелательного и даже благотворящего государства, всерьез нацеленного на достижение приоритетных общественных целей. Легковесно предполагалось, что любое государство, рассматриваемое в широком смысле, есть не только правительство, но и народ, проживающий на определенной территории, нужды которого по этой причине заведомо не могут быть безразличными властным структурам.

В противовес подобной традиционной концепции Дж. Бьюкенен (лауреат Нобелевской премии 1986 г.) и Г. Таллок в своей книге «Расчет согласия» (1962 г.) доказывали, что большим заблуждением является рассмотрение политиков как патриотично настроенных и всезнающих людей, чьи действия продиктованы исключительно потребностью обеспечения процветания национальной экономики. В качестве важнейшей задачи подавляющее большинство политиков усматривают привлечение на свою сторону как можно большего числа избирателей на ближайших выборах. И если для ее решения потребуется принятие совершенно абсурдных, но политически выгодных им и финансирующим избирательную кампанию оппортунистов крупным бизнес-структурам решений, то какие бы то ни было моральные ограничения в расчет обычно не принимаются. Как отмечал в своей книге 1964 г. «Одномерный человек» Герберт Маркузе, свободные выборы хозяев не упраздняют деление общества на хозяев и рабов. Не случайно Дж. Бьюкенен призывал экономистов-теоретиков перестать давать рекомендации в наивных надеждах на их

практическую реализацию якобы благожелательными к народу властями. В подавляющем большинстве случаев это попросту нереально из-за оппортунистического поведения политиков. Весьма характерен тот факт, что оппортунистическую стратегию чаще проводят не президенты, чей срок пребывания у власти обычно не столь велик, а парламентарии, которые могут находиться у власти чуть ли не пожизненно. Так, Стром Тэрмонд был представлен в сенате США в течение 48 лет. Как отмечают Е. Гурвич и А. Хазанов, в муниципальных округах Португалии численность занятых в бюджетном секторе искусственно расширяется незадолго до выборов и заметно сокращается после их проведения. «Данный эффект особенно заметен, когда в выборах участвует действующий мэр и партия, которую он представляет, имеет большинство в местном совете» [10. С. 31].

Известно, что как только президенту США Б. Обаме накануне выборов 2012 г. для ускорения роста ВВП и создания дополнительных рабочих мест потребовались невысокие цены на нефть, биржевые котировки последней покатались вниз под влиянием тех ограничительных корректив в денежную эмиссию, которая внесла в этот период Федеральная резервная система. После же завершения избирательной кампании из-за сугубо оппортунистических, не имеющих серьезных экономических оснований решений нефтяные цены опять вполне предсказуемо подскочили.

Нынешние массовые протесты в США против расовой дискриминации наверняка режиссируются временно находящейся в оппозиции Демократической партией, не желающей более видеть в кресле президента Д. Трампа. Поэтому ему для продления своего пребывания в Белом доме по мере приближения к ноябрьским выборам приходится идти на потенциально проинфляционные решения по разбрасыванию по стране так называемых «вертолетных» денег, расширению финансирования здравоохранения, введению новых налоговых послаблений и грантов для бизнеса, выходу долларовой эмиссии со стороны ФРС далеко за рамки монетаристских правил. Конечно, сегодня, в условиях рекордного для последних десятилетий скачка безработицы в Соединенных Штатах (уровень которой по сей день выше 10%) подобное оппортунистическое поведение выглядит не столь опасным. Хотя нельзя не заметить, что в условиях шока предложения в этой стране, когда не работают многие рестораны и бары, остро стагнирует туризм, введен запрет на общественные мероприятия, рост потребительского спроса вполне может натолкнуться на ограниченное совокупное предложение с соответствующими инфляционными последствиями и резким падением курса доллара, препятствующим восстановлению национальной экономики. К тому же в случае кардинального улучшения коронавирусной, а значит, и хозяйственной ситуации в этой стране неизбежный ценовой всплеск и последующее ужесточение финансово-кредитной политики (особенно в случае прихода к власти оппозиционной партии

во главе с Д. Байденом, у которой для преодоления «тяжелого наследия» Д. Трампа будут развязаны руки) способны надолго перевести динамику ВВП в зону отрицательных значений.

В России в качестве наглядного примера оппортунистического поведения депутатов Государственной Думы и стоящих за многими из них олигархических групп выступает многолетний отказ вернуться от нынешней плоской шкалы подоходного налогообложения россиян к существовавшей в прошлом шкале прогрессивной, побудивший Президента РФ В. Путина к самостоятельному решению о повышении верхней планки такого налога с 13% хотя бы до 15%. Грядущие парламентские или президентские выборы обязательно сопряжены с теми или иными популистскими действиями фискальных властей безотносительно к тому, как это скажется на последующем ускорении инфляции. Тем самым правящая партия укрепляет свои политические позиции, а российская экономика вполне может оказаться в проигрыше.

О. Макшеева полагает, что «не существует мероприятий, способных полностью устранить причины оппортунистического поведения агентов, в том числе и представителей власти» [16. С. 14]. Однако все же некоторые подходы к нейтрализации угроз подобной беспринципности политиков в науке сформулированы. Так, сторонники неоклассической теории, считающие, что любая антициклическая политика в лучшем случае бесполезна, усматривают кардинальное решение проблемы оппортунизма политических лидеров в радикальном сокращении масштабов государственного участия в хозяйственной жизни. Они полагают, что несомненный акцент на рыночное саморегулирование национальной экономики по определению резко сокращает возможности представителей законодательной и исполнительной власти активно продвигать свои корыстные узкогрупповые интересы в ущерб тем или иным общенациональным целям и приоритетам. Представителям же кейнсианства выходом из столь непростой ситуации (как, впрочем, и способом разрешения проблем ошибок прогнозирования и временных лагов) видится решительный переход от широко применяемой в современной России дискреционной экономической политики (так называемого «ручного управления»), которая, развязывая руки политикам, является насквозь коррупционной, сопряженной с ошибочным прогнозированием и длительной задержкой как в принятии, так и в реализации тех или иных решений, к гораздо более привлекательной политике автоматической, которая резко ограничивает возможности чиновников совершать выгодные только им шаги, так или иначе «связывает им руки».

Проведенный анализ проблем, связанных с задействованием государственной стабилизационной политики, показывает, что, используя в 2020 г. ее действенные инструменты, российское правительство, Банк России, так же как фискальные и монетарные органы других стран, должны всегда не упускать из виду принципиальную возможность получения довольно противоречивых

результатов своего регулирования. Не следует упрощенно полагать, что для разрешения любой макроэкономической проблемы (сегодня это глобальная проблема преодоления последствий «коронакризиса») может быть сознательно сформирован некий идеальный механизм, способный оперативно отправить ее в прошлое без каких бы то ни было негативных побочных эффектов. Антициклическая политика даже самого идеального государства, которое, впрочем, не существует сегодня и, видимо, не будет существовать никогда, заведомо не может быть признана сколько-нибудь безупречной. Однако мы убеждены, что при грамотном использовании апробированных мировой хозяйственной практикой орудий государственного регулирования макроэкономические достоинства стабилизационного сглаживания экономической конъюнктуры способны существенно превзойти вполне вероятные при этом провалы.

Литература

1. *Автономов В.С.* Экономическая теория до и после великой рецессии // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 2. С. 58–64.
2. *Бондаренко В.М.* Новый взгляд на проблему кризисов, прогнозов и экономического роста // Теоретическая экономика. 2016. № 6. С. 21–36.
3. *Букина И.С., Маневич В.Е.* Кредитно-денежная и финансовая система России в 2015 году и в первом полугодии 2016 года: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2016. 38 с.
4. *Бурлачков В.* Проблема прогнозируемости экономической системы: теоретические аспекты // Вопросы экономики. 2010. № 11. С. 136–142.
5. *Глазьев С.Ю.* О неприемлемости проекта «Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики на 2019 год и период 2020 и 2021 годов» (особое мнение члена национального финансового совета) // Российский экономический журнал. 2018. № 6. С. 3–26.
6. *Глазьев С.* О таргетировании инфляции // Вопросы экономики. 2015. № 9. С. 124–135.
7. *Глазьев С., Чистилин Д.* Куда пойдет Россия? (Анализ предложенных программ социально-экономического развития страны) // Российский экономический журнал. 2017. № 4. С. 36–48.
8. *Григорьев Л., Иващенко А.* Теория цикла под ударом кризиса // Вопросы экономики. 2010. № 10. С. 31–55.
9. *Гурвич Е., Соколов И.* Бюджетные правила: избыточное ограничение или неотъемлемый инструмент бюджетной устойчивости? // Вопросы экономики. 2016. № 4. С. 5–29.
10. *Гурвич Е., Хазанов А.* Занятость в российском бюджетном секторе: значимы социальные или экономические факторы? // Вопросы экономики. 2016. № 8. С. 28–56.
11. *Дробышевский С.М., Трунин П.В., Божечкова А.В.* Долговременная стагнация в современном мире // Вопросы экономики. 2018. № 11. С. 125–141.
12. *Идрисов Г., Мау В., Божечкова А.* В поисках новой модели роста // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 5–23.
13. *Капелюшников Р.И.* О современном состоянии экономической науки: полусоциологическое наблюдение // Вопросы экономики. 2018. № 5. С. 110–128.
14. *Косенков К., Гусев М.* Анализ ошибок краткосрочных прогнозов // Экономист. 2015. № 12. С. 31–47.

15. *Либман А.М.* Эмпирические исследования в экономике: «революция достоверности»? // Куда движется современная экономическая наука? Научные доклады. М.: Институт экономики РАН, 2018. С. 34–52.
16. *Макшеева О.А.* Оппортунистическое поведение представителей власти // Известия ИГЭА. 2009. № 3. С. 13–15.
17. *Мау В.* Драма 2008 года: от экономического чуда к экономическому кризису // Вопросы экономики. 2009. № 2. С. 4–23.
18. *Мау В.* Национальные цели и модель экономического роста: новое в социально-экономической политике России в 2018–2019 гг. // Вопросы экономики. 2019. № 3. С. 5–28.
19. *Миронов В.В.* О диагностике текущего состояния российской экономики и среднесрочных перспективах ее роста // Вопросы экономики. 2019. № 2. С. 5–35.
20. *Пороховский А.* Политическая экономия: современные вызовы и перспективы // Экономист. 2011. № 1. С. 55–67.
21. *Рязанов В.Т.* Кейнсианская экономическая теория и политики: возможности и ограничения на современном этапе // Вестник СПбГУ. Сер. 5. Экономика. 2016. Вып. 2. С. 3–26.

S. Kapkanshchikov (e-mail: kapkansv@mail.ru)

Doctor of Economic Sciences, Professor,
Head of the Department of Economics
of Ulyanovsk State University, Ulyanovsk

COUNTERCYCLICAL REGULATION OF RUSSIAN ECONOMY: CONTENT, INSTRUMENTS, ISSUES AND POTENTIAL RESOLUTIONS

The article discusses the content, goals and instruments of the state countercyclical policy, the pros and cons of fiscal and monetary expansion (restriction), the author presents a comparative analysis of the effectiveness of stabilization measures of the government and the central bank during various phases of the business cycle. Considering errors of forecasting, time lags and opportunistic behavior of political leaders as the main problems hindering the achievement of the goals of discretionary economic policy, the author identifies alternative approaches to solving these problems by leading scientific schools.

Keywords: stabilizing fiscal and monetary policy; expansion, restriction; forecasting errors; time lags; opportunism; discretionary and automated policy.

DOI: 10.31857/S020736760011344-7

© 2020

Станислав Еремеев

доктор экономических наук, профессор, ректор
Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина
(г. Санкт-Петербург)
(e-mail: eremeevsg.lenguru@gmail.com)

Юлия Большакова

доктор философии, научный сотрудник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина
(г. Санкт-Петербург)
(e-mail: academy.prof.com@gmail.com)

Сергей Большаков

доктор экономических наук, профессор Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина
(г. Санкт-Петербург)
(e-mail: s.bolshakov@lengu.ru)

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕЙТИНГАХ

В статье рассматриваются проблемы измерения эффективности государственного управления, институциональные усилия государства по формированию инвестиционного климата и благоприятной среды для развития бизнеса. Освещаются показатели, оказывающие влияние на рейтинговые позиции стран.

Ключевые слова: государственное управление, оценка эффективности, рейтинг.

DOI: 10.31857/S020736760011345-8

Все чаще в исследовательской литературе используются различные подходы к оценке государственного управления. При этом рассматриваются все общественные сферы, находящиеся под влиянием государственной политики. Социально-экономические индексы ныне активно задействованы не только в политико-управленческой практике, но и в корпоративном менеджменте.

Важны как глобальные рейтинги эффективности, так и особенно рейтинги эффективности конкретных сфер социально-экономической политики государства, оценки потенциала воздействия государства на внутренние процессы, которые находятся под пристальным сторонним вниманием. Государственная информация целенаправленно аккумулируется для оказания влияния на приоритеты государственной политики, на восприятие их обществом и экономическими субъектами. Последний фактор является тем более важным в свете все возрастающего социального давления на институты власти

[7. С. 8]. Владение сравнительной информацией с использованием рейтингов способно оказать влияние на позиции различных групп влияния, формирование корпоративных интересов, а также имидж страны, репутацию институтов власти. Рейтинги способны сформировать общественное давление на институты власти с демонстрацией соответствующих материальных и социальных последствий, которые могут проявиться в области (де)регулируемого бизнеса [1, р. 247]. С середины 2000-х годов Всемирный банк использует рейтинги как инструмент влияния на регуляторную политику стран мира.

Рейтинги как инструменты социального давления – это не просто двухсторонние отношения Всемирного Банка и национальных институтов государственного управления, это формируемая информационная система, оказывающая давление на регуляторную политику государства с целью проведения необходимых реформ.

С 2006 года Всемирный Банк начал вести международный мониторинг экономик стран, отслеживая ход экономических реформ (более 3057 реформ в 188 странах мира).

Рейтинг глобальной конкурентоспособности который составляется Всемирным экономическим форумом с 1979 года, традиционно содержит ежегодную оценку факторов производительности и долгосрочного экономического роста.

Рейтинг глобальной конкурентоспособности 2020 года фиксирует, что мировая экономика находится на переломном этапе как в экономической, так и в социальной и экологической сферах. Низкие темпы экономического роста, растущее социальное неравенство, рост темпов изменения климата создают условия для снижения консолидированности мировой экономики, торможения глобализации, роста противоречий в политических элитах [4. С. 1146].

Инвестирование 10 триллионов долларов США центральными банками ведущих стран мира, что беспрецедентно по своим масштабам, хотя и позволило предотвратить глубокую рецессию, но оказалось недостаточно для повышения производительности и роста инвестиций в частный и государственный сектора.

В данном рейтинге Сингапур находится на первом месте с 84,8 баллами из 100 и является страной с наиболее конкурентоспособной экономикой. Страны большой 20-ки включают США (2-е место), Японию (6-е место), ФРГ (7-е место), Великобританию (9-е место). Сингапур превзошел США в глобальном рейтинге, но США по-прежнему являются центром инноваций и занимают 1-е место в рейтинге динамичного развития бизнеса, 2-е место по потенциалу инноваций и 1-е место по поиску квалифицированных кадров. Индекс показывает наличие взаимосвязи между конкурентоспособностью и другими аспектами устойчивого развития – социальной сплоченностью и экологической устойчивостью. Крупнейшие экономики мира имеют большие возможности для совершенствования управления инновациями и технологиями. По адаптивности правовых национальных моделей к цифровым бизнес-моделям

только четыре страны G20 вошли в топ-20: США (1-е место), Германия (9-е место), Саудовская Аравия (11-е место) и Великобритания (15-е место).

Несмотря на негативное влияние коронавирусной инфекции на экономические процессы и значительное снижение экономических показателей глобальной экономики, Россия в оценках международных экспертов занимает ведущее место в рейтингах.

Содержанием рейтинга Всемирного банка «Doing Business» являются институциональные условия ведения бизнеса, оценка которых охватывает 190 стран по таким ведущим для экономики показателям как: подключение к сетям, регистрация собственности, получение разрешений на строительство, регистрация предприятий, кредитование, защита инвесторов, налогообложение, разрешение неплатежеспособности международная торговля, обеспечение исполнения контрактов.

Анализ совокупности рейтинговых позиций Российской Федерации в контексте оценки государственного управления, институциональных условий позволяет в ряде случаев говорить о положительной динамике. Так, Россия в 2019 году поднялась на 3 позиции выше по рейтингу развития электронного правительства — с 35 на 32 место; по интегрированному показателю «индекс готовности к сетевому обществу» Россия осталась на 41 месте, а в рейтинге глобальной конкурентоспособности поднялась на 2 позиции вверх с 45 на 43 место.

В рейтинге Всемирного банка Doing Business в 2018 году РФ заняла 31 место, перескочив сразу 4 ступени в сравнении с 2017 годом и продемонстрировав положительную динамику по таким субиндексам как «получение разрешения на строительство» и «кредитование».

Международный рейтинг «Forbes» охватывает аналитическую базу по 153 странам по 11 ведущим экономическим и институциональным факторам, таким как: защита прав собственности, инновационность, налогообложение, технологии, коррупция, уровень личных свобод граждан, степень вмешательства государства в экономику, защита инвестиций и состояние фондового рынка. Данные агрегируются из различных источников и результатов исследований экспертных групп «Всемирного банка», Всемирного экономического форума, «Freedom House», «Heritage Foundation», «Property Rights Alliance», «Transparency International».

В международном рейтинге «Forbes» в рэнкинге лучших стран для ведения бизнеса 2019 года Россия поднялась сразу на 3 позиции — 55-е место. На первом месте была Великобритания, в топ-3 лучших стран для ведения бизнеса вошли Швеция и Гонконг [2].

Важный для мировых инвестиционных рынков и глобальных инвесторов рейтинг глобальной конкурентоспособности составляется Всемирным экономическим форумом. Данный рейтинг охватывает 138 стран по 12 индикаторам

конкурентоспособности национальных экономик, находящихся на разных уровнях экономического развития: «Качество институтов», «Инфраструктура», «Макроэкономическая стабильность», «Конкурентоспособность компаний», «Здоровье и начальное образование», «Размер внутреннего рынка», «Высшее образование и профессиональная подготовка», «Эффективность рынка товаров и услуг», «Эффективность рынка труда», «Развитость финансового рынка», «Технологический уровень», и «Инновационный потенциал» [2].

Российская Федерация улучшила свои позиции и поднялась с 45 на 43 позицию рейтинга глобальной конкурентоспособности, заняв место между Латвией и Кипром. Это было результатом достигнутой макроэкономической стабильности: умеренного роста ВВП, низкого уровня государственного долга.

По данным отчета, в ведущую тройку лидеров международного рейтинга в 2018–2019 гг. входят США, Сингапур и ФРГ. Состав стран лидеров за год существенного изменился: США, Сингапур и Германия опережают по показателям лидера рейтинга предыдущих лет – Швейцарию.

В качестве сильных сторон Российской Федерации, отражающих конкурентоспособность государства, выступает высокий уровень показателя внедрения информационно-коммуникационных технологий. Российская Федерация в данной сфере занимает 25 позицию, тем самым существенно улучшая свой показатель, сразу на 32 позиции.

Сравнительный анализ движение стран в группе СНГ демонстрирует лидерство Российской Федерации (48 место), лучшее движение показателя относится к человеческому капиталу (38-е место), особенно по показателю активности использования ИКТ, цифровизации корпоративного сектора и государственных органов власти (35-е место в сфере бизнеса и 32-е место по государственному управлению).

От России страны-соседи заметно отстают по составляющим индекса готовности к сетевому обществу, в части оценки государственного управления Россия располагает в лидирующей группе стран на 56 месте, Казахстан – на 66 месте, Белоруссия – на 68 месте рейтинга по данному индикатору, Украина – на 63 месте. Значительна разница в оценке показателей информационных технологий, широты их охвата и масштаба использования: Россия на 51 месте, Украина – на 20 позиций ниже, на 71 месте, Казахстан – на 74 месте, Белоруссия – на 79 месте.

Всемирным экономическим форумом рассматривается индекс готовности к сетевому обществу Всемирного экономического форума (Networked Readiness Index – NRI), данный индекс отражает готовность страны к более активному использованию информационных технологий в целях социально-экономического развития. В первой тройке находятся такие страны как Швеция, Сингапур и Нидерланды [6].

Россия не изменила за прошедший год свою позицию в рейтинге индекса готовности к сетевому обществу Всемирного экономического форума (Networked Readiness Index – NRI), оставшись в 2019 году на 48 месте. Прогресс России в рейтинге сдерживается из-за слабой и ухудшающейся нормативно-правовой базы (индикатор «Политическая среда и регулирование», 88 место). Слабые позиции по таким показателям как «Эффективность законодательных органов» (81 место), «Судебная система» (81 место), «Защита интеллектуальной собственности» (123 место) и пр. Хорошие позиции у России оказались в таких направлениях, как «Доступность» и «Навыки». Более чем на треть у России выше показатель «разработка мобильных приложений» – 70,39 баллов, тогда как среднее значение по группе стран – 52,67 баллов. Высокий уровень показателей по направлениям «кибербезопасность», «простота ведения бизнеса», «адаптируемость правовой базы к цифровым бизнес-моделям».

Несмотря на позитивное движение, эксперты Всемирного экономического форума и международной школы бизнеса INSEAD выделяют направления на которых России следует сосредоточиться для улучшения, это – «Технологии будущего/Future Technologies» (72-е место), качество жизни (85-е место), также эксперты отмечают негативное влияние имущественного расслоения и неравенства доходов (62-е место). Эксперты также отмечают необходимость сосредоточиться по странам региона (СНГ и бывшего постсоветского пространства) в направлении содействия безопасности в Интернете, регулирования сферы ИКТ и подготовке к реализации передовых цифровых технологий (искусственный интеллект и Интернет вещей).

Так, по данным Всемирного банка Россия значительно укрепила позиции в международном рейтинге оценки делового климата и в 2020 году заняла 28 место, по сравнению с 2019 годом улучшив свои позиции на 3 позиции.

Положительная динамика показателей делового климата России свидетельствует о существенном улучшении соответствующей работы органов государственного управления. Очевидны положительные результаты предпринимаемых усилий по де бюрократизации экономики. Положительную роль играет и выдвигание Россией более амбициозных стратегических целей. Не менее важно то, что в данном международном рейтинге Doing Business решающими для позиций стран из топ-30 становятся показатели конкуренции.

Рейтинг «Doing Business» является одним из комплексных показателей, позволяющих провести оценку инвестиционного климата, учесть существующие административные процедуры и регуляторные практики экономики.

Независимые эксперты Всемирного банка зафиксировали в России улучшение значений показателей в строительстве, энергетике, регистрации предприятий, налогообложении, таможенном администрировании, кредитовании и банкротстве.

Уже более пяти лет подряд уверенное продвижение России в рейтинге демонстрирует усиление ее позиций среди стран-партнеров по БРИКС. Рядом с Россией в топ-30 стран рейтинга Doing Business оценки бизнес-климата в России близки к оценкам в Австрии, Японии. Россия уверенно обошла в рейтинге Испанию, Францию, Польшу, Португалию, Нидерланды, Швейцарию и Бельгию [3].

Среди стран БРИКС Россия продолжает занимать первое место, существенно опережая Китай (46), Индию (77), ЮАР (82), Бразилию (109).

Существенный вклад в общий рейтинг России внесли такие показатели как «получение разрешения на строительство» и «подключение к сетям» (рис. 1).

По «получению разрешения на строительство» Россия поднялась на 26 место (ранее – 48 место), снизив затрачиваемое время на 29 дней, а количество процедур с 15 до 13. Эксперты подчеркивают, что рост данного показателя связан в том числе с совершенствованием законодательной базы и обширной просветительской деятельностью в предпринимательской среде [3].

Важным для позиционирования России в рейтинге является улучшение данных страны по направлению «налогообложение». Россия смогла сократить не менявшееся с 2014 года время, затрачиваемое на налогообложение, до 159 часов (ранее 168 часов). Произошло существенное улучшение данных за счет сокращения времени на подготовку, подачу налоговой отчетности и уплату налога на прибыль и обязательные отчисления работодателя на сотрудников.

Оценивая движение России в разрезе субиндексов Всемирного банка, бизнес-климат России по-прежнему входит в топ-20 стран по таким ведущим направлениям, как «подключение к сетям» (7 место) и «регистрация собственности» (12 место). На среднем уровне Всемирный банк оценивает обеспечение исполнения контрактов (21 место), кредитование (25 место), получение разрешения на строительство (26 место) и регистрацию предприятий (40 место).

Согласно ежегодным рейтингам Всемирного банка, Беларусь занимала в 2019 году 49-е место среди 190 стран по легкости ведения бизнеса. Ранг Беларуси ухудшился по сравнению с 37 местом в 2018 году (рис.1).

Анализ показателей делового климата Беларуси демонстрирует снижение показателей и в сравнении со странами, входящими в Евразийский экономический Союз. Например, Казахстан улучшил рейтинг на 3 позиции и поднялся на 25 место, Россия показала положительную динамику и переместилась на 28 место в 2019 году (с 31 места в 2018), низкие показатели демонстрирует деловой климат Киргизстана, страна опустилась на 10 пунктов ниже – на 80 место рейтинга. Существенные институциональные подвижки в рейтинге демонстрируют Литва – 11 место, Латвия – 19-е место, Польша – 40-е место в рейтинге Всемирного Банка в 2019 году.

Снижение показателей Белоруссии произошло за счет ослабления защиты миноритарных акционеров и инвесторов, существенно увеличилось время,

в течение которого акционерные компании раскрывают информацию, значимую для рынка, общественности, национального регулятора.



Рис. 1. Позиции стран рейтинга по ведущим показателям рейтинга Doing Business" 2019 г.
(составлено авторами по данным <https://www.doingbusiness.org/>)

В то же время нужно отметить, что ряд положительных сдвигов по рейтингу делового климата Белоруссии не учтены в рейтинге 2019 года, но явно скажутся в перспективном периоде. Например, принято решение национального регулятора Белоруссии по упрощению процесса открытия бизнеса, отменены требования по регистрации в книге реестра проверок и разрешения на покупку бизнеса в течение 6 месяцев после регистрации сделки. В формате единого окна был упрощён процесс работы с разрешениями на строительство.

Позиции Украины в рейтинге улучшились в сфере международной торговли. Украина учла требования по устранению дополнительной проверки импортируемых автозапчастей. Кыргызская Республика и Украина улучшили институциональную среду посредством внесения поправок в гражданское судопроизводство.

В то же время Украина сделала разрешение на строительство более дорогостоящим за счет увеличения инвестиций бизнеса в развитие городской социальной и инженерно-транспортной инфраструктуры. В то же время Украина существенно упростила работу с разрешениями на строительство, отменив требование о получении разрешения от Государственной службы Украины по чрезвычайным ситуациям. Украина усилила защиту миноритарных инвесторов,

повысив требования к раскрытию в годовых отчетах сделок со сторонами коммерческой сделки.

В целом следует отметить, что Украина улучшила в последнее время позиции и поднялась на семь мест в рейтинге Всемирного банка «Ведение бизнеса» за 2019 и заняла 64-е место в рейтинге. Это был лучший результат оценки динамики движения Украины в рейтинге за всю историю, что позволило говорить об украинских реформаторах как об одних из «самых быстрых».

Результатом рейтинга является улучшение позиций страны в рейтинге, его значительное улучшение с 2012 года, когда Украина занимала 152 место из 190 стран.

Из 10 категорий, которые входят в состав индекса, Украина продемонстрировала наибольшее улучшение по динамике движения в треке «разрешения на строительство» (рост с 20 на 30 место), но с ухудшением таких позиций как получением кредитов (с 32 до 37 места) и защита миноритарных инвесторов (с 72 до 45).

По оценкам Союза украинских предпринимателей, Украина заняла худшее место в плане получения электроэнергии (снижение до 128 места с 135 в 2018 году) и урегулирования несостоятельности (снижение на 1 позицию до 146 места), и это после вступления в силу нового кодекса о банкротстве в 2019 г.

В 2019 году вступил в силу украинский Кодекс о банкротстве, и вслед за этим парламент принял закон о повышении инвестиционной привлекательности Украины.

По данным Всемирного банка, Украина улучшила 6 из 10 показателей, на которых основан рейтинг Всемирного банка. *Защита миноритарных инвесторов*, достигнутая за счет более широкого раскрытия информации об операциях с заинтересованными сторонами, принесла большую часть позитивных сдвигов (27 позиций). Далее следует оценка показателя *«работа с разрешениями на строительство»*, положительный результат достигнут за счет исключения требований нанять внешний надзорный орган и внедрения системы онлайн-уведомлений, а также путем снижения размера взноса в Киевский городской совет (+10 позиций).

Другие показатели, которые позволили улучшить позицию делового климата Украины, следующие:

– *регистрация собственности* – Украина упростила процесс регистрации собственности, повысив прозрачность системы управления земельными ресурсами.

– *получение кредита* – Украина улучшила доступ к кредитной информации, создав новый публичный кредитный реестр в Национальном банке Украины.

Международный рейтинг стран Всемирного банка важен тем, что на его основе мировой бизнес формирует долгосрочные стратегии делового поведения, оценивает эффективность национальных институтов государственного

управления в части стимулирования инвестиционных процессов, привлечения инвестиций и формирования благоприятного к инвесторам делового климата.

В дальнейшем подняться в рейтинге Doing Business позволит, в том числе внедрение «регуляторной гильотины» и развитие цифровизации. Имеется высокий потенциал для дальнейшего роста по показателям «международная торговля» и «защита миноритарных акционеров».

С 2012 года Россия совершила рывок в рейтинге на 89 позиций, например, по треку «Разрешение на строительство» Россия сразу перескочила на 48 место рейтинга со 115 позиции годом ранее. Благодаря продолжающимся институциональным реформам в регулировании строительной отрасли экономики на 45 дней сократились сроки получения разрешительной документации на строительство [3].

Специалисты из Всемирного банка также отметили существенное улучшение по показателю «Подключение к сетям», срок подключения составляет всего 10 дней, а стоимость подключения сократилась в семь раз.

Как отмечает М. Орешкин «по направлению «Кредитование» Россия поднялась до 22 места благодаря реализованной в 2016 году реформе, конкретизирующей основания для освобождения заложенного имущества от автоматической приостановки или моратория на процедуры обращения взыскания, когда в отношении должника начинается процедура финансового оздоровления и внешнего управления» [8].

В период 2017–2018 гг. органы государственной власти и управления России успешно провели значительное количество реформ, которые еще не полностью приняты в зачет показателей Всемирного банка. Это означает, что у показателей России есть потенциал к положительной динамике в будущем. В рамках оценки показателя ««Международная торговля» в 2020 году Россия продвинулась вперед только на одну позицию при большом числе реформ в данной сфере. Вступление в силу нового Таможенного кодекса позволило сократить затраты и время на оформление таможенных процедур, упростить процесс подачи документов» [8]. Реализация ключевых позиций обновленной программы развития Федеральной таможенной службы на период до 2020 года позволила автоматизировать значительную часть институциональных процессов управления экономикой и усовершенствовать подход к внедрению риск-менеджмента в части категорирования участников внешнеэкономической деятельности. Однозначно есть положительное влияние на перспективу в части трека «Международная торговля», что позволит существенно повысить качество и скорость таможенного администрирования. Данный факт позволит оптимизировать эти процедуры для улучшения делового климата в России.

Таблица 1

**Динамика значений показателей России
в рейтинге «Doing Business» по направлениям**
(составлено авторами по данным <https://www.doingbusiness.org/>)

	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Подключение к сетям	143	29	30	10	12↓2
Регистрация собственности	12	8	9	12	12
Регистрация предприятий	34	41	26	28	32↓4
Налогообложение	49	47	45	52	53↓1
Международная торговля	155	170	140	100	99↑1
Защита миноритарных акционеров	100	66	53	51	57↓6
Обеспечение исполнения контрактов	14	5	12	18	18
Получение разрешений на строительство	156	119	115	115	48↑67
Разрешение неплатежеспособности	65	51	51	54	55↓1
Кредитование	61	42	44	29	22↑7

Анализ положительного движения рейтинга России в рамках трека «подключение к электрическим сетям» позволяет отметить, что в сравнении с 2017 г. эксперты Всемирного банка учли комплексное влияние регионально-го фактора. Были приняты в расчет сокращение количества процедур с 3 до 2 процедур, сокращение срока на 10 дней в г. Москве в г. Санкт-Петербурге, уменьшение стоимости подключения к электросетям в 6,6 раза для Москвы и в 8,7 раза для Санкт-Петербурга.

В части индикаторов «Индекс надежности электроснабжения» и «Прозрачности тарифов» Россия в очередной раз подтвердила максимальную оценку 8 из 8 баллов. Это произошло в том числе за счет сокращения процедуры подключения к электрическим сетям в г. Москве и г. Санкт-Петербурге до двух этапов: заключение договоров технологического присоединения и электроснабжения через сетевую организацию и выполнение работ и подача напряжения на объект. Учет данного показателя, выраженного в двух процедурах, является лучшим показателем в мире (худшим показателем для стран рейтинга является данный показатель в 9 процедур).

Экспертиза позволила подтвердить для России показатель снижения стоимости технологического присоединения до 5,7% от дохода на душу населения. Срок подключения снизился с 83 дней в 2017 году до 73 дней в 2018 году. В рамках данного направления органы государственного управления предприняли значительные усилия, что позволило международным экспертам зафиксировать беспрецедентное улучшение показателя со 183 места в 2012 г. до 12-го места в 2018 году. Интегральный показатель «подключения

к электрическим сетям» поднялся до 94 баллов из 100, что в свою очередь является самым высоким показателем среди всех направлений рейтинга в России.

По данному показателю движение России признано наилучшей национальной практикой в сфере энергетики, которая будет распространена среди других стран для масштабирования положительного опыта.

В заключение необходимо отметить, что международные исследования национальных моделей государственного управления на основе открытых данных становятся инструментом национальной организации, смены моделей регуляторных практик. Совокупность международных рейтингов оценки эффективности государственного управления (таких как World Governance Indicators, Doing Business, Networked Readiness Index – NRI и пр.) служат обобщению лучших практик государственного управления. Рейтинг «Doing Business» не только выражает конкретные качественные стороны организации государственного управления и регулирования бизнес-среды, но и является показателем реализации парадигмы общественно-государственного управления.

Международные оценки качества государственного управления важны в экономическом плане тем, что позволяют субъектам бизнес-среды провести взвешенную оценку влияния индикаторов взаимодействия с органами государственной власти (например, такие показатели как: «подключение к сетям», «регистрация собственности» «налогообложение») на хозяйственную практику и оценить степень открытости модели корпоративного управления.

Литература

1. *Djankov S.* The Doing Business project: how it started: correspondence // Journal of Economic Perspectives. 2016. № 1 (30). С. 247–48.
2. Global Competitiveness Report 2019: How to end a lost decade of productivity growth // <https://www.weforum.org/reports/how-to-end-a-decade-of-lost-productivity-growth> [дата посещения 30.06.2020].
3. Global Competitiveness Report <https://www.doingbusiness.org/en/data/doing-business-score> [дата посещения 30.06.2020].
4. *Kelley, Judith, and Beth A. Simmons.* Politics by Number: Indicators as Social Pressure in International Relations // American Journal of Political Science 59 (1): 1146–61. 2015.
5. *Merry, Sally Engle.* Measuring the World: Indicators, Human Rights, and Global Governance: with CA comment by John M. Conley // Current Anthropology 52 (3): 83–95. 2011.
6. Network Readiness Index: Benchmarking the Future of the Network Economy // <https://networkreadinessindex.org/nri-2019-countries/> [дата посещения 30.06.2020].
7. *Барабашев А.Г., Макаров А.А., Макаров И.А.* О совершенствовании индикативных оценок качества государственного управления // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 2. С. 7–35.
8. *Орешкин М.* По результатам рейтинга Doing Business Россия находится в «клубе» стран с хорошим бизнес-климатом // http://old.economy.gov.ru/minrec/press/news/201831103?presentationtemplate=m_activity [дата посещения 30.06.2020].

S. Eremeev (e-mail: eremeevsg.lenguru@gmail.com)

Rector, Grand Ph.D. in Economics, Professor
Leningrad State University named after A.S. Pushkin,
(Saint Petersburg)

Yu. Bolshakova (e-mail: academy.prof.com@gmail.com)

Grand Ph.D. in Philosophy, Researcher,
Leningrad State University named after A.S. Pushkin
(Saint Petersburg)

S. Bolshakov (e-mail: s.bolshakov@lengu.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor
Leningrad State University named after A.S. Pushkin
(Saint Petersburg)

PERFORMANCE ASSESSMENT OF PUBLIC ADMINISTRATION IN INTERNATIONAL RANKINGS

The article deals with the problems of measuring the efficiency of public administration, and with the institutional policy of the government, aimed at the formation of both an investment climate and a favorable environment for business development. The indicators that influence the countries' rating positions are highlighted.

Keywords: public administration, performance assessment, rating.

DOI: 10.31857/S020736760011345-8

© 2020

Сергей Михневич

доктор экономических наук, руководитель Центра
Института экономики Национальной академии наук Беларуси
(г. Минск)
(e-mail: dr-siargei-mikhnevich@yandex.ru)

СОГЛАШЕНИЕ ВТО О ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ЗАКУПКАХ КАК ИНСТРУМЕНТ СОДЕЙСТВИЯ СПРАВЕДЛИВОЙ КОНКУРЕНЦИИ

В статье рассматриваются ключевые положения модернизированного Соглашения ВТО по правительственным закупкам, связанные с содействием справедливой конкуренции в сфере осуществления правительственных закупок. Особое внимание уделяется противодействию коррупционным проявлениям в процессе реализации государственных закупок. Отмечаются преимущества, которые открываются для страны в связи с её полноправным участием в Соглашении ВТО по правительственным закупкам.

Ключевые слова: Соглашение о правительственных закупках, многосторонняя торговая система, международные организации, справедливая конкуренция.

DOI: 10.31857/S020736760011346-9

Государственные (правительственные) закупки – это механизм решения ряда социально-экономических задач страны, которые находятся на особом контроле правительства. В процессе такого рода закупок приобретаются товары и услуги для нужд государственных организаций и учреждений.

Технология государственных закупок предполагает реализацию последовательного цикла действий, которые связаны между собой и являются взаимодополняющими. В перечень этих действий, в частности, входят оценка потребности в товаре или услуге, уточнение технических характеристик товара или услуги, организация и проведение тендера, определение победителя, контроль за реализацией контракта и целевым использованием финансовых средств.

Оптимизация процесса государственных закупок, целью которой является повышение эффективности расходования бюджетных ресурсов, составляет одну из приоритетных задач в реализации вышеупомянутой технологии. В этом контексте видится логичным и важным широко использовать достижения научно-технического прогресса, в частности, информационно-коммуникационные технологии, которые позволяют повысить прозрачность всей системы правительственных закупок, включая условия доступа на рынок и участия в тендерах. Цифровые технологии содействуют повышению конкуренции в процессе осуществления торгов, способствуют более эффективному управлению контрактами.

Согласно исследованиям ряда международных экономических организаций, развитые страны тратят на правительственные закупки около 20% своего бюджета, а страны с развивающейся экономикой – до 30%. По оценкам Европейской комиссии, объёмы государственных закупок в глобальном масштабе оцениваются почти в 3 трлн евро¹.

Государственные закупки являются также важным элементом экономических отношений между субъектами хозяйствования как внутри страны, так и за ее пределами. Принимаемые на уровне правительства решения в отношении госзаказа часто содействуют выполнению национальных программ развития, способствующих обеспечить экономический рост, развитие малого и среднего бизнеса, повышение стандартов ответственного предпринимательства.

В последние годы в контексте реализации концепций государственных закупок большое внимание уделяется решению экологических проблем. Другими словами, при осуществлении процедуры закупок государства всё активнее продвигают элементы природоохранной политики, включая в качестве условия проводимых торгов требование обеспечить соответствие закупаемых товаров (услуг) конкретным экологическим стандартам.

Поскольку государственные закупки финансируются из бюджета страны, правительства отдают предпочтение в осуществлении такого рода торговых операций национальным поставщикам. Однако данная практика часто противоречит рациональным подходам к обеспечению эффективного, с точки зрения рыночных отношений, управления государственными контрактами. Во-первых, использование в процедуре закупок исключительно отечественных компаний не всегда выгодно с экономической точки зрения, так как это может привести к росту цен на приобретаемые товары и услуги по причине отсутствия конкуренции. Во-вторых, национальным поставщикам может оказываться поддержка посредством установления разного рода преференций, в то время, как в отношении зарубежных поставщиков могут существовать определенные ограничения, а то и запреты, касающиеся участия в закупках. Такой подход к участникам торгов нарушает принципы справедливой конкуренции в рамках осуществления процедуры правительственных закупок. В этом контексте справедливым видится мнение, согласно которому установление для национальных и зарубежных поставщиков разных режимов доступа к правительственным закупкам является нетарифным ограничением в торговле.

Решением задачи по обеспечению условий справедливой конкуренции в сфере государственных закупок занимались и занимаются разные международные организации. Например, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) разрабатывает рекомендации для правительств

¹ Mode of access: <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/38003/> Public Procurement Indicators 2017. Date of access: 25.06.2020.

по реформированию механизмов регулирования госзакупок², повышению транспарентности в процессе осуществления торгов, противодействию недобросовестной конкуренции.

Комиссия ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) подготовила типовой закон о закупках товаров и услуг. Целью данного документа является установление гармонизированных правил осуществления правительственных закупок, повышение эффективности процедур закупок на международном уровне³.

История разработки и подписания соглашения о правительственных закупках в рамках многосторонней торговой системы ГАТТ/ВТО берет свое начало в середине 70-х годов прошлого столетия, когда в рамках переговоров «Токио раунда» (1973–1979 гг.) было согласовано и подписано Соглашение о режиме размещения правительственных закупок, требовавшее от стран-участниц создавать недискриминационный режим для зарубежных компаний при размещении государственных заказов. Данное соглашение вступило в силу в 1981 году.

Соглашение о режиме размещения правительственных закупок, как и еще восемь других соглашений «Токио раунда», было автономно с точки зрения круга участников и открыто для присоединения стран-членов Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ).

В ходе «Уругвайского раунда» многосторонних торговых переговоров (1986–1993 гг.) было разработано и подписано новое Соглашение о правительственных закупках. Данный документ был включен в Приложение 4 «уругвайского пакета» и отнесен к так называемым соглашениям с ограниченным кругом участников⁴. Соглашение вступило в силу 1 января 1996 года. Впоследствии стороны Соглашения инициировали переговоры по совершенствованию некоторых положений документа и расширению сферы его охвата, которые были завершены в декабре 2011 года. Для того, чтобы поправки к Соглашению вступили в силу, их должны были ратифицировать $\frac{2}{3}$ стран-участниц Соглашения. С 6 апреля 2014 г. правительственные закупки регулируются положениями усовершенствованного Соглашения.

В настоящее время договаривающимися сторонами Соглашения о правительственных закупках являются почти 50 стран-членов ВТО. Более 30 стран участвуют в работе Комитета ВТО по правительственным закупкам в качестве наблюдателей. Некоторые из стран-наблюдателей находятся в процессе присоединения к Соглашению.

В основу Соглашения о правительственных закупках положены юридически обязывающие принципы и правила, согласно которым договаривающиеся

² <https://legalinstruments.oecd.org>. Рекомендации Совета ОЭСР по вопросам государственных закупок.

³ UNCITRAL Model Law on Public Procurement // United Nations, New York, 2014, 76 p.

⁴ Михневич С.И. 115 вопросов о многосторонней торговой системе ГАТТ/ВТО // Минск: Белсэкс, 2009. 71 с.

стороны должны обеспечивать прозрачные и справедливые условия конкуренции при осуществлении процедуры государственных закупок. Прозрачность информации о государственных закупках, её доступность для потенциальных участников торгов являются определяющими факторами обеспечения равных условий конкуренции.

Таким образом, страна, присоединившаяся к Соглашению о правительственных закупках, дает согласие на участие в торгах, проводимых в этой стране, других стран-участниц Соглашения, обеспечивая недискриминационный доступ к национальному рынку правительственных закупок в заранее согласованных секторах и с учетом согласованных пороговых значений по стоимости заказа.

Важно подчеркнуть, что в результате усовершенствования Соглашения о правительственных закупках удалось существенно расширить рамки обязательств Сторон по обеспечению доступа к рынкам, а также вмонтировать в документ «повестку дня» на будущее, благодаря которой процесс последовательного совершенствования Соглашения будет продолжаться.

Для достижения целей Соглашения в документе сформулированы принципы и процедуры, которым должны следовать страны, подписавшие Соглашение, при осуществлении государственных закупок, детально отражены технические аспекты осуществления закупок, относящиеся к тендерной документации, технической спецификации и т.п.

Существенным элементом Соглашения о правительственных закупках является усовершенствованный специальный и дифференцированный режим для развивающихся и наименее развитых стран. Наличие такого элемента повышает привлекательность документа для стран, не принявших окончательного решения по вопросу полноправного участия в Соглашении.

Для упрощения работы в рамках Соглашения и исключения разночтений в толковании тех или других правовых норм в Статье I даются формулировки наиболее часто употребляемых терминов и понятий.

Основными принципами, на которых базируется Соглашение о правительственных закупках, являются принцип национального режима, режима наибольшего благоприятствования, принцип недискриминации и принцип прозрачности.

В Статье IV Соглашения, в частности, указано на то, что «в отношении любой меры, касающейся охватываемых закупок, каждая Сторона, включая ее организации, осуществляющие закупки, незамедлительно и безоговорочно предоставляет товарам и услугам любой другой Стороны и поставщикам любой другой Стороны, предлагающим товары или услуги, режим, не менее благоприятный, чем режим, который эта Сторона предоставляет товарам и услугам любой другой Стороны.

В отношении мер, касающихся охватываемых закупок, Сторона, включая ее организации, осуществляющие закупки, не должна:

а) относиться к местному поставщику менее благосклонно, чем к другому местному поставщику, исходя из степени иностранной принадлежности или собственности; или

б) проводить дискриминацию в отношении местного поставщика на том основании, что товары или услуги, предлагаемые этим поставщиком для конкретной закупки, являются товарами или услугами любой другой Стороны»⁵.

Далее, в Статье IV говорится ещё об одном исключительно важном для обеспечения справедливой конкуренции аспекте. Речь идет о том, что при проведении закупок с помощью электронных средств закупающая Сторона обязана обеспечить условия, при которых закупки проводятся с использованием систем и программного обеспечения, которые доступны и совместимы с другими общедоступными системами и программным обеспечением для информационных технологий.

Следует отметить, что новая редакция Соглашения о правительственных закупках нацелена на противодействие коррупции и тем самым регулирует общественно значимый морально-правовой аспект данного вида экономической деятельности. Ведь либерализация сегмента правительственных закупок способствует не только справедливой конкуренции поставщиков, но и открывает широкие возможности борьбы с подкупом чиновников, ответственных за проведение тендеров.

В преамбуле документа говорится, о важности недопущения коррупционных практик посредством использования международнопризнанных инструментов, которые содержатся в Конвенции ООН против коррупции.

В тексте Соглашения имеются положения, направленные на противодействие коррупции в сфере правительственных закупок. В частности, в Статье IV сказано, что закупочная организация должна осуществлять закупки, на которые распространяется действие Соглашения, прозрачным и непредвзятым способом, который не допускает конфликта интересов и предотвращает коррупционные практики.

Как утверждает профессор Цюрихского университета Криста Шефер (Krista Schefer), из-за коррупции в сфере осуществления правительственных закупок ежегодный объем завышения стоимости товаров и услуг при проведении тендеров достигает десятков миллиардов долларов США⁶.

Коррупционная среда формируется в силу нескольких определяющих факторов:

- на закупки для нужд правительства выделяются огромные бюджетные средства;
- сложная и не всегда транспарентная процедура подготовки и проведения торгов;

⁵ Agreement on Government Procurement, Mode of access: https://www.wto.org/english/tratop_e/gproc_e/gp_gpa_e.htm, Date of access: 29.06.2020.

⁶ Mode of access: <https://www.ictsd.org/about-us/krista-nadakavukaren-schefer>, Date of access: 21.01.2020.

– умышленное искажение условий справедливой конкуренции среди поставщиков товаров и услуг.

О наличии коррупционных проявлений в процессе осуществления правительственных закупок известно давно, однако публичное обсуждение этой проблемы долгое время блокировалось. В начале 2000-х годов Рабочая группа ВТО по транспарентности в сфере правительственных закупок завершила исследование по проблемам коррупции при проведении торгов для правительственных потребностей. В ходе четвертой Министерской конференции ВТО в Дохе (ноябрь, 2001 г.) страны-члены Организации недвусмысленно заявили о готовности добиваться большей прозрачности в сфере правительственных закупок.

Как уже упоминалось, целью усовершенствованного Соглашения ВТО о правительственных закупках является обеспечение справедливой конкуренции в сфере государственных закупок. В этой связи основным способом закупок должен быть открытый конкурс. Однако положениями Соглашения допускаются ситуации, при которых круг возможных участников торгов может быть ограничен. В то же время, согласно нормам статьи XIII, при осуществлении торгов с ограниченным участием нельзя допускать дискриминацию по отношению к поставщикам любой другой Стороны. Ограниченные торги проводятся, если:

- тендерные заявки не были представлены;
- участники торгов не выполнили условия тендера;
- имеет место сговор среди участников торгов;
- товары и услуги могут быть поставлены только конкретным поставщиком и не существует приемлемой альтернативы для замены товаров или услуг;
- контракт присуждается победителю конкурса на лучшую разработку.

Обязательства каждой из сторон Соглашения формируются в рамках имеющегося нормативно-правового механизма. Страна определяет пороговые значения стоимостного объема правительственной закупки (отдельно для товаров, услуг, уровней государственных учреждений), при превышении которого необходимо выполнять взятые на себя обязательства в рамках Соглашения, перечисляются виды товаров или услуг, на которые распространяется действие Соглашения, определяется орган государственного управления, который будет осуществлять закупочную деятельность.

Важным и эффективным инструментом содействия справедливой конкуренции при осуществлении правительственных закупок является организованный на постоянной основе беспристрастный мониторинг оценки результатов торгов. Для этих целей необходимо совершенствовать практику сбора объективной информации по ранее проведенным торгам и осуществленным закупкам, изучать конъюнктуру мирового рынка по закупаемой категории товара (услуги) с целью анализа ценовых и затратных факторов состоявшихся сделок. С учетом выводов, подготовленных по результатам мониторинга,

следует вносить коррективы в технологию осуществления правительственных закупок.

Органом, который призван оказывать содействие договаривающимся сторонам в реализации положений Соглашения, является Комитет по правительственным закупкам.

Сегодня в рамках многосторонней торговой системы ГАТТ/ВТО важной задачей является более глубокая интеграция сферы правительственных закупок в структуры рыночного регулирования и расширение количества стран-участниц, присоединившихся к Соглашению о правительственных закупках. Полноправное участие страны в данном Соглашении привлекательно в силу следующих факторов:

- во-первых, договаривающаяся сторона получает беспрепятственный доступ к рынку закупок других полноправных участников данного Соглашения;
- во-вторых, в стране будут созданы современные механизмы реализации процедур государственных закупок, позволяющие исключить элементы коррупции при осуществлении торговых операций;
- в-третьих, обеспечивается беспрекословное исполнение партнёрами по Соглашению основополагающих принципов функционирования многосторонней торговой системы ГАТТ/ВТО, таких как недискриминации, режима наибольшего благоприятствования, национального режима;
- в-четвертых, повышается прозрачность и эффективность управления национальной системой правительственных закупок.
- в-пятых, более широко используются этические стандарты в процессах реализации правительственных закупок, что позволяет повысить эффективность использования бюджетных средств, выделяемых на приобретение товаров и услуг для государственных учреждений;
- в-шестых, формируется среда, способствующая ускорению процесса устойчивого развития национальной экономики и расширению масштабов международного экономического сотрудничества.

К издержкам, связанным с присоединением к Соглашению о правительственных закупках, можно отнести расходы на приведение национального законодательства в области регулирования госзакупок в соответствие нормативно-правовыми нормами Соглашения, а также затраты на проведение необходимых институциональных реформ.

S.Mikhnevich (e-mail: dr-siargei-mikhnevich@yandex.ru)

Grand Ph.D. in Economics,

Head of the Center of the World Economy of the Institute of Economics
of the Belarus' National Academy of Sciences,

Minsk, Republic of Belarus

WTO AGREEMENT ON GOVERNMENT PROCUREMENT AS A TOOL FOR THE PROMOTION OF FAIR COMPETITION

The author scrutinizes the key provisions of the modernized WTO Agreement on Government Procurement, related to the promotion of fair competition in this field. Particular attention is paid to countering corruption in the process of implementing public procurement. The author notes the benefits provided to the country by its full participation in the WTO Agreement on Government Procurement.

Keywords: Government Procurement Agreement, multilateral trading system, international organizations, fair competition.

DOI: 10.31857/S020736760011346-9

© 2020

Ашхен Нанавян

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник

Центрального экономико-математического института

Российской академии наук (г. Москва)

(e-mail: ashchenn@mail.ru)

ОПЫТ И СТАЖ РАБОТЫ ЗАНЯТОГО НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Профессиональный опыт и накопленные знания и умения работника во многом определяют качество трудовой жизни человека и необходимы для эффективного развития экономики. В статье рассматривается структура занятого населения по опыту и среднему стажу работы занятых и незанятого населения в России и регионах страны. В составе безработных доля лиц без опыта работы составляет примерно 25%, а занятых (со стажем работы до одного года) – менее 10%. Возраст начала трудовой жизни увеличивается и в 2019 г. в среднем составлял 22,4 лет. Средний стаж работы занятых превышает 18 лет и в рассматриваемый период с 2009 по 2019 годы незначительно увеличивался. Наименьшие значения этого показателя отмечены в регионах с высоким уровнем безработицы – в Северо-Кавказском федеральном округе и в Тыве.

Ключевые слова: опыт работы, средний стаж работы, занятое население, незанятое население, регион.

DOI: 10.31857/S020736760011347-0

Качество жизни населения определяется множеством различных компонентов и для его оценки применяется ряд показателей, в числе которых важнейшее место занимают данные, характеризующие занятость и качество трудовой жизни человека. При этом особое значение имеют показатели запаса – накопленные профессиональные знания, навыки и умения работника, поскольку качественное выполнение работы во многом определяется опытом человека. Эти знания и навыки составляют часть общего жизненного опыта работника и необходимы не только для эффективной трудовой деятельности человека, но и во многом определяют возможности самореализации в процессе трудовой деятельности. Кроме того необходимо учитывать актуальность проблем трудоустройства молодежи без опыта работы, поскольку наличие опыта выступает одним из условий получения достойного места работы, и с этим требованием работодателей, как правило, сталкивается молодежь. Безусловно, опыт работы связан с возрастом человека и является весомым аргументом для работодателя. И уровень участия в рабочей силе (экономическая активность), и уровень продуктивности использования накопленных знаний и опыта работников среднего возраста выше, чем у лиц старших возрастных групп или молодежи.

Российский рынок труда сегодня ориентирован на лиц среднего возраста, но под влиянием демографических проблем средний возраст занятого населения увеличивается и составлял в 2019 г. 41,3 года, хотя еще в предыдущем году занятые были моложе на 0,2 года. Средний же возраст безработных меньше и в 2019 г. составлял 35,5 лет, причем около 25%, а в регионах Северо-Кавказского федерального округа — более половины безработных составляют лица без опыта работы¹. В составе же занятых лиц без опыта работы менее 10% (занятые со стажем работы до одного года).

Опыт работы может быть оценен стажем работы. Обычно стаж учитывается при определении права получения и размера пенсии или других различных выплат². В экономической же литературе анализ этого показателя чаще всего связан с оценкой состава персонала предприятия, его обеспеченности кадрами, а также влияния движения персонала на эффективность хозяйственной деятельности организации. Так, в литературе отмечается, что и в современных условиях перед предприятиями стоят задачи не только привлечения кадров, но и их закрепления. При этом «...в большинстве приоритетных производств, особенно в индустриальном секторе и в сфере науки, цикл накопления специфического человеческого капитала ввиду сложности труда является относительно длительным. Например, по данным Росстата, в среднем высококвалифицированным специалистам для выхода на пик квалификации требуется стаж работы в 5–10 лет, специалистам инженерного профиля — не менее 15 лет» [4. С. 92]. Поэтому для обеспечения этих производств качественными трудовыми ресурсами предприятиям необходимо практиковать долгосрочные трудовые отношения, создавать условия, препятствующие текучести кадров.

Безусловно, требования к опыту, мобильности и качеству труда работника меняются. Соответственно и интенсивное движение кадров, и привязка к одному месту работы имеют плюсы и минусы. С одной стороны, подвижность рабочей силы является одним из условий развития производства, а ограничение возможности сменить работу вынуждает работника смириться с низким уровнем оплаты труда или плохими условиями труда. Внедрение новой

¹ Так, в 2016 г. в Чеченской Республике 82,8%, в Ингушетии 77,6%, а в Дагестане 70,3% безработных не имели опыта работы, а уровень безработицы в этих регионах существенно превышал значение этого показателя по России [6, 2016].

² Сложившаяся в СССР система трудовых отношений была выстроена таким образом, что помимо уважения к ветеранам труда, материальное обеспечение и размер пенсии человека во многом определялись продолжительностью стажа работы на предприятии. Это и получение квартиры, путевки в санаторий или пионерский лагерь и т.п., а максимальный размер пенсии при непрерывном стаже работы в течение 20 лет увеличивался на 10%. И в «послевоенной истории западноевропейских стран с координируемой экономической стабильностью рынка труда обеспечивалась системой социального партнерства, механизмом координации и установления заработной платы, повсеместным введением минимальной заработной платы. На стабильность «работало» жесткое законодательство, которое способствовало увеличению продолжительности стажа работы на одном рабочем месте. Однако постепенно функция стабильности обернулась излишней зарегулированностью рынка труда (rigidities of the labour market)» [2. С. 250].

техники и технологий предполагает изменение требований к знаниям и опыту работника, но чем он старше, тем больше времени ему необходимо для освоения этих новых знаний и, возможно, его устраивает сложившееся положение. При этом все большее значение получает вертикальная мобильность – повышение квалификации, профессиональный рост. Мобильность «...выполняет определенные селективные функции, способствующие развитию экономики знаний» [1. С. 316]. Поэтому, с другой стороны, долгосрочная занятость характеризуется более высокой продуктивностью и заинтересованностью человека, предприятие и работник не тратят силы и время на обучение сотрудников, их адаптацию и ознакомление с условиями труда. В связи с этим необходимо отметить, что в литературе обсуждается противоречивость новых трендов развития экономики и изменений на рынке труда, отмечается, что «...работа постепенно лишится центральной роли в повседневной жизни большинства людей. ... Долгосрочные ценностные сдвиги свидетельствуют о том, что работа теряет свое значение, а необходимость трудоустройства все реже влияет на решение студентов получить высшее образование» [8. С. 20], но «...будущее посттруда не означает, что у людей не останется возможностей для полезного приложения своих сил; просто для этого им не понадобятся рабочие места» [8. С. 28], переход к цифровой экономике предполагает появление новых отраслей, сфер деятельности и профессий, соответственно и создание новых рабочих мест, на которых накопленные знания и опыт работы будут весьма востребованы, а «сектор ИТ – самая быстрорастущая индустрия, в которой массово создаются новые рабочие места» [3. С. 86].

Таким образом, в определенной степени стаж работы выступает как индикатор стабильности занятости. Например, в работе [7. С. 36] предлагается учитывать в качестве признака стабильности внутрифирменной занятости и долгосрочных трудовых отношений стаж работы 10 лет и более. Это подтверждают и другие исследования, в которых отмечается, что «сотрудники компаний со стажем от 10 лет преданы компании и готовы ко многим изменениям, по сравнению с остальными группами сотрудников, их показатели в среднем выше на 5–7%. Сотрудники, чей стаж работы в компании составляет от 1 до 3 лет и 5 до 10 лет, имеют средние показатели» [10. С. 285].

Кроме того опыт и стаж работы по специальности, рост профессиональной компетентности работника оказывают значительное влияние на продуктивность и безопасность труда, снижение уровня различных рисков и травматизма на производстве.

Однако это не только важно для предприятий и организаций, но и характеризует сбалансированность рынка труда на уровне национальной экономики и регионов. Если на рынке труда преобладают лица с опытом работы и длительным стажем, то это в определенной мере фиксирует соответствие рабочих мест и уровня квалификации и заработной платы работников, замещающих

соответствующие должности, а также отражает степень конкурентоспособности различных демографических и профессиональных групп населения. Поэтому представляется актуальным анализ состава занятых по наличию опыта работы и стажу трудовой деятельности, в том числе и в регионах России.

Анализ состава занятых по наличию опыта работы. Информационной базой для анализа могут послужить данные обследований рабочей силы Федеральной службы государственной статистики России. Кроме того в 2011, 2014, 2016 и 2018 годах ФСГС провела комплексное обследование условий жизни населения (КОУЖ), в котором предусмотрен раздел «Трудовой стаж» [5]. Данные этого обследования за 2016 г. позволяют рассчитать и проанализировать средний стаж работы занятого и незанятого населения, оценить структуру занятых по опыту работы в регионах нашей страны.

По данным обследований рабочей силы, более трети занятых в России составляют лица со стажем работы более 10 лет. На следующем графике представлена доля занятых без опыта работы (стаж – менее одного года) и лиц со стажем работы более 10 лет (рис. 1).

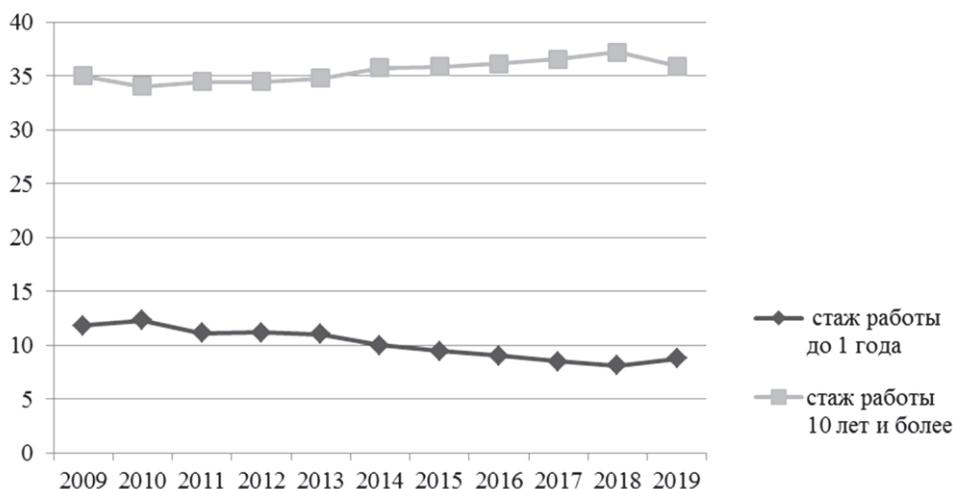


Рис. 1. Занятое население России со стажем работы менее одного года и более 10 лет, в % от общей численности занятых

Источник: Итоги обследований рабочей силы, Федеральная служба государственной статистики России, 2010–2019 гг.

Динамика представленных на рис.1 статистических данных позволяет отметить почти зеркальное изменение доли занятых без опыта работы и лиц со стажем более 10 лет. В 2018 г. по сравнению с 2009 г. доля занятых со стажем работы более 10 лет увеличилась на 2,2 процентных пункта, доля же занятых

без опыта работы уменьшилась на 3,7 процентных пункта, или более чем на 2 млн человек. Лишь в 2019 г. наблюдался небольшой рост и доли, и численности занятых со стажем работы до одного года (по сравнению с предыдущим годом – примерно на 330 тыс. чел.).

Очевидно, что это во многом объясняется тем, что молодые люди получают профессиональное образование и выходят на рынок труда по окончании обучения или на старших курсах. В 2018 г. по сравнению с 2015 г., т.е. всего за три года, уровень занятости в возрастной когорте от 20 до 24 лет уменьшился на 2,1 процентных пункта и составил 47,8%. В 2019 г. наблюдался рост значения этого показателя до 49,4%, но при этом тенденция снижения уровня занятости лиц до 20 лет сохранилась: если в 2005 г. он составлял 11,8%, то в 2015 г. – 5,9%, а в 2018 г. и 2019 г. – 5,6% и 5,1% соответственно. Кроме того снижается и уровень участия в рабочей силе: в 2018 г. по сравнению с 1993 г. в возрастной когорте от 15 до 19 лет – на 23,4, а от 20 до 24 лет – на 21,6 процентных пункта [6]. Эта тенденция характерна не только для России. Так, по данным МОТ в мировой экономике с 1993 по 2018 годы уровень участия в рабочей силе в возрастной группе от 15 до 24 лет снизился более существенно – на 15 процентных пунктов и достиг 42%. [10. С. 10].

Однако молодежь зачастую не может найти подходящую работу и оказывается в рядах безработных. В нашей стране уровень безработицы молодежи по сравнению с другими возрастными группами остается одним из самых высоких. Так, в 2015 г. в возрастной группе до 20 лет уровень безработицы составлял 32,4%, а у лиц в возрасте 20–24 года – 14,3%, в 2019 г. – 24,7% и 14,4% соответственно. В 2020 г. эта тенденция сохранилась (в II квартале 2020 г. уровень безработицы молодежи в возрасте до 25 лет составлял 18,2%), но продолжительность поиска работы молодежи примерно на 1,5–2 месяца меньше средней продолжительности безработицы и ежегодно примерно 6 млн. молодых людей переходят в категорию занятого населения. [6].

Средний стаж работы занятых в России. Средние величины – это обобщающие показатели статистической совокупности, которые позволяют произвести весьма приблизительную оценку, но тем не менее дают возможность сравнивать различные показатели и получить некоторое представление об изучаемом явлении. Данные о среднем стаже работы занятого населения за 2009–2019 годы представлены в таблице 1.

В среднем за рассматриваемый период стаж работы занятого населения составлял более 18 лет, у женщин – почти на два года больше, чем у мужчин. Наиболее значительный рост значения этого показателя наблюдался в 2014 г., причем у мужчин – более чем на полгода, что достаточно существенно для такой средней величины как стаж работы.

Если сравнить средний возраст и средний стаж занятого населения, то можно определить приблизительный возраст начала трудовой жизни человека.

За рассматриваемый период – это примерно 22 года – наблюдается увеличение возраста вступления в трудовую жизнь почти на один год (рис. 2). Отметим также и то, что, если в 2009 г. женщины начинали работать почти на год раньше, чем мужчины, то в 2019 г. существенных различий уже нет – женщины устраиваются на работу в среднем на полгода раньше.

Таблица 1

**Средний стаж работы занятого населения России
на основной работе, лет***

	Средний стаж работы, всего, лет	в том числе		Изменение (лет)		
		мужчины	женщины	всего	мужчины	женщины
2009	18,3	17,4	19,2	–	–	–
2010	17,9	16,8	19,0	–0,388	–0,526	–0,235
2011	18,1	17,0	19,4	0,249	0,177	0,373
2012	18,2	17,0	19,4	0,044	0,025	0,046
2013	18,3	17,3	19,4	0,108	0,236	–0,035
2014	18,7	17,8	19,7	0,439	0,561	0,310
2015	18,8	17,9	19,8	0,094	0,090	0,103
2016	19,0	18,1	19,9	0,158	0,192	0,122
2017	19,2	18,4	20,1	0,207	0,264	0,146
2018	19,5	18,8	20,2	0,294	0,397	0,184
2019	18,9	18,2	19,6	–0,579	–0,558	–0,602
в среднем за 2009– 2019 гг.	18,6	17,7	19,6	0,063	0,086	0,041

* По группе лиц со стажем более 10 лет максимальный стаж принят в 50 лет, поскольку обследования рабочей силы проводятся в отношении лиц в возрасте 15 лет и старше, а средний возраст занятых составляет более 40 лет.

Источник: Рассчитано по данным обследований рабочей силы Федеральной службы государственной статистики России, 2010–2019 гг.

Средний стаж работы занятого населения в регионах России. Несмотря на некоторые положительные тенденции, в современных условиях сохраняется неравномерность регионального развития. Анализ среднего стажа работы в регионах России позволяет отметить существенную дифференциацию и по этому показателю, характеризующему занятость населения. Вариационный размах среднего стажа работы занятых в 2016 г. составил 13,8 лет. Существенная асимметрия – 22,5 лет наблюдается и по стажу работы незанятого населения.

Минимальные значения среднего стажа занятых и незанятого населения наблюдаются в республиках Северо-Кавказского федерального округа, а также в Республике Тыва, т.е. в регионах с высоким уровнем безработицы (табл. 2). При этом в Чеченской Республике и в Республике Ингушетия

средний стаж работы занятых, а в Ингушетии и незанятого населения, составлял менее 10 лет, доля же незанятых без опыта работы – 71,3% и 59,6% соответственно. Средний возраст вступления в трудовую жизнь в Ингушетии – 30,8 лет, в остальных регионах этой группы он составлял 25–27 лет, что выше среднероссийского на 3–5 лет. Отметим также, что в Чукотском автономном округе средний стаж работы занятых более чем на два года превышает значение этого показателя по России, но незанятое население «накопило» всего немногим более 18 лет стажа.

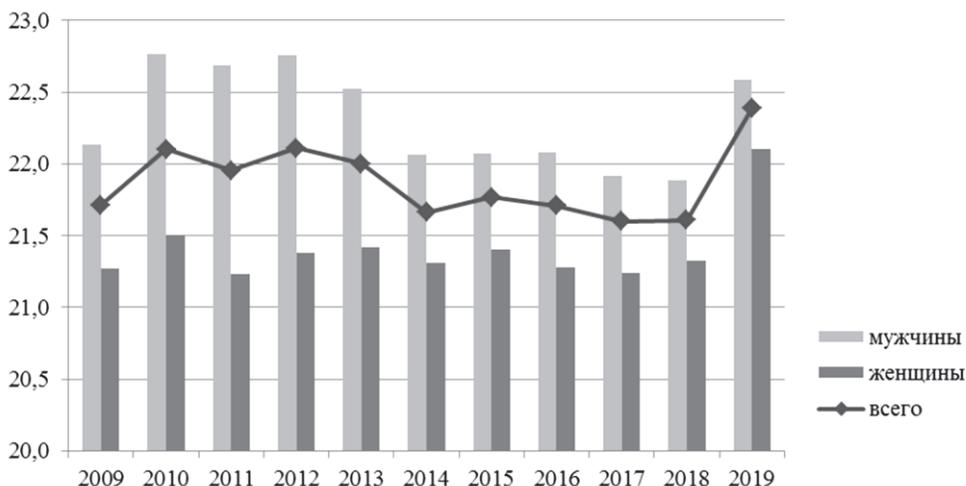


Рис. 2. Средний возраст начала трудовой деятельности в России, лет

Источник: Рассчитано по данным обследований рабочей силы Федеральной службы государственной статистики России, 2010–2019 гг.

Максимальные значения среднего стажа как занятых, так и безработных и лиц вне рабочей силы характерны для регионов европейской части России. Трудовая жизнь занятых в этих субъектах РФ в среднем начинается до достижения 20 лет (19,6 лет – в Кировской и Тверской областях, 18,8 и 18,6 лет в Ярославской и Новгородской областях соответственно),

Анализ полученных данных показал, что медианное значение среднего стажа работы занятых почти совпадает со среднероссийским, что позволяет выделить две группы регионов: со средним стажем занятых меньше среднероссийского значения и больше этого уровня.

Сравнение изучаемых процессов в отдельных регионах предполагает упорядочение анализируемых данных по соответствующим характеристикам занятости. На рис. 3 и рис. 4 представлен средний стаж работы занятых и незанятого населения в регионах России, ранжирование произведено по данным о стаже работающих.

Таблица 2

Средний стаж работы занятых и незанятого населения в регионах РФ, минимальные и максимальные значения, 2016 г., лет

	Средний стаж работы, лет		Средний стаж работы, лет
	занятые		незанятые
Российская Федерация	19,1	Российская Федерация	28,6
Минимальные значения			
Чеченская Республика	9,0	Республика Ингушетия	9,5
Республика Ингушетия	9,2	Республика Дагестан	16,8
Республика Тыва	12,9	Чукотский автономный округ	18,4
Республика Дагестан	13,5	Чеченская Республика	18,5
Кабардино-Балкарская Республика	15,5	Республика Тыва	19,4
Максимальные значения			
Чукотский автономный округ	21,4	Владимирская область	31,5
Кировская область	21,4	Липецкая область	31,6
Тверская область	21,8	Орловская область	31,8
Ярославская область	22,3	Нижегородская область	31,8
Новгородская область	22,8	Тульская область	32,1

Источник: Рассчитано по данным Комплексного обследования условий жизни населения Федеральной службы государственной статистики России, 2016 г. [5]

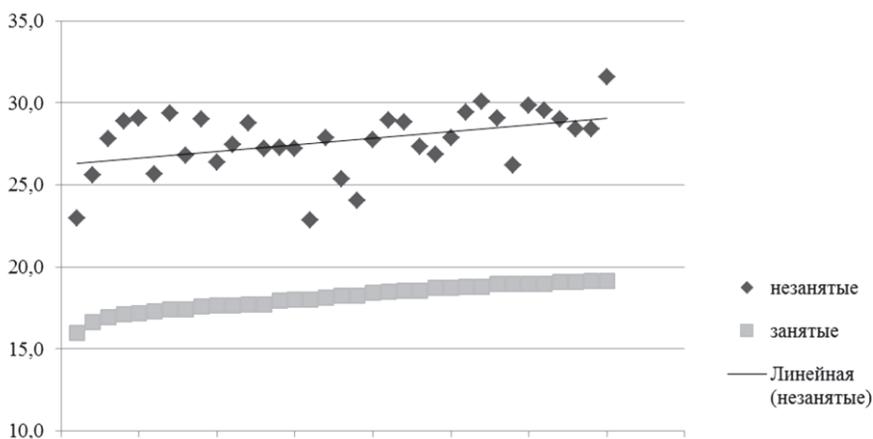


Рис. 3. Средний стаж работы занятых и незанятого населения в регионах России, 2016 г., лет (значение показателя меньше, чем в среднем по России, без регионов с наименьшим стажем работы занятых)

Источник: Рассчитано по данным Комплексного обследования условий жизни населения Федеральной службы государственной статистики России, 2016 г.

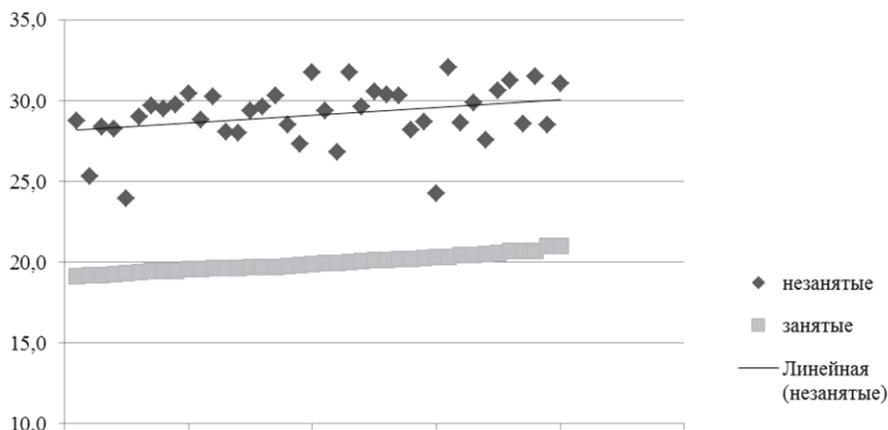


Рис. 4. Средний стаж работы занятых и незанятого населения в регионах России, 2016 г., лет (значение показателя больше, чем в среднем по России, без регионов с наибольшим стажем работы занятых)

Источник: Рассчитано по данным Комплексного обследования условий жизни населения Федеральной службы государственной статистики России, 2016 г.

В первой группе регионов, в которых средний стаж занятых меньше среднероссийского, представлены и города Севастополь и Москва, а также Московская область. В г. Санкт-Петербург средний стаж занятых немного больше (19,7 лет), но в этих субъектах РФ и в большинстве регионов второй группы средний возраст начала трудовой жизни составляет примерно 22 года (как и в целом по стране).

Таким образом, анализ показал, что:

1) более трети занятых в России имеют стаж работы более 10 лет, доля же лиц без опыта работы сокращается и составляет менее 10%. Это в определенной степени связано с более поздним выходом молодежи на рынок труда. Молодые люди получают (должны получать) профессиональное образование. Однако многие ориентированы на трудоустройство, они выходят на рынок труда, но они менее конкурентоспособны и не могут сразу перейти в категорию занятых, уровень молодежной безработицы остается довольно высоким;

2) в структуре занятых по наличию опыта работы в России сохраняется существенная региональная дифференциация. В регионах с высоким уровнем молодежной безработицы занятые «накапливают» значительно меньший стаж работы;

3) накопление знаний и профессионального опыта, повышение качества трудового потенциала человека должны сопровождаться улучшением его благосостояния. Однако корреляционный анализ не выявил значимой зависимости между величиной стажа работы и уровнем заработной платы.

Литература

1. Бреев Б.Д. О качестве занятости населения России // Общество и экономика. 2005. №7–8. С. 305–325.
2. Вишневская Н.Т. Реформа немецкого рынка труда: особый случай или пример для подражания? // Экономический журнал ВШЭ. 2014. № 2. С. 249–284.
3. Земцов С., Баринаева В., Семенова Р. Риски цифровизации и адаптация региональных рынков труда в России // Форсайт. 2019. Т. 13. № 2. С. 84–96.
4. Коленникова О.А., Токсанбаева М.С. Обеспечение приоритетных производств качественными трудовыми ресурсами: проблемы дефицита и набора кадров // Народонаселение. 2017. № 3. С. 90–103. DOI: 10.26653/1561-7785-2017-3-7.
5. Комплексное обследований условий жизни населения – gks.ru
6. Обследование рабочей силы (обследование по проблемам занятости населения). Федеральная служба государственной статистики России, 2009–2020 годы – gks.ru
7. Токсанбаева М.С. Масштабы, факторы и мотивы мобильности и стабильности на рынке труда // Уровень жизни населения регионов России. 2019. №2 (212). С. 35–42. DOI: 10.24411/1999-9836-2019-10062
8. Хайнс Э. Как подготовиться к «безработному» будущему // Форсайт. 2019. Т.13. № 1. С. 19–30.
9. Якимова З.В., Пушкина А.С. Динамика уровня вовлеченности персонала в зависимости от стажа работы в организации // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 1 (22).
10. World Employment and Social Outlook: Trends 2019 // International Labour Office. Geneva: ILO.

A.Nanavyan (e-mail: ashchenn@mail.ru)

Ph. D. in Economics,

Leading Researcher, Central Economic Mathematical Institute

of the Russian Academy of Sciences

(Moscow)

WORK EXPERIENCE AND LENGTH OF SERVICE OF THE POPULATION IN VARIOUS REGIONS OF RUSSIA

The quality of the employee's working life is largely determined by his professional experience and accumulated skills and knowledge, which are necessary for the effective development of the economy as well. The article examines the structure of the employed population by experience and average length of service of the employed and the unemployed in various regions of Russia. Among the unemployed, the share of persons without work experience is approximately 25%, and among those employed (with up to one year of work experience) is less than 10%. The age at the beginning of working life is increasing and in 2019 it averaged 22.4 years. The average length of service of the employed exceeds 18 years and in the period under review from 2009 to 2019 increased slightly. The lowest values of this indicator were noted in regions with a high level of unemployment – in the North Caucasian Federal District and in Tyva.

Keywords: work experience, average length of service, employed population, unemployed population, region.

DOI: 10.31857/S020736760011347-0

© 2020

Игорь Николаев

доктор экономических наук, директор Института стратегического анализа ФБК Grant Thornton (г. Москва)
(e-mail: strategy@fbk.ru)

Виктор Черепов

доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой Государственного университета управления (г. Москва)
(e-mail: Cherepovvm@rspp.ru)

Ольга Соболевская

доктор медицинских наук, профессор кафедры Государственного университета управления (г. Москва)
(e-mail: olsob@bk.ru)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОТЕРИ ОТ ПРЕЖДЕВРЕМЕННОЙ СМЕРТИ ОТ COVID-19

В исследовании сделана оценка экономических потерь от преждевременной смерти людей в результате заражения коронавирусом для 44 национальных экономик (страны ОЭСР и БРИКС). При расчётах использован доходный подход к определению стоимости статистической жизни, а также прогнозные данные ОЭСР.

Согласно проведённым расчётам, экономические потери от смертей, обусловленных коронавирусом, составили по странам ОЭСР 119,5 млрд долл. США, по странам БРИКС – 37,1 млрд долл. США. Экономические потери от смертей в России составили 4,2 млрд долл. США.

Ключевые слова: стоимость статистической жизни, экономические потери, коронавирус, средняя продолжительность жизни, ОЭСР, БРИКС, зарубежные сравнения.

DOI: 10.31857/S020736760011348-1

Пандемия COVID-19 продолжается. Если оценивать ее в мировом масштабе, то она пока только ускоряется. Сегодня никто не может предсказать, как будет развиваться ситуация в дальнейшем. Однако уже сегодня очевидно, что экономики всех стран пострадают от этого кризиса.

Каковы могут быть экономические потери в результате коронавирусного кризиса? Оценки могут быть только предварительными.

Из чего вообще складываются экономические потери от COVID-19? Когда говорят об экономических потерях, то, в первую очередь, имеют в виду те издержки, которые несет экономика из-за введения разного рода ограничений, в том числе и из-за карантинных мероприятий. Однако очень большие потери экономика несет и из-за того, что резко возрастает неопределенность экономической

ситуации, которая в значительной степени зависит от ситуации эпидемиологической. Предпринимательская активность в результате резко снижается.

В то же время, следует признать, что все эти экономические потери имеют косвенный характер, потому что есть потери непосредственные, прямые. Потери эти являются следствием того, что люди заболевают, умирают.

Какова величина потерь именно от этого? Очевидно, что любые оценки пока будут иметь только промежуточный характер, так как пандемия продолжается.

В данной работе предпринята попытка оценить экономические потери для 44 национальных экономик (страны ОЭСР и БРИКС) только от преждевременной смерти людей в результате заражения коронавирусом.

Чтобы выйти на соответствующие оценки, необходимо знать, прежде всего, стоимость статистической жизни – ключевого параметра расчетов. Это потребовало инвентаризации имеющихся методологических подходов в данной области, определения того из них, который бы в наибольшей степени отвечал поставленной задаче исследования, внесения необходимых корректировок, которые позволили бы получить наиболее достоверные оценки.

Подходы, используемые для оценки стоимости статистической жизни

Для оценки стоимости статистической жизни (ССЖ) используется целый ряд подходов, среди основных из них:

- доходный метод,
- оценка на основе среднедушевого ВВП,
- актуарный подход,
- затратный подход,
- демографический подход,
- «готовность платить»,
- косвенный подход.

Согласно доходному подходу стоимость жизни определяется исходя из доходов человека. Оценка стоимости статистической человеческой жизни по данному подходу рассчитывается как отношение среднего душевого располагаемого денежного годового дохода человека к средней вероятности его смерти в течение года. Другой вариант расчета ССЖ по данному методу – расчет суммы среднедушевого дисконтированного дохода за время ожидаемой продолжительности предстоящей жизни среднестатистического человека.

Оценка ССЖ на основе среднедушевого ВВП рассчитывается исходя из общественной полезности, которая теряется в результате преждевременной смерти человека. Полагается, что оценить общественную полезность жизнедеятельности человека возможно, если измерить его недополученные доходы. Такие измерения осуществляются исходя из суммы дисконтированных среднестатистических доходов населения или ВВП на душу населения для конкретного человека за число недожитых им лет.

Актuarный подход предполагает оценку ССЖ на основании таблиц вероятности смерти по возрастам и другим характеристикам, среднедушевых доходов и ВВП. Данный метод использует развитый математический аппарат для оценки вероятности дожития до определенного возраста.

Затратный подход предполагает определение ССЖ как стоимости воспроизводства человека, т.е. сумму личных расходов в течение жизни и общественных издержек на здравоохранение, образование, подготовку трудовых ресурсов и иных расходов.

Демографический метод определяет ССЖ исходя из баланса материальных благ, произведённых и потреблённых индивидом к определенному возрасту, при этом рассматривается способность человека накопить материальные средства и создать основу для воспроизводства будущих поколений.

Метод «готовности платить» предлагает оценивать ССЖ исходя из той суммы, которую готов платить потребитель за снижение риска потерять жизнь. Одним из способов определения оценки готовности платить может выступать моделирование предпочтений индивида. Данный подход развивал в частности нобелевский лауреат Daniel L. McFadden. Также готовность платить за снижение риска смерти оценивается в разных странах и как готовность платить за мероприятия, направленные на снижение вероятности смерти от различных природных катаклизмов: в Нидерландах – от наводнений, в Чехии – от изменений климата ввиду глобального потепления. Для сбора и обработки данных для таких исследований используются социальные опросы и методы обработки больших данных.

Одним из косвенных подходов определения ССЖ для страны является подход, основанный на оценках ССЖ других стран и предположении, что ССЖ стран соотносятся так же, как и их ВВП. Ряд исследований подтверждает данное предположение, однако существуют и подтверждения наличия не линейной, а экспоненциальной или степенной связи между ВВП и ССЖ. Целый ряд исследований посвящен измерению эластичности изменения ССЖ в зависимости от уровня дохода страны¹.

Оценки ССЖ по данному методу для России разнятся от 1,4 до 4,4 млн долл. США² (11–25 млн руб. 2005–2013 гг.). Декларация «Об экономической оценке жизни среднестатистического человека», разработанная под эгидой Российского общества анализа риска, рекомендует в качестве оценок ССЖ использовать сопоставимые значения 30–40 млн руб. в общем случае и 7–10 млн руб. при расчете компенсаций семьям погибших³.

¹ См. например, исследование Гарвардского университета – James K. Hammitt and Lisa A. Robinson. The Income Elasticity of the Value per Statistical Life: Transferring Estimates between High and Low Income Populations // Journal of Benefit-Cost Analysis, 2011.

² И.Н.Иващенко, К.И. Иващенко. Стоимостная оценка социального ущерба, вызванного аварией, и безопасность сооружений // Проблемы анализа риска. Т.13, 2016, № 1.

³ <http://www.sra-russia.ru/docs/metodicheskie-problemy-upravleniya-riskami/deklaratsii/ob-ekonomicheskoy-otsenke-zhizni-srednestatisticheskogo-cheloveka>

Из числа рассмотренных методов прямую макроэкономическую оценку стоимости статистической жизни без использования личных характеристик конкретного человека, среднестатистического россиянина, возможно получить посредством доходного метода (второй способ). Остальные методы разработаны для индивидуальных оценок и требуют индивидуальных данных – вероятности смерти в течение года, числа недожитых лет, характеристик конкретного индивида, суммы личных расходов, готовности платить. И это логично, т.к. появление задачи денежной оценки жизни человека было связано с необходимостью осуществлять денежные выплаты в качестве компенсации от государства при потере жизни конкретного индивида, а также в случае страхования жизни страховыми компаниями, поэтому большинство методов направлены на оценку жизни определенного индивида с его личными характеристиками. Конечно, эти личные данные возможно усреднить и получить среднестатистическую оценку ССЖ, но первоначальные личные данные требуются.

Методологический подход на основе доходного метода

При расчёте прямых экономических потерь от коронавируса исходя из среднедушевого ВВП были приняты следующие допущения:

1. Рассчитывались прямые потери только вследствие преждевременных смертей. На самом деле потери этим не ограничиваются. Тяжёлое течение заболевания может привести к инвалидности, которая также будет приводить к экономическим потерям. Нахождение на больничном – это тоже экономические потери. Потери – и от снижения производительности труда в результате перенесенного заболевания. Однако оценить объёмы той же инвалидизации вследствие коронавируса на данном этапе не представляется возможным ввиду отсутствия соответствующих статистических данных.

2. Круг рассматриваемых стран был определен исходя из наличия статистических данных, необходимых для проведения расчётов, в первую очередь, долгосрочного прогноза реального ВВП по паритету покупательной способности (ППС), построенного по единой методологии. Использование оценок по паритету покупательной способности в данном случае является необходимым условием, поскольку важной задачей данного исследования являются международные сопоставления, а для их корректности необходимо брать показатель по ППС. Долгосрочный прогноз реального ВВП по ППС построен ОЭСР до 2060 года по 37 странам ОЭСР и 7 другим странам (Бразилия, Китай, Индия, Индонезия, Коста-Рика, Россия, ЮАР). Все эти страны были затронуты коронавирусом, а страны БРИКС, кроме того, сопоставимы с Россией по уровню развития, поэтому все они были включены в итоговую выборку исследования.

3. Под потерями от смерти одного человека понимался ВВП, недополученный вследствие преждевременного ухода из жизни из-за коронавируса (доходный метод расчёта стоимости статистической жизни).

Этот недополученный ВВП рассчитывался как сумма прогнозируемого среднедушевого ВВП по паритету покупательной способности (ППС) по стране в течение числа лет, потерянных в результате преждевременной смерти, начиная с года смерти (2020 г.)⁴.

Оценки, полученные в результате применения данного подхода, существенно ниже стоимости статистической жизни, полученной на основе наиболее широко используемого метода «готовности платить». При этом применяемый подход обладает рядом преимуществ по сравнению с методом «готовности платить» и гораздо лучше отвечает целям данного исследования. Во-первых, применяется один и тот же подход для всех стран, основанный на официальной статистике. Такое методологическое единообразие позволяет проводить корректные международные сопоставления. Имеющиеся оценки, полученные с использованием метода «готовности платить», по одной и той же стране могут отличаться в несколько раз в зависимости от состава выборки (возраста, профессии, сферы деятельности, места проживания опрашиваемых людей и т.п.). Во-вторых, оценки, полученные с помощью применяемого подхода, объективно отражают потери экономики от смерти одного человека (субъективность проявляется лишь в выборе используемого прогноза). В то же время оценки, получаемые с использованием метода готовности платить, обладают определённой субъективностью, поскольку готовность платить за снижение риска определяют сами люди, и итоговая сумма во многом зависит от их социального положения, уровня доходов, состояния здоровья, качества жизни и пр. Эта особенность метода проявляется и в неэластичности оценок стоимости жизни по уровню ВВП на душу населения, о чём было сказано выше.

4. Значительная часть умерших от коронавируса – пожилые люди (в большинстве рассмотренных стран их доля среди умерших гораздо более значительна, чем доля людей, находящихся в трудоспособном возрасте). Согласно подходу Зингалеса, проводившего оценку экономических потерь от коронавируса в самом начале пандемии⁵, стоимость среднестатистической жизни пожилых людей должна учитываться с применением понижающего коэффициента. Для этого Зингалес использовал стандартный дисконт, применяемый в США при оценке стоимости среднестатистической жизни людей старше 65 лет, равный 0,37, соответственно понижающий коэффициент был принят равным 0,63. По аналогии с этим подходом в одном из вариантов расчётов был

⁴ Прогноз строился следующим образом. Для получения значения среднедушевого ВВП по ППС в году i среднедушевой ВВП по ППС в году $(i-1)$ умножался на индекс роста ВВП на душу населения по ППС, рассчитанный на основании долгосрочного прогноза ОЭСР (до 2060 г.). Индекс рассчитывался как отношение реального ВВП на душу населения по ППС 2010 г. (рассчитанный, в свою очередь, как отношение прогнозного значения ВВП по ППС к численности населения) в году i к реальному ВВП на душу населения по ППС 2010 г. в году $(i-1)$. Последние данные по среднедушевому ВВП по ППС для большинства рассмотренных стран доступны за 2019 г. Применять дисконтирование в такой ситуации нет необходимости.

⁵ <https://promarket.org/captured-western-governments-are-failing-the-coronavirus-test/>

использован этот же понижающий коэффициент, один и тот же для всех стран (на него умножалась полученная на предыдущем шаге оценка недополученного ВВП). Данный подход имеет недостаток: использование одинаковых коэффициентов для всех стран занижает оценку потерь для стран, в которых велика доля умерших в возрасте ниже пенсионного, и завышает её для стран, в которых эта доля совсем незначительна. Например, для Испании, в которой всего 3,1% умерших находились в возрасте до 60 лет, дисконта в 37% может оказаться недостаточно, а для Индонезии, где более половины умерших находились в наиболее продуктивном возрасте от 31 до 59 лет, такой дисконт может оказаться избыточным. Тем не менее ввиду того, что данных по дисконту (аналогичному используемому в США) для многих рассматриваемых стран нет, а его расчёт представляет собой задачу, выходящую далеко за рамки данного исследования, использовался именно такой подход.

В то же время сама необходимость использования понижающего коэффициента является дискуссионным вопросом. С одной стороны, экономическая отдача пожилых людей ниже, чем молодых: с возрастом снижается производительность труда, поэтому такие люди производят меньше ВВП, а часть их практически не производит его (неработающие пенсионеры). Потребление людей пенсионного возраста также в среднем ниже, чем работающих (хотя бы в силу того, что величина средней пенсии, как правило, ниже величины средней зарплаты). С другой стороны, даже неработающие пенсионеры всё же производят ВВП, который трудно учесть непосредственно (например, работают на приусадебных участках, сидят с внуками и пр.). Многие пенсионеры, особенно в той же России, продолжают работать. Кроме того, возвращаясь к структуре умерших от коронавируса, определённая доля умерших — это люди в трудоспособном возрасте, находящиеся на пике продуктивности и производящие ВВП в объеме, возможно, гораздо большем, чем среднестатистической ВВП. Например, в Польше 9,5% умерших находятся в возрасте от 31 до 59 лет, в Индонезии таких уже более половины, как было указано выше. Таким образом, применение понижающего коэффициента, по крайней мере, для некоторых стран может быть вообще неоправданным. Однако этот вопрос также стоит далеко за рамками данного исследования. В рамках же данной работы был дополнительно реализован второй, альтернативный, вариант расчёта экономических потерь от коронавируса, в котором не использован понижающий коэффициент.

Отметим, что оба варианта дают результаты, отличающиеся в номинальном выражении, при этом рейтинг стран, построенный по этим результатам, остаётся неизменным для обоих вариантов.

5. Число лет, потерянных в результате преждевременной смерти, рассчитывалось как разница между средней ожидаемой продолжительностью жизни

при рождении в стране в 2017–2019 гг.⁶ (последние доступные данные ОЭСР; для России использовалась оценка Росстата по 2019 г.) и средним возрастом смерти от коронавируса в стране (расчётные данные – см. следующий пункт).

6. Средний возраст смерти от коронавируса рассчитывался как средняя интервального ряда на основе данных по распределению умерших от коронавируса по возрастам. Данные по такому распределению доступны для ряда европейских стран (Италия, Швеция, Швейцария, Венгрия, Нидерланды, Чехия, Испания), Китая, Кореи, Японии, Индонезии, США, ЮАР и Украины. Для остальных рассмотренных стран были взяты средние возраста смерти от коронавируса соответствующих групп стран со схожим уровнем ВВП на душу населения (табл. 1).

Таблица 1

Средний возраст умерших от коронавируса по странам

ВВП на душу населения по ППС, тыс. долл. США	Страны, входящие в группу, по которым есть данные по средним возрастам умерших	Средний возраст умерших	Страны, для которых применяется среднее значение
< 20	Китай, ЮАР, Индонезия	62,3	Колумбия, Бразилия, Индия
20 – 40	Венгрия, Польша, Россия*	71,6	Эстония, Литва, Португалия, Словакия, Латвия, Греция, Турция, Чили, Мексика, Коста-Рика
40 – 55	Франция, Италия, Япония, Корея, Чехия, Испания	77,6	Бельгия, Финляндия, Канада, Великобритания, Новая Зеландия, Израиль, Словения
> 55	Швейцария, США, Нидерланды, Германия, Швеция	79,4	Люксембург, Ирландия, Норвегия, Исландия, Дания, Австрия, Австралия

* Расчёт среднего возраста умерших для России оказался непростой задачей ввиду недостаточности данных. По отдельным регионам и за разные периоды оценки разнятся от 58,8 лет для Республики Башкирия по состоянию на середину апреля до 73 лет для Воронежской области по состоянию на начало июля. Распределение по возрастам умерших в целом для России частично озвучивалось зампредом Правительства РФ Т. Голиковой в конце апреля 2020 г., однако этих цифр недостаточно для точного расчёта. Учитывая явную зависимость среднего возраста смерти от коронавируса от уровня экономического развития страны, схожесть экономических и социальных условий в России и Украине и наличие необходимой статистики по последней, было решено использовать средний возраст смерти от коронавируса в Украине (64,9 лет) для России.

Источники: расчёты на основе данных [statista.com](https://www.statista.com)

⁶ Использование ожидаемой продолжительности жизни при рождении за предыдущий год допустимо, поскольку, во-первых, эта величина растёт достаточно медленно (в России в среднем на 0,6% в год), а во-вторых, при общей тенденции к её росту увеличение числа умерших приводит к замедлению этого роста. Например, это хорошо видно на данных по России за 2009–2010 гг. Рост смертности летом 2010 г. (из-за жары и смога) не привёл к снижению ожидаемой продолжительности жизни при рождении, однако её прирост в этот год (0,15%) был одним из самых низких в период с 2000 по 2019 гг.

7. Для расчёта потерь от коронавируса в целом по стране рассчитанный на предыдущем шаге недополученный ВВП умножался на общее число смертей от коронавируса по данным портала worldometers.info, предоставляющего статистику по смертям от коронавируса по странам мира. На данном этапе возможны погрешности, поскольку среди стран нет единого подхода к сбору статистики по числу умерших от коронавируса. Так, некоторые страны включают в число умерших от коронавируса не только тех людей, у которых коронавирус был основной причиной смерти, но и тех, кто умер по другим причинам, однако у них был диагностирован COVID-19 (например, США). Тем не менее, для получения наиболее свежих экономических оценок были использованы именно оперативные данные worldometers.info. Результаты расчётов приведены в таблице 2.

Самые большие потери уже понесли США — почти 24,5 млрд долл. США по ППС (здесь и далее — оценки с учётом понижающего коэффициента, если не указано иное). Это обусловлено, в первую очередь, самым большим числом смертей в мире. На втором месте «антирейтинга» — Бразилия (13,6 млрд долл. США по ППС), в которой также большое количество смертей, кроме того, число потерянных лет одно из самых высоких в мире. Россия находится на 7 месте в мире по величине экономических потерь (2 млрд долл. США по ППС), опередив Мексику, в которой, хотя число смертей превышает российский показатель более чем втрое, средний возраст умерших на 6,7 лет выше при схожем уровне ожидаемой продолжительности жизни и, следовательно, число потерянных лет значительно меньше.

Самые низкие показатели экономических потерь — в странах, где число погибших от коронавируса исчисляется десятками. В таких странах даже при схожей величине потерь на одного человека со странами-лидерами этого антирейтинга общие потери получаются значительно ниже. Например, в Исландии потери на одного человека без учёта понижающего коэффициента (220,5 тыс. долл. США по ППС) ненамного ниже потерь в США (263,6 тыс. долл. США по ППС), но там всего 10 погибших. В результате Исландия занимает среди рассмотренных стран предпоследнее место по уровню экономических потерь от коронавируса, которые составили порядка 1 млн долл. США (с учётом понижающего коэффициента).

Экономические потери Китая, который первым столкнулся с коронавирусной эпидемией, оказались относительно небольшими — 39 млн долл. США по ППС, среди стран БРИКС потери — Китая одни из самых низких (ниже только в ЮАР — 12 млн долл. США по ППС). Это обусловлено относительно небольшим ВВП на душу населения и одновременно относительно небольшим числом погибших от коронавируса.

Экономические потери Венгрии по результатам проведённых расчётов оказались нулевыми ввиду того, что расчётный средний возраст смерти оказался

равен ожидаемой продолжительности жизни при рождении, соответственно, потерянные годы равны нулю. Схожая ситуация с возрастными в Нидерландах («потерянными» оказались всего 0,4 года), но там потери составили значительную сумму в 90 млн долл. США за счёт большого числа погибших – более 6 тыс. человек.

В целом по странам ОЭСР экономические потери от коронавируса составили 54,9 млрд долл. США по ППС, 44,6% этой суммы составили потери США. Потери стран БРИКС составили 17,4 млрд долл. США по ППС, 78% этих потерь понесла Бразилия.

Таблица 2

**Экономические потери от смертей, обусловленных коронавирусом
(расчёт, основанный на данных по среднему доходу ВВП)**

Страна	ВВП на душу населения (ППС) в 2019 г., долл. США	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	Средний возраст смерти, лет	Потерянные годы, лет	Недополученный ВВП на одного человека (без дисконта), долл. США (ППС)	Недополученный ВВП ВВП на одного человека (с дисконтом), долл. США (ППС)	Число умерших от COVID-19 по состоянию на 23.07.2020, чел.	Потери экономики (без дисконта), млрд долл. США (ППС)	Потери экономики (с дисконтом), млрд долл. США (ППС)
США	65127	78,7	74,8	3,9	263608	166073	147349	38,84	24,47
Бразилия	15299	75,7	62,3	13,4	255618	161039	84207	21,52	13,56
Франция	49145	82,8	76,5	6,3	326009	205386	30182	9,84	6,20
Великобритания	48711	81,3	77,6	3,7	186617	117569	45554	8,50	5,36
Италия	44140	83,4	79,2	4,2	187625	118204	35092	6,58	4,15
Испания	42193	83,5	79,3	4,2	182455	114947	28429	5,19	3,27
Россия	29175	73,3	64,9	8,4	248706	156685	12892	3,21	2,02
Мексика	20703	75	71,6	3,4	74347	46839	41190	3,06	1,93
Бельгия	54545	81,7	77,6	4,1	231420	145795	9808	2,27	1,43
Чили	25041	80,6	71,6	9,0	256271	161451	8838	2,26	1,43
Колумбия	16101	77,1	62,3	14,8	292882	184516	7688	2,25	1,42
Индия	7237	69,5	62,3	7,2	69328	43677	30645	2,12	1,34
Канада	51342	82	77,6	4,4	235770	148535	8874	2,09	1,32
Швеция	55850	82,6	78,3	4,3	254642	160425	5676	1,45	0,91
Индонезия	12259	71,6	55,2	16,4	298595	188115	4576	1,37	0,86
Турция	28270	78,3	71,6	6,7	234526	147752	5563	1,30	0,82
Португалия	36411	81,4	71,6	9,8	389704	245513	1705	0,66	0,42

Страна	ВВП на душу населения (ППС) в 2019 г., долл. США	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	Средний возраст смерти, лет	Потерянные годы, лет	Недополученный ВВП на одного человека (без дисконта), долл. США (ППС)	Недополученный ВВП на одного человека (с дисконтом), долл. США (ППС)	Число умерших от COVID-19 по состоянию на 23.07.2020, чел.	Потери экономики (без дисконта), млрд долл. США (ППС)	Потери экономики (с дисконтом), млрд долл. США (ППС)
Китай	16242	76,8	70,0	6,8	133004	83793	4634	0,62	0,39
Германия	56085	81	79,4	1,6	56703	35723	9187	0,52	0,33
Швейцария	70954	83,8	80,5	3,3	243060	153128	1975	0,48	0,30
Ирландия	88496	82,3	79,4	2,9	268308	169034	1763	0,47	0,30
Япония	43279	84,2	78	5,9	261120	164506	990	0,26	0,16
Польша	33844	77,7	73,8	3,9	139336	87782	1651	0,23	0,14
ЮАР	13351	63,9	61,7	2,2	31230	19675	6093	0,19	0,12
Нидерланды	59512	81,9	81,5	0,4	24223	15260	6139	0,15	0,09
Израиль	42209	82,9	77,6	5,3	251799	158633	442	0,11	0,07
Австрия	59120	81,8	79,4	2,4	144716	91171	711	0,10	0,06
Корея	42925	82,7	76,8	5,9	282806	178168	297	0,08	0,05
Греция	31413	81,9	71,6	10,3	373765	235472	201	0,08	0,05
Финляндия	51414	81,8	77,6	4,2	221499	139544	328	0,07	0,05
Чехия	42577	79,1	75,4	3,7	165375	104186	365	0,06	0,04
Норвегия	66831	82,8	79,4	3,4	236268	148849	255	0,06	0,04
Люксембург	120980	82,4	79,4	3	382048	240690	112	0,04	0,03
Дания	59646	81	79,4	1,6	60450	38084	612	0,04	0,02
Австралия	55962	82,8	79,4	3,4	202523	127589	133	0,03	0,02
Эстония	38864	78,4	71,6	6,8	291587	183700	69	0,02	0,01
Словения	40640	81,5	77,6	3,9	161577	101794	115	0,02	0,01
Коста-Рика	20403	80,4	71,6	8,8	212039	133585	80	0,02	0,01
Литва	38136	75,8	71,6	4,2	167851	105746	80	0,01	0,01
Словакия	34183	77,4	71,6	5,8	221123	139308	28	0,01	0,004
Новая Зеландия	43774	81,8	78	4,2	198883	125296	22	0,004	0,003
Латвия	32194	74,9	71,6	3,3	112259	70723	31	0,003	0,002
Исландия	60180	82,9	79,4	3,5	220515	138925	10	0,002	0,001
Венгрия	33975	76,2	76,2	0	0	0	596	0	0

Источники: ОЭСР, Росстат, worldometers.info, statista.com, расчёты.

Таблица 3

**Экономические потери от смертей, обусловленных коронавирусом
(расчёт, основанный на данных по ВВП на одного занятого)**

Страна	ВВП на одного занятого в экономике (ППС) в 2019 г., долл. США	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	Средний возраст смерти, лет	Потерянные годы, лет	Недополученный ВВП на одного занятого (без дисконта), долл. США (ППС)	Недополученный ВВП на одного занятого (с дисконтом), долл. США (ППС)	Число умерших от COVID-19 по состоянию на 23.07.2020, чел.	Потери экономики (без дисконта), млрд долл. США (ППС)	Потери экономики (с дисконтом), млрд долл. США (ППС)
США	133769	78,7	74,8	3,9	541445	341110	147349	79,78	50,26
Бразилия	32229	75,7	62,3	13,4	538489	339248	84207	45,34	28,57
Франция	119273	82,8	76,5	6,3	791214	498465	30182	23,88	15,04
Великобритания	97044	81,3	77,6	3,7	371786	234225	45554	16,94	10,67
Италия	113505	83,4	79,2	4,2	482477	303960	35092	16,93	10,67
Испания	100628	83,5	79,3	4,2	435143	274140	28429	12,37	7,79
Мексика	47185	75	71,6	3,4	169444	106750	41190	6,98	4,40
Россия	60820	73,3	64,9	8,4	518471	326637	12892	6,68	4,21
Бельгия	129425	81,7	77,6	4,1	549111	345940	9808	5,39	3,39
Индия	17366	69,5	62,3	7,2	166356	104804	30645	5,10	3,21
Чили	53686	80,6	71,6	9	549422	346136	8838	4,86	3,06
Колумбия	32558	77,1	62,3	14,8	592252	373119	7688	4,55	2,87
Канада	99754	82	77,6	4,4	458091	288597	8874	4,07	2,56
Турция	80562	78,3	71,6	6,7	668344	421057	5563	3,72	2,34
Швеция	115001	82,6	78,3	4,3	524333	330330	5676	2,98	1,87
Индонезия	25932	71,6	55,2	16,4	631622	397922	4576	2,89	1,82
Португалия	76643	81,4	71,6	9,8	820305	516792	1705	1,40	0,88
Китай	30791	76,8	70,0	6,8	252139	158847	4634	1,17	0,74
Ирландия	191942	82,3	79,4	2,9	581938	366621	1763	1,03	0,65
Германия	109778	81	79,4	1,6	110986	69921	9187	1,02	0,64
Швейцария	127902	83,8	80,5	3,3	438139	276028	1975	0,87	0,55
ЮАР	45464	63,9	61,7	2,2	106343	66996	6093	0,65	0,41
Польша	73875	77,7	73,8	3,9	304145	191611	1651	0,50	0,32
Япония	81611	84,2	78,3	5,9	492400	310212	990	0,49	0,31
Нидерланды	116544	81,9	81,5	0,4	47435	29884	6139	0,29	0,18
Израиль	100986	82,9	77,6	5,3	602433	379532	442	0,27	0,17
Греция	87090	81,9	71,6	10,3	1036239	652831	201	0,21	0,13
Австрия	118280	81,8	79,4	2,4	289528	182403	711	0,21	0,13

Страна	ВВП на одного занятого в экономике (ППС) в 2019 г., долл. США	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	Средний возраст смерти, лет	Потерянные годы, лет	Недополученный ВВП на одного занятого (без дисконта), долл. США (ППС)	Недополученный ВВП на одного занятого (с дисконтом), долл. США (ППС)	Число умерших от COVID-19 по состоянию на 23.07.2020, чел.	Потери экономики (без дисконта), млрд долл. США (ППС)	Потери экономики (с дисконтом), млрд долл. США (ППС)
Корея	82475	82,7	76,8	5,9	543372	342325	297	0,16	0,10
Финляндия	110724	81,8	77,6	4,2	477012	300517	328	0,16	0,10
Чехия	84910	79,1	75,4	3,7	329797	207772	365	0,12	0,08
Норвегия	130466	82,8	79,4	3,4	461241	290582	255	0,12	0,07
Люксембург	258023	82,4	79,4	3	814823	513339	112	0,09	0,06
Дания	121582	81	79,4	1,6	123222	77630	612	0,08	0,05
Австралия	112437	82,8	79,4	3,4	406903	256349	133	0,05	0,03
Эстония	77092	78,4	71,6	6,8	578407	364396	69	0,04	0,03
Словения	86035	81,5	77,6	3,9	342059	215497	115	0,04	0,02
Коста-Рика	47302	80,4	71,6	8,8	491582	309697	80	0,04	0,02
Литва	78806	75,8	71,6	4,2	346856	218519	80	0,03	0,02
Словакия	71917	77,4	71,6	5,8	465214	293085	28	0,01	0,01
Новая Зеландия	83764	81,8	77,6	4,2	380569	239758	22	0,01	0,01
Латвия	67241	74,9	71,6	3,3	234464	147712	31	0,01	0,005
Исландия	109270	82,9	79,4	3,5	400391	252247	10	0,004	0,003
Венгрия	73439	76,2	76,2	0	0	0	589	0	0

Источники: ОЭСР, МОТ, Росстат, worldometers.info, statista.com, расчёты.

Как уже было сказано выше, расчёты были проведены в двух вариантах – с использованием понижающего коэффициента и без такового, но итоговые рейтинги стран не отличаются. Однако оценки экономических потерь номинально различаются. Так, если не проводить дисконтирование с использованием коэффициента 0,37, то оценка потерь США составит уже 38,9 млрд долл. США по ППС, России – 3,2 млрд долл. США по ППС. Аналогичные отличия будут и по всем остальным странам, оценка по странам ОЭСР составит 87,2 млрд долл. США по ППС, по странам БРИКС – 27,7 млрд долл. США по ППС.

Результаты расчетов исходя из ВВП, производимого на одного занятого в экономике. В таблице 3 приводятся потери от коронавируса, рассчитанные исходя не из среднедушевого ВВП, а из ВВП, производимого на одного занятого в экономике. Данный подход исходит из того, что ВВП страны производится не всеми её гражданами, а только их активной частью – занятыми в экономике. Для учёта того, что среди умерших от коронавируса велика доля пожилых

людей, которые не производят ВВП в том же объёме, что и молодые, использовался понижающий коэффициент.

В расчётах использовались оценки Международной организации труда по числу занятых в экономике за 2019 г., данные ОЭСР по ВВП за 2019 г. по большинству стран (кроме Индии и Бразилии, по которым приводятся оценки за 2017 г. – самые последние доступные фактические данные ОЭСР). Остальные использованные данные аналогичны предыдущему варианту расчёта.

Применение данного подхода приводит к значительному изменению абсолютных значений экономических потерь: они, ожидаемо, становятся выше для всех стран. Так, потери США, рассчитанные исходя из ВВП на одного занятого, составили 50,3 млрд долл. США (здесь и далее – оценки с учётом понижающего коэффициента, если не указано иное), что более чем вдвое превышает оценки, полученные с применением среднедушевого ВВП. По Бразилии аналогичная картина: потери составили 28,6 млрд долл. США по ППС, превышение оценок по среднедушевому ВВП в 2,1 раза. Во Франции превышение составило уже 2,4 раза (15 млрд долл. США по ППС против 6,2 млрд в предыдущем варианте расчёта). Потери России, рассчитанные исходя из ВВП на одного занятого, составили 4,2 млрд долл. США.

Так же, как и в предыдущем варианте расчётов, наименьшие потери от смертей оказались в странах, где небольшое число умерших.

Рейтинг стран также поменялся. Первые три места, как и в варианте расчёта с использованием среднедушевого ВВП, занимают США, Бразилия и Франция. При этом у Италии и Великобритании оказываются практически одинаковыми оценки экономического ущерба – около 10,7 млрд долл. США по ППС. Россия оказывается на 8 месте, при этом в данном варианте расчётов её опережает Мексика, потери которой составили 4,4 млрд долл. США по ППС. Рейтинги стран, наименее пострадавших от коронавируса, остались практически неизменными.

В целом потери по странам ОЭСР, рассчитанные исходя из ВВП на одного занятого, составили 119,5 млрд долл. США по ППС. Из этих потерь 42% составляют потери США. По странам БРИКС потери составили 37,1 млрд долл. США, 77% этих потерь – потери Бразилии.

Методологически данный подход идентичен подходу, исходя из среднедушевого ВВП. Однако дополнительным преимуществом данного подхода является то, что он учитывает следующее важное обстоятельство: произведенный ВВП является результатом деятельности не всех жителей страны, а именно занятых в экономике.

Это дополнительное преимущество заставляет считать наиболее достоверными оценками результаты расчета экономических потерь от коронавируса, вызванных преждевременными смертями, которые получены с использованием данных по ВВП, производимому на одного занятого в экономике.

Расчет экономических потерь с использованием данных Росстата по статистике умерших от COVID-19. Для России был также проведён альтернативный расчёт экономических потерь с использованием данных Росстата, использующего другую методологию по расчёту числа умерших от коронавируса по сравнению с Оперативным штабом, данные которого публикует институт Хопкинса. Данные Росстата на момент выхода материала доступны за апрель-май 2020 г., поэтому в целях сопоставимости экономические потери рассчитывались за тот же период (таблица 4). Согласно Росстату, число умерших в апреле, у которых COVID-19 был основной причиной смерти (1748 человек), в 1,5 раза превысило число умерших от коронавируса в апреле согласно данным Оперштаба (1145 человек). В мае аналогичное превышение составило 2 раза: 7444 человека по данным Росстата и 3686 человек по данным Оперштаба. В общей сложности число умерших от коронавируса за апрель-май по данным Росстата превысило число умерших согласно данным Оперативного штаба в 1,9 раза.

Таблица 4

Экономические потери России от коронавируса с использованием разных данных (Оперштаба, Росстата) по числу умерших и разным подходам к расчёту, апрель–май 2020 г.

Источник данных по умершим	Число умерших в апреле-мае 2020 г.	Недополученный ВВП на одного человека (среднедушевой), тыс. долл. США (ППС)		Экономические потери, рассчитанные с использованием среднегодушевого ВВП, млрд долл. США (ППС)		Недополученный ВВП на одного человека (на одного занятого), тыс. долл. США (ППС)		Экономические потери, рассчитанные с использованием ВВП на одного занятого, млрд долл. США (ППС)	
		без дисконта	с дисконтом	без дисконта	с дисконтом	без дисконта	с дисконтом	без дисконта	с дисконтом
Оперштаб	4831	248,7	156,7	1,20	0,76	518,5	326,6	2,50	1,58
Росстат (COVID-19 – основная причина смерти)	9192			2,29	1,44			4,77	3,00
<i>Справочно: Росстат (умершие с установленным диагнозом коронавирусной инфекции)</i>	15277			3,80	2,39			7,92	4,99

Источники: Росстат, оперативный штаб, расчёты.

Как видно из таблицы 4, разные подходы к учёту смертей от коронавируса приводят к разным экономическим оценкам потерь при одинаковой сумме недополученного ВВП вследствие смерти одного человека. Причём оценки могут отличаться в разы. Так, оценки экономических потерь в обоих вариантах расчёта (среднедушевой ВВП и ВВП на одного занятого) за апрель-май с использованием данных Росстата на 40% ниже оценок экономических потерь с использованием данных Оперштаба за весь период пандемии (таблица 2 и таблица 3). А если принимать в расчёт не только умерших непосредственно от коронавируса, но и тех, у кого он был диагностирован (по аналогии с США), то экономические потери в обоих вариантах расчёта (среднедушевой ВВП и ВВП на одного занятого) только за апрель-май окажутся на 18% выше, чем экономические потери с использованием данных Оперштаба за весь период пандемии (таблица 2 и таблица 3).

ВЫВОДЫ

1. Экономические потери от COVID-19 складываются из прямых потерь от преждевременной смерти людей и заболеваемости, ухудшения состояния здоровья переболевших людей, в том числе от инвалидизации части из них, а также из косвенных потерь, вызванных карантинными и т.п. ограничениями, общим снижением предпринимательской активности из-за резко возросшей неопределённости экономической ситуации.

2. Экономические потери от преждевременной смерти людей от COVID-19 возможно рассчитать на основе оценки стоимости статистической жизни. В этих целях рекомендуется использовать доходный подход, при котором стоимость статистической жизни равняется сумме дисконтированного дохода на одного занятого в экономике за время ожидаемой продолжительности предстоящей жизни среднестатистического человека.

3. При расчёте экономических потерь вследствие преждевременных смертей под потерями от смерти одного человека понимается ВВП, недополученный вследствие преждевременного ухода из жизни из-за коронавируса. Недополученный ВВП рассчитывается как сумма прогнозируемого ВВП на одного занятого в экономике по паритету покупательной способности (ППС) в течение числа лет, потерянных в результате преждевременной смерти, начиная с года смерти (2020 г.).

4. Преимущества используемого подхода состоят в том, что он позволяет проводить сравнительный страновой анализ, так как, во-первых, основывается на едином методологическом подходе для всех стран, и, во-вторых, используются официальные статистические данные. Полученные оценки объективно отражают потери всей экономики от преждевременных смертей, а также учитывается тот факт, что произведенный ВВП является результатом деятельности не всех жителей страны, а именно занятых в экономике.

5. Экономические потери от смертей составили:

- по странам ОЭСР – 119,5 млрд долл. США;
- по странам БРИКС – 37,1 млрд долл. США;
- наибольшие потери понесли США – 50,3 млрд долл. США. В тройке наиболее пострадавших стран: Бразилия – 28,6 млрд долл. США, а также Франция – 15 млрд долл. США;
- экономические потери от смертей в России составили 4,2 млрд долл. США – 8 место среди стран, понесших наибольшие потери.

Все данные – по состоянию на 23.07.2020 г.

I. Nikolaev (e-mail: strategy@fbk.ru)

Doctor of Science, Economics, Director of Institute of Strategic Analysis, FBK Grant Thornton (Moscow)

V. Cherepov (e-mail: Cherepovvm@rspp.ru)

Dr. of Medical Sciences (D.Med.Sc.), Professor, Head of the Department of Management in Healthcare and Sports Industry, State University of Management (Moscow)

O. Sobolevskaya (e-mail: olsob@bk.ru)

Dr. of Medical Sciences (D.Med.Sc.), Professor of the Department of Management in Healthcare and Sports Industry, State University of Management (Moscow)

ECONOMIC LOSSES CAUSED BY THE PREMATURE DEATHS FROM COVID-19 PANDEMIC

The study estimated economic losses caused by premature deaths from coronavirus infection for 44 national economies (OECD and BRICS countries). For the calculations the author used an income approach to determining the value of a statistical life, as well as forecast data from the OECD.

According to the calculations, the economic losses from deaths caused by the coronavirus amounted to USD 119.5 billion in the OECD countries, and to USD 37.1 billion in the BRICS countries. The economic losses from deaths in Russia amounted to USD 4.2 billion.

Keywords: value of a statistical life, economic losses, coronavirus, life expectancy, OECD, BRICS, international comparisons.

DOI: 10.31857/S020736760011348-1

© 2020

Ольга Мирошниченко

профессор Тюменского государственного университета (г. Тюмень)
(e-mail: o.s.miroshnichenko@utmn.ru)

Анна Тарасова

доцент Уральского федерального университета (г. Екатеринбург)
(e-mail: a.n.tarasova@mail.ru)

Валерий Гамукин

профессор Тюменского государственного университета (г. Тюмень)
(e-mail: valgam@mail.ru)

ДОХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ И УСТОЙЧИВОСТЬ РАЗВИТИЯ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА РОССИИ

Стабильное развитие национального банковского сектора является необходимым условием макроэкономической стабильности. В условиях пандемии COVID-19 сокращаются доходы населения, выступающего одним из важнейших банковских контрагентов и формируются угрозы устойчивости банковского сектора. В статье представлена структурная схема, описывающая связи между стабильным развитием банковского сектора и доходами населения. Эта схема может использоваться при разработке банковской политики в процессе макроэкономического регулирования.

Ключевые слова: финансовая стабильность, банковские риски, капитал банка, макропруденциальная политика, ипотека, Базель III, ликвидность, пандемия COVID-19.

DOI: 10.31857/S020736760011352-6

Устойчивое развитие банковского сектора выступает условием своевременного удовлетворения потребностей кредиторов и заемщиков в банковском обслуживании и способствует макроэкономическому развитию. Важнейшими банковскими контрагентами выступают домохозяйства, платежеспособность которых, как и емкость рынка розничных банковских услуг определяется доходами населения.

Эволюция подходов регулятора к трактовке развития российского банковского сектора. В России развитие и укрепление банковской системы является одной из целей деятельности ЦБ РФ, зафиксированной федеральным законом от 10.07.02 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». В соответствии с заявленной целью, в 2001–2011 гг. были разработаны и приняты стратегии развития банковского сектора РФ, которые включали

как меры в отношении ЦБ РФ в части банковского регулирования и надзора, так и меры в отношении второго уровня банковской системы – банковского сектора. Качественное развитие в Стратегиях предполагало развитие новых операций и услуг банков, банковских и надзорных технологий, банковской инфраструктуры. Для оценки количественного развития использовалась доля в ВВП таких показателей банковского сектора, как капитал, активы и кредиты нефинансовым организациям и физическим лицам.

Мировой кризис 2007 г. показал, что рост относительных показателей активов, доля кредитов в ВВП не влечет за собой однозначно поступательное развитие [10], напротив, этот рост может способствовать формированию кредитных пузырей [см., например, 18]. Аналогично, рост банковского капитала и его достаточность для покрытия принимаемых рисков должны учитывать циклический характер экономики. В противном случае при стабильности экономической ситуации банки не в полной мере учитывают возможный размер убытков при возникновении кризиса. В условиях кризиса ухудшение качества долгов банковских контрагентов определяет необходимость доначисления страховых резервов, увеличения расходов, при этом часть просроченной задолженности не приносит банку доходов. В совокупности указанные факторы снижают банковскую прибыль, формируют убытки. Особую негативную роль в кризисной ситуации может дополнительно сыграть неудовлетворительное межсекторальное взаимодействие других финансовых сфер, помимо банковской.

В этой связи в соответствии с рекомендациями Международного валютного фонда, регулятивный подход, предполагающий выделение банковской системы в качестве отдельного объекта оценки, трансформируется в подход, основанный на рассмотрении финансовой стабильности и развития банковского сектора как части финансового сектора.

Понятия «стабильность» и «развитие» в отношении банковского сектора неразрывно связаны. Стабильность выступает основой развития, развитие без стабильности не представляется возможным. С другой стороны, стабильность без развития может иметь место. Стабильное развитие обладает новым содержанием, предполагает одновременное присутствие в процессах и отношениях как признаков развития, расширения, перехода в иное позитивное качество, так и признаков, позволяющих утверждать, что развитие не вызывает угрозу стабильности, не сопровождается повышением принимаемых банковским сектором рисков. При этом состав и структура рисков банковского сектора может претерпевать изменения.

Способность банковского сектора к стабильному развитию представляется внутренним свойством, предполагающим нахождение равновесия между целями банков, их клиентов и регулятора, и обладающим способностью адаптироваться к изменяющимся внешним и внутренним условиям. При отсутствии качественных характеристик, отвечающих требованиям заинтересованных

сторон, банки теряют возможность получения прибыли, обеспечения рентабельности деятельности.

Современная теория и практика банковского регулирования не выработали единого набора показателей, позволяющих оценить стабильность и развитие банковского сектора, однако поиску таких показателей уделяется много внимания в исследованиях российских и зарубежных авторов.

Факторы стабильности и развития банковской системы. Зарубежные исследования в значительной степени посвящаются факторам стабильности финансовой и ее части – банковской системы, банковского сектора. Продолжительное поступательное развитие банковского сектора возможно при параллельном поступательном макроэкономическом развитии [4, 13]. Установлено, что банковский сектор как часть финансового сектора оказывает влияние на экономику в целом и одновременно сам испытывает воздействие других секторов [12].

Все факторы, определяющие стабильность банковского сектора в полной мере не выявлены [см., например, 30]. Кроме того, в разных исследованиях результаты оценки влияния одного и того же фактора на стабильность банковского сектора могут отличаться. Так, например, утверждается, что банковская концентрация способствует повышению хрупкости банковского сектора [32]; для стран с развитым фондовым рынком и строгими нормативами банковской деятельности усиление конкуренции положительно влияет на финансовую стабильность [17, 19, 29]. Другие исследователи установили, что диверсификация банковского сектора не является фактором, однозначно обеспечивающим финансовую стабильность [28, 31].

Значительная часть релевантных исследований посвящена влиянию на финансовую стабильность динамики банковского кредитования, капитала [2, 8, 16, 27, 34], а также показателей рентабельности банковской деятельности и банковских рисков, что подкрепляет теоретическое положение о склонности банковских систем к накоплению дисбалансов. Потенциально негативное влияние на финансовую стабильность способны оказывать цикличность банковского кредитования [18] и неработающие кредиты [23, 26]. Положительно влияет на финансовую стабильность способность банков сохранять уровень доходов в условиях негативного внешнего воздействия [25], а также снижение рисков активов, в результате чего у банков снижается волатильность ROA и уменьшаются неработающие кредиты [22].

Таким образом, все факторы, влияющие на стабильность банковского сектора, можно разделить на институциональные факторы и факторы, обусловленные непосредственным осуществлением деятельности банками. К важнейшим институциональным факторам следует отнести состояние конкуренции на банковском рынке, деятельность системно значимых банков, сеть банковских структур, связи между банками (в том числе при осуществлении

операций, проведении расчетов), режим надзора, развитие корпоративного управления. К важнейшим факторам стабильности, обусловленным непосредственным осуществлением деятельности банками, относят динамику и качество активов (включая качество кредитов), капитал и его достаточность, риски, способность банков генерировать доходы и поддерживать рентабельность деятельности в условиях действия внешних шоков.

Факторы, способные оказывать влияние на финансовую стабильность банковского сектора (включая сокращение количества кредитных организаций, волатильность показателей банковского сектора), будут считаться угрозами финансовой стабильности в случае, если банковский сектор в условиях их действия окажется не способным поддерживать значения макропруденциальных показателей на стабильном уровне, и, как следствие, если эти факторы нанесут ущерб экономической активности в целом.

В современном контексте при оценке факторов, влияющих на финансовую стабильность, нецелесообразно разделять понятия «устойчивость» и «стабильность» в отношении банковского сектора. Термин «устойчивость (sustainability)» все чаще используется в рамках концепции устойчивого развития, предполагающего ответственное отношение к окружающей среде, реализацию проектов экологической направленности; сформировалось вполне определенное понятие «устойчивые финансы» – «sustainable finance» [5]. Более того, в надзорной среде принята концепция финансовой стабильности, используемые для ее оценки показатели могут рассматриваться в качестве показателей оценки стабильности (stability), устойчивости (soundness) как противоположности хрупкости, неустойчивости (fragility) банковского сектора.

Развитие ипотечного жилищного кредитования в России и мире, формирование субстандартной ипотечной задолженности в США как важнейшего фактора мирового финансово-экономического кризиса 2007 года привлекли внимание исследователей и регуляторов к ценам на жилую недвижимость. Эти цены с апреля 2019 г. предлагаются МВФ в качестве одного из основных индикаторов финансовой устойчивости (FSIs – financial soundness indicators), включенных в группу индикаторов для депозитных учреждений (включая банки) [24]. Цены на жилую недвижимость широко используются в качестве оценочного показателя при проведении исследований банковского кредитования, особенно ипотечного жилищного, в контексте рисков и стабильности банковского сектора [20, 21, 33]. Помимо цены на жилую недвижимость, в состав основных FSIs для банков включены также индикаторы достаточности капитала, качества активов, доходов и рентабельности, ликвидности и чувствительности в рыночному риску. При исследовании стабильного развития банковского сектора представляется целесообразным использовать индикатор «цены на жилую недвижимость» как самостоятельный, так и в качестве знаменателя относительного показателя, в числителе которого – величина доходов

домохозяйств. Такой относительный показатель обеспечит сопоставимость покупательной способности населения на рынке жилой недвижимости в разные периоды времени.

При анализе связи устойчивости банковского сектора России с доходами населения нами использовались официальные данные Центрального банка РФ [6] за период 2008–2019 гг. При этом следует отметить, что современные исследования базируются не только на оценке значений абсолютных и относительных, или «основных», показателей (например, номинальных и реальных денежных доходов населения), но и на показателях, характеризующих волатильность «основных» (например, с использованием показателей вариации, темпов роста).

Нами была рассчитана корреляция показателей, характеризующих денежные доходы населения, и основных макроprudенциальных показателей российского банковского сектора.

В качестве переменных, характеризующих доход населения, использованы:

- среднедушевой денежный доход населения в месяц (в рублях) [9] и цепной темп его прироста (%);
- среднедушевой денежный доход населения в месяц, скорректированный с учетом ИПЦ (в рублях) [15] и цепной темп его прироста (%);
- отношение среднедушевого денежного дохода населения к средней цене 1 кв. м. жилья (в %) [14] и цепной темп его прироста (в %); использованы данные о средней цене 1 м² по всем типам квартир на первичном рынке жилья.

Для исследования построена поквартальная база данных (с 1 квартала 2008 года по 3 квартал 2019 года), все переменные пересчитаны в усредненные показатели за квартал. При построении укрупненных временных рядов пересчет ИПЦ осуществлялся по методологии Росстата. Оценка тренда изменений доходов населения проводилась с использованием метода скользящих средних. Для выявления взаимосвязей между доходами населения и показателями банковской сферы применялся коэффициент корреляции Пирсона. Дополнительно реализован корреляционный анализ со сдвигом временных рядов, что позволило выявить временные лаги, в течение которых влияние доходов на показатели банковской сферы статистически значимо.

Исследование корреляционной зависимости основных индикаторов финансовой стабильности российского банковского сектора и доходов населения. Индикаторы финансовой стабильности российского банковского сектора разделены на четыре группы: макроprudенциальные показатели достаточности капитала, рисков, ликвидности и финансового результата. В группу показателей достаточности капитала включены показатель достаточности собственных средств (Н1.0), показатель достаточности основного капитала (Н1.2) и отношение активов, взвешенных по уровню кредитного риска, к совокупным активам. В группу показателей рисков включены показатели рыночного риска

и показатели кредитного риска банковского сектора: доля проблемных и безнадежных ссуд в общем объеме ссуд, сформированный резерв на возможные потери по ссудам (в процентах от общего объема выданных ссуд) и отношение совокупной величины крупных кредитных рисков к капиталу (Н7). В группу показателей ликвидности включены отношение высоколиквидных активов к совокупным активам, отношение ликвидных активов к совокупным активам, норматив мгновенной ликвидности (Н2), норматив текущей ликвидности (Н3), норматив долгосрочной ликвидности (Н4) и отношение средств клиентов к совокупным ссудам. В группу показателей финансового результата включены показатели рентабельности активов и рентабельности капитала банковского сектора (которые приводятся в официальной статистике как отношение финансового результата банковского сектора к активам и капиталу соответственно), а также темпы их прироста.

Оценка корреляционных связей показателей, характеризующих доходы населения, и индикаторов финансовой стабильности российского банковского сектора позволяет сделать следующие выводы (для оценки отобраны показатели с двухсторонней значимой корреляцией на уровне 0,01).

С ростом доходов населения, оцениваемых с использованием показателей номинальных доходов и отношения среднедушевых денежных доходов к цене 1 м² жилья, увеличивается давление рисков на капитал, уменьшаются показатели достаточности капитала (коэффициенты корреляции с показателем достаточности собственных средств (Н1.0) $-0,745^{**1}$ и $-0,664^{**}$ соответственно, с показателем достаточности основного капитала (Н1.2) $-0,736^{**}$ и $-0,742^{**}$ соответственно). Аналогичная связь характерна для доходов населения и отношения активов, взвешенных по уровню кредитного риска, к совокупным активам банковского сектора (коэффициенты корреляции $-0,863^{**}$ и $-0,697^{**}$ соответственно). Банковский сектор наращивает риски, на покрытие которых должен быть достаточен капитал, при росте доходов населения, и сокращает риски при снижении указанных доходов. Иными словами, чем выше доходы населения, тем больше объем кредитования домохозяйств, и, при прочих равных условиях, больше доходы от кредитных вложений. С ростом объемов кредитования увеличивается абсолютная величина кредитного риска банковского сектора. В российских условиях увеличение объема рисков, обусловленных расширением кредитования населения, не сопровождалось пропорциональным увеличением собственных средств банковского сектора, что и определило повышение давления на регулятивный капитал, выразившееся в снижении его достаточности (при соблюдении нормативных значений) [11]. Банки не имеют возможности за короткое время значительно увеличить капитал пропорционально увеличению агрегированной величины рисков. В период экономического подъема опережающий рост объема кредитования

¹ ** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

домохозяйств над ростом доходов населения способствует формированию потенциальных рисков банковского сектора (при этом удельный вес просроченной задолженности может быть незначительным, что и наблюдалось фактически), которые проявляются в период кризиса. Переоценка увеличившихся рисков при тех же объемах кредитования в кризисных условиях требует от банков выбора между сохранением/наращиванием объема кредитных вложений, генерирующих доходы, и сокращением рисков, сокращая /не увеличивая объемы кредитных вложений, с целью выполнения нормативов достаточности капитала. Таким образом, снижению доходов населения соответствует стремление банковского сектора снизить объем кредитного риска, в результате сокращения/не наращивания объемов кредитования домохозяйств. Указанные действия в перспективе приводят к сокращению банковских доходов, однако в острой фазе кризиса обеспечивают выполнение требований к достаточности банковского капитала.

При использовании скользящих средних для показателей, характеризующих доходы населения (проверялись скользящие средние по 3 точкам и по 4 точкам), сила выявленных связей между показателями возрастает. Следовательно, на показателях достаточности капитала практически не отражаются сезонные колебания доходов населения, но указанные показатели связаны с общим трендом изменений доходов домохозяйств.

Согласно надзорной методике расчета показателей достаточности капитала, основанной на рекомендациях Базельского комитета по банковскому надзору, капитал должен быть достаточен на покрытие кредитного, рыночного и операционного рисков. При выявлении наличия связи доходов домохозяйств с показателями рыночного риска было установлено, что доходы населения (номинальные и оцениваемые с использованием отношения среднедушевых денежных доходов к цене 1 м² жилья) в текущий момент коррелируют с фондовым риском как элементом рыночного риска: при уменьшении доходов населения фондовый риск возрастает, и наоборот, связь умеренно-сильная. Дополнительная оценка путем сдвига временных интервалов (за временной интервал n принят один квартал) позволила установить, что влияние доходов населения на фондовый, и, в дальнейшем, совокупный рыночный риск, усиливается, достигая максимального значения коэффициента корреляции через один год и один квартал (табл. 1). Таким образом, снижение доходов населения влияет на изменение структуры рисков банковского сектора: банки увеличивают свои вложения в инструменты фондового рынка. При росте доходов населения увеличивается давление на регулятивный капитал за счет увеличения кредитного риска, что вполне объяснимо: при росте доходов населения расширяется объем кредитования домохозяйств, увеличивается агрегированная величина кредитного риска.

Таблица 1

**Коэффициенты корреляции между среднедушевыми денежными доходами населения и макро-
пруденциальными показателями рыночного риска в текущем и последующих периодах**

	Рыночный риск	Процентный риск	Фондовый риск	Валютный риск
Текущий период (n)	-0,203 (0,175)	0,092 (0,545)	-0,603** (0,000)	-0,212 (0,157)
Через полгода (n+2)	-0,252 (0,102)	0,082 (0,596)	-0,632** (0,000)	-0,176 (0,253)
Через год (n+4)	-0,480** (0,001)	-0,153 (0,335)	-0,717** (0,000)	-0,198 (0,208)
Период (n+5)	-0,502** (0,001)	-0,333* (0,033)	-0,767** (0,000)	0,259 (0,102)
Через полтора года (n+6)	-0,517** (0,001)	-0,439** (0,005)	-0,729** (0,000)	0,375* (0,017)
Период (n+7)	-0,571** (0,000)	-0,498** (0,001)	-0,728** (0,000)	0,300 (0,064)
Через 2 года (n+8)	-0,628** (0,000)	-0,565** (0,000)	-0,710** (0,000)	0,228 (0,168)
Период (n+9)	-0,541** (0,001)	-0,464** (0,004)	-0,708** (0,000)	0,197 (0,242)

** Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

* Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Источник: рассчитано авторами.

Доходы населения выступают важным фактором, определяющим кредитно-сберегательное поведение домохозяйств в отношениях с банковским сектором [3], оказывают влияние на формирование срочной структуры банковских обязательств и активов, и, соответственно, на риск ликвидности. Аналогично показателям достаточности капитала и рисков, показатели ликвидности российского банковского сектора статистически значимо связаны с такими показателями доходов населения, как номинальные среднедушевые денежные доходы в месяц и отношение среднедушевых денежных доходов к цене 1 м² жилья. Снижению доходов соответствует сокращение сроков размещения ресурсов банковского сектора (обратная связь между доходами населения и отношениями к совокупным банковским активам высоколиквидных и ликвидных активов, коэффициент корреляции $-0,612^{**}$ и $-0,583^{**}$ для отношения высоколиквидных, $-0,546^{**}$ и $-0,517^{**}$ для отношения ликвидных активов к совокупным активам соответственно). Прямая связь между доходами населения и показателями мгновенной и текущей ликвидности также в полной мере подтверждает теоретические положения банковского дела: рост номинальных доходов банковских контрагентов определяет опережающий рост обязательств

со сроками до востребования и до 30 дней, по сравнению с ростом активов с такими же сроками (коэффициент корреляции 0,699** с нормативом мгновенной ликвидности (Н2) и 0,665** с нормативом текущей ликвидности (Н3)). Обратная зависимость между показателями доходов населения и значением норматива долгосрочной ликвидности (коэффициент корреляции $-0,509^{**}$) позволяет предполагать, что рост номинальных доходов населения способствует укреплению банковской ресурсной базы, удлинению сроков обязательств. Таким образом, увеличение номинальных доходов населения оказывает положительное влияние на банковскую ликвидность, способствует удлинению сроков размещения банковских ресурсов. И, наоборот, при снижении доходов населения сокращаются сроки размещения банковских ресурсов, что отрицательно сказывается на возможностях банковского сектора удовлетворять потребности экономики в долгосрочных средствах, оставаясь устойчивым.

Важнейшая роль в стабильности и развитии банковского сектора, укреплении капитальной базы и защите от возможных негативных последствий от реализации рисков принадлежит финансовому результату кредитных организаций. Показатели финансового результата коррелируют с темпом прироста доходов населения: чем выше темп прироста доходов, особенно реальных, тем выше темп прироста финансовых результатов (коэффициенты корреляции 0,542** с темпом прироста номинальных и 0,558** с темпом прироста реальных доходов). Отмечается наличие статистически значимых связей финансовых результатов банковского сектора с доходами населения, скорректированных на ИПЦ (коэффициент корреляции с показателем рентабельности активов 0,559**, с показателем рентабельности капитала 0,575**). Сокращение темпов прироста доходов населения отрицательно сказывается на приросте финансовых результатов банковского сектора.

Связи доходов населения с показателями финансового результата и показателями рентабельности банковского сектора проявляются только в текущем периоде, при сдвигах периодов (предшествующий, последующий периоды) отмеченные связи утрачиваются. Выявленную связь следует оценить как косвенную; влияние доходов населения на финансовый результат и рентабельность банковского сектора опосредованное; на доходы населения и на показатели прибыли и рентабельности банковского сектора оказывают однонаправленное воздействие макроэкономические факторы.

Таким образом, наличие корреляционных связей доходов населения и макропруденциальных показателей установлено, однако для оценки влияния доходов домохозяйств на стабильное развитие банковского сектора необходимо расширить состав оцениваемых переменных с учетом действия макроэкономических факторов.

Отечественные ученые подчеркивают важность динамики цен на нефть, индекса РТС и динамики курса доллара как макроэкономических факторов,

которые следует учитывать при проведении исследований российской экономики [1, 7].

На рис. 1 предложена структурная схема, отражающая связи стабильного развития банковского сектора и доходов населения.

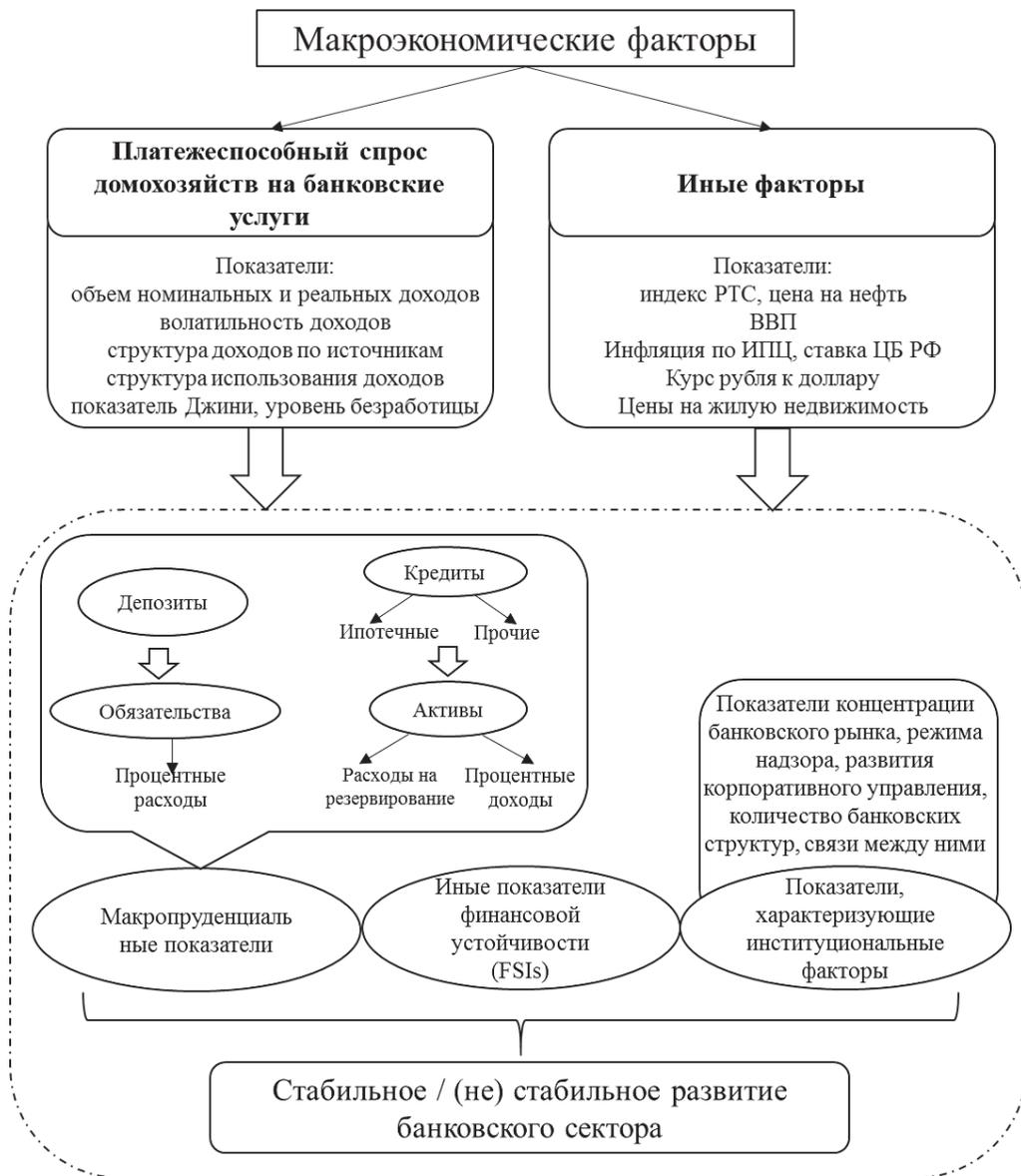


Рис. 1. Структурная схема, отражающая связи стабильного развития банковского сектора и доходов населения

Источник: составлено авторами.

Предложенная схема может использоваться при исследованиях взаимоотношений банков и домохозяйств, при моделировании влияния доходов населения на стабильность и развитие банковского сектора, при разработке мероприятий по регулированию банковского сектора и макроэкономическому регулированию.

Для предотвращения ситуации нестабильности финансового, банковского сектора, обусловленной падением доходов населения особенно в результате пандемии COVID-19, требуется активное вмешательство государства. Реализуемые государством меры должны носить не только тактический характер предотвращения значительного проседания доходов населения, но и включать меры стратегического характера, направленные на поддержку производства, сохранение рабочих мест, обеспечивающих базовые условия для оживления экономической активности.

Литература

1. Андреев М., Пейрис У., Ширококов А., Цомокос Д. Анализ макропруденциальной политики и финансовой (не) стабильности в Российской Федерации. // Деньги и кредит. 2019. Т. 78. № 3. С. 3–37. DOI: 10.31477/rjmf.201903.03
2. Господарчук Г.Г. Резервный буфер капитала как инструмент макропруденциальной политики. // Финансы: теория и практика. 2019. Т.23. № 4. С. 43–56. DOI: 10.26794/2587-5671-2019-23-4-43-56
3. Иваницкий В.П., Александров С.А. Формирование поведенческих финансов как закономерный этап эволюции модели человека в экономике // Экономика региона. 2017. Т.13. № 3. С. 658–671. DOI: 10.17059/2017-3-2
4. Ларионова И.В., Мешкова Е.И. Асинхронность приоритетов регулирования банковского сектора и потребностей национальной экономики: возможные пути преодоления // Банковские услуги. 2019. № 3. С. 20–25.
5. Львова Н.А., Воронова Н.С. Могут ли устойчивые финансы претендовать на роль новой парадигмы финансовой науки? / Реализация целей устойчивого развития: европейский и российский опыт. Сборник научных статей // СПб.: СПбГЭУ, 2019. С. 70–79.
6. Макропруденциальные показатели деятельности банковского сектора. Некоторые показатели финансовой устойчивости банковского сектора. // Обзор банковского сектора Российской Федерации. URL: <https://www.cbr.ru/analytics/bnksyst/>
7. Малкина М. Ю., Овчаров А. О. Индекс финансового стресса как обобщающий индикатор финансовой нестабильности // Финансовый журнал. 2019. № 3. С. 38–54. DOI: 10.31107/2075-1990-2019-3-38-54
8. Мамонов М.Е. Сокращение капитала российских банков: изменение склонности к риску и роль процентной политики Банка России. // Вопросы экономики. 2019. № 6. С. 30–55.
9. Население, уровень жизни. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://www.gks.ru/folder/13397>
10. Об определении стадии кредитного цикла и порядке установления национальной антициклической надбавки к капиталу. Доклад для общественных консультаций. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/82972/Consultation_Paper_190617.pdf
11. Обзор финансовой стабильности. URL: <https://www.cbr.ru/publ/stability/>
12. Риск-менеджмент в коммерческом банке: монография / под ред. И.В. Ларионовой // М.: КНОРУС, 2014. 456 с.

13. Устойчивость банковской системы и развитие банковской политики: монография / коллектив авторов, под ред. О.И. Лаврушин // М.: КНОРУС, 2014. 280 с.
14. Цены на рынке жилья. Федеральная служба государственной статистики. URL: [https://www.gks.ru/storage/mediabank/bd_1905001\[1\].htm](https://www.gks.ru/storage/mediabank/bd_1905001[1].htm).
15. Цены. Федеральная служба государственной статистики. URL: [https://www.gks.ru/storage/mediabank/tab-potr1\(2\).htm](https://www.gks.ru/storage/mediabank/tab-potr1(2).htm)
16. *Anginer D., Demirguc-Kunt A., Mare D. S.* Bank capital, institutional environment and systemic stability // *Journal of Financial Stability*. 2018. Vol. 37, pp. 97–106. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jfs.2018.06.001>
17. *Beck T., De Jonghe O., Schepens G.* Bank competition and stability: Cross-country heterogeneity // *Journal of Financial Intermediation*. 2013. Vol. 22, is. 2, pp. 218–244. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jfi.2012.07.001>
18. *Behr P., Foes D., Norden L.* Cyclicalities of SME lending and government involvement in banks // *Journal of Banking & Finance*. 2017. Vol. 77, pp. 64–77. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2017.01.010>
19. *Carretta A., Farina V., Fiordelisi F., Schwizer P., Lopes F. S. S.* Don't Stand So Close to Me: The role of supervisory style in banking stability // *Journal of Banking & Finance*. 2015. Vol. 52, pp. 180–188. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2014.09.015>
20. *Diaz-Serrano L.* Inflation of home appraisal values and the access to mortgage loans of credit constrained borrowers // *International Review of Economics & Finance*. Available online 23 May 2019 In Press, Corrected Proof URL: <https://doi.org/10.1016/j.iref.2019.05.003>
21. *Duca J. V., Muellbauer J., Murphy A.* How Mortgage Finance Reform Could Affect Housing // *American Economic Review*. 2016. Vol. 106, pp. 620–24. DOI: 10.1257/aer.p20161083
22. *Fang Y., Hasan I., Katherin M.* Institutional development and bank stability: Evidence from transition countries // *Journal of Banking & Finance*. 2014. Vol. 39, pp. 160–176. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2013.11.003>
23. *Farah N., Sarah S., Ur R. R., Ishfaq A. M., Rizwan A.* Determinants of financial sustainability of microfinance institutions in Pakistan // *Управленец*. 2019. Т. 10. № 4. С.51–64. DOI: 10.29141/2218-5003-2019-10-4-5
24. Financial Soundness Indicators: Compilation Guide (2019) – Prepublication draft. URL: <https://www.imf.org/en/Data>
25. *Hung C.-H. D., Jiang Y., Liu F. H., Tu H.* Competition or manipulation? An empirical evidence of determinants of the earnings persistence of the U.S. banks // *Journal of Banking & Finance*. 2018. Vol. 88, pp. 442–454. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2018.01.010>
26. *Kanas A., Molyneux P.* Macro stress testing the U.S. banking system // *Journal of International Financial Markets, Institutions and Money*. 2018. Vol. 54, pp. 204–227. URL: <https://doi.org/10.1016/j.intfin.2017.12.006>
27. *Kapan T., Minoiu C.* Balance sheet strength and bank lending: Evidence from the global financial crisis // *Journal of Banking & Finance*. 2018. Vol. 92, pp. 35–50. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2018.04.011>
28. *Martinez-Jaramillo S., Alexandrova-Kabadjova B., Bravo-Benitez Be., Solorzano-Margain J. P.* An empirical study of the Mexican banking system's network and its implications for systemic risk // *Journal of Economic Dynamics and Control*. 2014. Vol. 40, pp. 242–265. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jedc.2014.01.009>
29. *Mirzaei A., Moore T., Liu G.* Does market structure matter on banks' profitability and stability? Emerging vs. advanced economies // *Journal of Banking & Finance*. 2013. Vol. 37, Is. 8, pp. 2920–2937. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2013.04.031>

30. *Schinasi G. J.* Defining Financial Stability (October 2004) / IMF Working Paper No. 04/187. Available at SSRN: URL: <https://ssrn.com/abstract=879012>
31. *Wagner W.* Diversification at financial institutions and systemic crises // *Journal of Financial Intermediation*. 2010. Vol. 19, pp. 373–386. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jfi.2009.07.002>
32. *Weiss G., Neumann S., Bostandzic D.* Systemic Risk and Bank Consolidation: International Evidence // *Journal of Banking and Finance*. 2014. Vol. 40, pp. 165–181 URL: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2013.11.032>
33. *Xuan D. H., Rosch D., Scheule H.* Predicting loss severities for residential mortgage loans: A three-step selection approach // *European Journal of Operational Research*. 2018. Vol. 270, is. 1, pp. 246–259. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ejor.2018.02.057>
34. *Zheng C., Cheung A. (Wai Kong), Cronje T.* The moderating role of capital on the relationship between bank liquidity creation and failure risk // *Journal of Banking & Finance*. 2019. Vol. 108, 105651. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2019.105651> 35. 1

O. Miroshnichenko (e-mail: o.s.miroshnichenko@utmn.ru)

Professor, Tyumen State University (Tyumen)

A. Tarasova (e-mail: a.n.tarasova@mail.ru)

Associate professor, Ural Federal University (Ekaterinburg)

V. Gamukin (e-mail: valgam@mail.ru)

Professor, Tyumen State University (Tyumen)

INCOMES OF THE POPULATION AND THE STABILITY OF THE DEVELOPMENT OF THE BANKING SECTOR IN RUSSIA

Stable development of the national banking sector is a prerequisite for macroeconomic stability. In the context of the COVID-19 pandemic, incomes of the population, which are one of the most important banking counterparties, are decreasing and threats to the stability of the banking sector are emerging. The article presents a structural diagram describing the links between the stable development of the banking sector and the incomes of the population. The diagram can be used in the development of banking policy in the process of macroeconomic regulation.

Keywords: financial stability, banking risks, bank capital, macroprudential policy, mortgage, Basel III, liquidity, COVID-19 pandemic.

DOI: 10.31857/S020736760011352-6

© 2020

Елена Шестакова

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Института экономики Российской академии наук (г. Москва)
(e-mail: eeshetakowa@gmail.com)

МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ И ФИНАНСОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ДОЛГОВРЕМЕННОГО УХОДА ЗА ПРЕСТАРЕЛЫМИ ГРАЖДАНАМИ: ДОСТИЖЕНИЯ И НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматриваются действующие механизмы приспособления экономически развитых государств, прежде всего европейских, к ускоренному изменению возрастной структуры населения, включая поиск как путей более широкого использования трудового потенциала лиц старших возрастных групп, так и возможностей улучшения качества жизни граждан в ходе процесса старения. Анализируются сильные и слабые стороны различных национальных моделей организации социальной помощи.

Ключевые слова: активное долголетие, долговременный уход, стационарное обслуживание, помощь на дому, неформальный родственный уход.

DOI: 10.31857/S020736760011353-7

Глобальные тенденции демографического старения населения порождают большое количество проблем социально-экономического и психолого-физиологического характера и требуют разработки концепции и методики оценки рисков старости для предупреждения катастрофических последствий как для экономического развития, так и для жизни отдельных категорий населения. Доля лиц в возрастной группе 65 лет и старше увеличилась с 9% (1960 г.) от общей численности населения, до 17% (2017г.) и, по имеющимся прогнозам, вырастет к 2050 году до 27%. Именно эта группа может оказаться наиболее уязвимой перед лицом новых, еще недавно считавшихся мало вероятных угроз масштабных инфекционных заболеваний.

Возрастная группа лиц пенсионного возраста достаточно гетерогенна. При анализе в нее было бы полезно включать и лиц условного предпенсионного возраста, после 55 лет. Сам процесс старения касается не только и не столько хронологической составляющей, количества прожитых и предстоящих лет жизни (хотя эти параметры также важны, при, например, оценке пенсионных расходов), но в еще большей степени социальных аспектов, изменения когнитивных способностей и физического состояния, способов участия в экономической и социальной жизни, возможностей повышения и изменения своего профессионального и квалификационного уровня, снижения способности вести независимый образ жизни. В 2017 г. более половины населения стран ОЭСР в возрасте 65 лет и старше заявили о плохом состоянии своего здоровья

и около $\frac{1}{3}$ о существовании определенных ограничений в жизнедеятельности, в том числе 17% о серьезных ограничениях в этой области. Более позитивная ситуация в этом плане складывается в 5 государствах в основном Северной Европы (Норвегии, Швеции, Нидерландах, Ирландии и Швейцарии), где менее 40% лиц старших возрастов считают свое здоровье недостаточно хорошим, а какие-либо ограничения жизнедеятельности отмечают 21–22% граждан в возрасте 65 лет и старше [12, p. 222].

Основными механизмами приспособления государств к новой социально-демографической ситуации стали поиск путей увеличения трудоспособного периода жизни на трансформирующемся рынке труда, а также максимально возможного продления автономной жизни и развития комплексной системы долговременного медико-социального ухода. Разработанная еще в середине 90-х годов ВОЗ Концепция активного долголетия включает обеспечение оптимальных возможностей в области здравоохранения, безопасного социального взаимодействия, более широкого использования трудового и человеческого потенциала и улучшения качества жизни граждан в ходе старения. Главным направлением активного старения выступает поддержка продуктивной (оплачиваемой и частично не оплачиваемой) деятельности лиц старших возрастных групп, вторым – создание возможностей для автономной жизни и гарантий физического, психического здоровья и социального благосостояния пожилых граждан. При этом возможности независимой, здоровой и безопасной жизни включают факторы доступа к медицинским услугам, участия в непрерывном обучении, степени вовлеченности в использование современных цифровых информационных технологий, уровня относительного среднего дохода, риска бедности и возникновения серьезных материальных лишений [15, p. 5].

По каждому направлению в последние десятилетия достигнут очевидный прогресс, но новая ситуация выдвигает новые проблемы и ставит новые задачи. В условиях современного рукотворного экономического кризиса возникают серьезные сомнения относительно соответствия принятых решений требованиям социальной реальности и экономической целесообразности. Наиболее заметных успехов абсолютное большинство стран достигло в области продления трудовой жизни работников старших возрастов. С начала 2000-х годов тенденция снижения занятости лиц условного предпенсионного возраста (55–64 года) сменилась увеличением их экономической активности. Уровень активности на рынке труда для работников данной возрастной категории накануне современного кризиса колебался от более чем 70% в Скандинавских странах и Японии до 50% в отдельных странах Европы (например, в Бельгии). Средний показатель в государствах ОЭСР составил 61%. Эксперты ОЭСР считают, что изменение оплачиваемой занятости широкой возрастной группы (55–74 года) в период 2002–2017 гг. на $\frac{1}{3}$ было обеспечено за счет улучшения популяционного здоровья и роста продолжительности жизни, на $\frac{1}{3}$ за счет

повышения уровня образования и квалификации возрастных работников и на $\frac{1}{2}$ благодаря реформированию систем пенсионного страхования [2, р. 28–29]. Ведомую роль в повышении экономической активности лиц старших возрастных групп сыграли меры административного принуждения и экономического стимулирования работников к продолжению трудовой деятельности, поддержка работодателей в их действиях по найму и сохранению рабочих мест для возрастных работников, повышение конкурентоспособности лиц старших возрастов на рынке труда. В какой мере возможно сохранение данного тренда в условиях сокращающейся занятости предсказать достаточно сложно, возможны существенные корректировки в данной области. Предполагаемая подверженность лиц старших возрастов серьезным инфекционным заболеваниям может служить дополнительным поводом для ослабления их позиций на рынке труда.

По другому направлению – снижению для растущей доли лиц старших возрастных групп рисков возникновения тяжелых и часто множественных хронических заболеваний, сокращения и потери возможности к самообслуживанию и одновременно развитию эффективной системы долговременного обслуживания – положение в странах существенно различается и выделить общий тренд значительно сложнее. Доступ к формальным услугам медико-социального долговременного обслуживания определяется как степенью физической доступности, уровнем развития сложной инфраструктуры обслуживания, так и экономической доступностью: размерами тарифов на услуги и величиной соплатежей в сопоставлении с размерами доходов получателей. Отдельным критерием в современных условиях выступает достаточность и удобство информационного обеспечения. Так, среди проблем организации и управления системой социальной помощи в Финляндии называется сложность выбора из большого количества поставщиков и видов услуг. Широкое распространение цифровизации предоставления социальных услуг в стране сталкивается с недостатком компетенций пожилых потребителей в данной области, и это вынуждает власти искать способы упрощения доступа к необходимой поддержке и формирования эффективной системы социального сопровождения, закрепления за нуждающимися лицами «собственных социальных работников» для поиска и координации необходимых услуг. Руководство и многих других стран признает важность разработки разумной политики в отношении использования перспективных для повышения уровня функциональных способностей пожилых дорогостоящих инновационных ассистивных медико-социальных технологий, таких как удаленный мониторинг состояния здоровья и роботизированная помощь.

Особенности рынка услуг по долговременному уходу. Спектр страновых подходов к решению задач организации помощи и поддержки лицам с ограничениями жизнедеятельности очень широкий: от универсальных моделей с высокой долей общественного финансирования как медицинских, так и обширного комплекса

социально-бытовых услуг до практического самоустранения государства из данной сферы и возложения основной ответственности за помощь нуждающимся родственникам при удовлетворении их базовых потребностей на семью. В ряде стран, в основном государствах Северной Европы, формальные, оказываемые соответствующими медицинскими и социальными организациями услуги на дому или в различных специализированных стационарных учреждениях имеют приоритет по отношению к денежным выплатам (Дания, Швеция, Норвегия, Финляндия), в других – система долговременного обслуживания в основном базируется на денежных пособиях (Италия, Франция). В ряде стран граждане, нуждающиеся в социально-медицинских услугах, могут выбирать между денежными пособиями на уход, непосредственно получением услуг или их комбинацией (Австрия, Германия, Нидерланды, Великобритания), в других – такая комбинация исключена (Испания). Выбор также может осуществляться между персональной помощью со стороны члена семьи, заключившего контракт с местными властями по уходу за нуждающимся родственником, или получением эквивалентной месячной компенсации (Великобритания).

Особенностями долговременного ухода, существенно ограничивающими выработку эффективной системы его организации, являются: высокая степень межсекторальной и территориальной фрагментарности, сложное сочетание формальной и неформальной помощи, слабость мониторинга процесса медико-социального обслуживания в силу отсутствия надежных индикаторов оценки результатов такой помощи. Долговременное обслуживание является сферой активного применения живого труда, в настоящее время в большинстве стран неформального. Уже сейчас во многих экономически развитых странах существует большой разрыв между спросом на уход за престарелыми гражданами и его предложением. В перспективе спрос на формально организованное обслуживание будет расти в силу сокращения численности неформальных помощников в результате изменения семейных моделей, растущей мобильности рабочей силы, изменения правил пенсионного обеспечения. Прогнозируется и диверсификация квалификационного уровня рабочей силы, занятой в данном секторе: от «традиционных навыков» до гибких компетенций в сфере компьютерных и медицинских технологий, изменения традиционного негативного представления о плохих условиях работы, стрессовых ситуациях, отсутствии возможностей карьерного роста.

С позиций горизонтального разделения ответственности система здравоохранения отвечает за медицинское обслуживание, а поддержку и помощь лицам со сниженными функциональными возможностями (физическими и когнитивными) традиционно обеспечивают местные социальные службы. В большинстве стран стационарное медицинское обслуживание отделено от системы долговременной помощи, хотя есть и примеры функционирования

специальных сестринских домов и геронтологических отделений в общих стационарах, но нахождение в этих учреждениях ограничено во времени до того момента, как пациенты получают направление в хосписы или дома для престарелых. В структуру медицинских расходов включается и паллиативная помощь в стационарах и на дому на терминальной стадии жизни.

Медицинские услуги, как правило, относительно слабо интегрированы непосредственно в систему долговременной помощи. В комплекс услуг долговременной помощи зависимым лицам, согласно рекомендациям ВОЗ и методикам Евростата, входят: медицинские услуги для контроля хронических заболеваний и поддержания состояния здоровья (без учета широкого спектра планового и экстренного медицинского обслуживания) и две категории социальных услуг: персональные (помощь в осуществлении ежедневной жизнедеятельности, включающую 5 видов действий, в том числе гигиенические процедуры, прием пищи, одевание) и инструментальные личные услуги (уборка помещения, приобретение продуктов, оплата счетов, помощь в поддержании социальных связей и передвижении) [6, p.164]. Национальные правила могут существенно расширять перечень данных социальных услуг.

Второе направление – вертикальное разделение ответственности, при котором права и обязанности разделены между различными институциональными уровнями: национальным, региональным и локальным и возникающая при этом территориальная дифференциация. В региональном плане могут существенно различаться как объем оказываемой государственной поддержки, так и способы организации долговременного обслуживания и его финансирования. В Великобритании ответственность за общую организацию и финансирование медико-социального обслуживания несут власти 4 крупных регионов страны. Если в Шотландии персональные услуги бесплатны для всех пожилых граждан, в Северной Ирландии – для лиц в возрасте 75 лет и старше, то в Уэльсе действует норма оплаты социальных услуг потребителями всех возрастов, но не более определенного лимита, а в Британии $\frac{2}{5}$ всех получателей услуг полностью оплачивают их стоимость и еще 14% – частично (бесплатное обслуживание для пациентов возможно, если стоимость их активов, включая жилье, составляет менее 16274 фунтов, в этом случае расходы на социальные услуги берет на себя местная власть). Местные власти Британии в период 2016–2019 гг. получили право увеличивать местные налоги на собственность и направлять полученные средства на нужды оказания долговременной помощи, однако эти реформы не смогли покрыть рост расходов и устранить большие разрывы в финансировании социального обслуживания в разных регионах [4, p.10].

Политика децентрализации при оказании социальных услуг представляется оправданной: местные власти лучше осведомлены о потребностях своего населения, им проще осуществлять мониторинг положения пожилого населения на

предмет выявления различных проблем, они способны формировать горизонтальные связи на локальном или региональном уровне, но, с другой стороны, этот процесс часто сопровождается дестабилизацией финансирования социального сектора. Примеры децентрализации ответственности и связанного с этим усиление дифференциации предоставления услуг, различия в критериях предоставления и уровнях софинансирования можно найти во многих европейских странах (Бельгии, Швейцарии, Испании, Финляндии, Италии). В Испании каждое региональное правительство может самостоятельно устанавливать объем услуг долгосрочной помощи и величину пособий для своих жителей, сверх минимальных значений, определенных центральным правительством. В итоге даже соотношение услуг и пособий в каждом регионе может различаться. В структуре финансирования долгосрочного обслуживания 63% составляют региональные налоги, 17% субсидии центрального правительства и 20% соплаты потребителей. Если в Мадриде 70% общего объема расходов идет на оказание услуг, то в Валенсии эта доля составляет только 30% [14, р. 6].

Действующие тенденции в области оказания услуг по уходу. Национальные системы долгосрочного обслуживания представляют собой сложные конгломераты составных частей: разных организационных структур (государственных, некоммерческих, коммерческих поставщиков услуг), способов предоставления помощи (в домашних условиях, в разного типа стационарах круглосуточного пребывания, в полустационарных структурах, дневных и ночных пансионатах, муниципальных центрах социальной поддержки и т.п., выплаты пособий как самим нуждающимся гражданам, так и их неформальным помощникам), методов финансирования (за счет налогообложения, обязательного или добровольного страхования, соплатежей, прямых выплат пациентам). Значительная часть, а в ряде государств и основная, необходимой помощи обеспечивается неформальным способом, за счет прямой финансовой и физической поддержки родственников и друзей. Тем не менее, при всем многообразии решений различных сложных вопросов, связанных с данной сферой, можно выделить и ряд относительно общих тенденций.

Одна из широко распространенных тенденций последних лет, охватившая прежде всего государства Северной и частично Центральной Европы, – переориентация на обслуживание на дому и сокращение количества мест в стационарах (особенно существенное в Швеции, Норвегии, Финляндии). В Швеции с начала 2000-х годов было ликвидировано около 30% мест в муниципальных учреждениях круглосуточного пребывания, тем не менее в стране до сих пор сохраняется высокий уровень обеспеченности местами в различного типа стационарах для нуждающихся в уходе [17, р. 6]. В Швеции, Бельгии, Нидерландах, по данным на 2017 г., было более 70 мест на 1 тыс. человек в возрастной группе 65 лет и старше, при среднем уровне в странах ОЭСР 47 мест (в США для сравнения 34,6, в Италии 19,2, в Греции 4,5 мест в разного

типа учреждений долговременного ухода на 1 тыс. пожилых граждан) [12, р. 236–237]. Но тенденция сокращения количества мест в стационарах была характерна не для всех европейских государств: увеличение мест в сестринских домах и пансионатах для увеличивающегося числа лиц старших возрастов наблюдалась в Германии, Франции, Испании. Широкомасштабная программа развития системы долговременного обслуживания начала реализовываться в Италии.

Наиболее высокие показатели доли лиц, живущих в разного рода стационарных учреждениях с медико-социальным обслуживанием (сестринских домах, пансионатах и домах для престарелых разных типов с постоянным и без постоянного медицинского обслуживания) в Бельгии, Нидерландах, Швейцарии – 7–8% от общей численности населения в возрасте старше 65 лет, в Швеции и Испании – около 5%, в других странах – существенно меньше. Среди пациентов данных учреждений до 75% составляют лица с серьезными когнитивными нарушениями [1, р. 9].

Отдельную проблему составляет стоимость институционального обслуживания, особенно для лиц с высоким уровнем зависимости. По имеющимся данным на 2018 г. по 17 странам ОЭСР, средний уровень таких расходов составлял 206% от медианного дохода населения данных государств за аналогичный период времени, при этом показатели Франции, Великобритании, Японии были близки к среднему уровню, в Нидерландах составляли 320%, в Финляндии – 443% медианного дохода [12, р. 239]. В большинстве случаев доступ к услугам, финансируемым государством, является объектом оценки уровня зависимости и материального положения нуждающихся. Часто места в стационарных учреждениях резервируются для лиц с наиболее сложными проблемами как в физическом, так и материальном плане, и для тех, у которых отсутствует семейная поддержка. Государственные субсидии могут предоставляться на сооружение инфраструктуры (Бельгия), покрытие операционных издержек, выплату заработной платы сотрудникам [13, р. 7].

При стационарном обслуживании постояльцы или члены их семей самостоятельно оплачивают расходы на размещение и питание. Но одновременно практикуется и установка определенных лимитов на расходы, которые несут получатели услуг (Дания, Швеция), выплата ими установленного процента от имеющихся доходов (реже активов) (Австрия, Норвегия, Нидерланды и др.), назначение пособий на уход. При невысоком уровне материальной обеспеченности нуждающегося лица муниципальные (Бельгия, Германия), региональные власти (Франция, Австрия), реже страховые компании покрывают часть стоимости расходов долгосрочного обслуживания. В отношении предоставления личных и инструментальных услуг на дому в одних странах они фактически бесплатны для получателей (Дания) или предполагают практически символическую плату (Швеция, Шотландия, Северная Ирландия),

в других – полностью покрываются получателями за счет собственных доходов, в том числе пенсий и пособий на уход (Австрия).

Домашнее обслуживание может включать визиты медицинских сестер, врачей-физиотерапевтов, социальных работников для осуществления индивидуальной помощи, переоборудование квартир, теле-помощь и т.д. Все большее внимание уделяется внедрению превентивных мер по сохранению физической, ментальной, социальной активности лиц со сниженной жизне-способностью, борьбе с социальной изоляцией. Имеющиеся данные по формальному обслуживанию на дому включают две возрастные группы: в целом после 65 лет и после 80 лет. В Швеции и Норвегии среди лиц в возрасте 65 лет и старше данными услугами пользуется около 12%, среди самой старшей возрастной категории этот уровень уже приближается к 30%, еще выше показатели в Нидерландах и Швейцарии – соответственно 13–15% и более. И, наоборот, в государствах Южной и Восточной Европы эта доля очень низкая, например, в Португалии 0,7% от лиц в возрасте 65 лет и старше и 1,4% среди наиболее пожилых граждан [19, р. 19]. Провозглашаемая во многих странах цель ускоренного развития сектора домашнего обслуживания определяется как необходимая основа поддержки максимально возможного длительного времени независимого образа жизни и сохранения физической, ментальной и социальной активности лиц старших возрастных групп, но нельзя сбрасывать со счета и менее существенные расходы (особенно для лиц с невысоким и средним уровнями зависимости) по сравнению со стационарами постоянно-го пребывания.

Второй общей тенденцией можно считать коммерциализации услуг по долговременному уходу, создание рынков в обеспечении медико-социальными услугами и стимулирование частной конкуренции в данной сфере. В целом ряде государств, в том числе в Германии, Швеции, Дании, Испании, частные коммерческие организации, занимающиеся долгосрочным обслуживанием, имеют право на государственное финансирование. Во многих странах быстро растет сектор дорогостоящих частных услуг для лиц, которые могут себе это позволить. В Англии с начала 90-х годов XX века в сфере социального обслуживания начала реализовываться концепция организации квази-рынка, в котором коммерческие и некоммерческие поставщики услуг конкурировали за средства местных муниципальных бюджетов; в настоящее время 89% услуг на дому и 94% мест в домах и пансионатах для престарелых в стране предоставляет частный сектор. В Германии более 40% сестринских домов относятся к категории частных учреждений, 54% – некоммерческих организаций и 6% – государственных; в секторе обслуживания на дому частные поставщики составляют 63%, некоммерческие организации – 36%, государственные структуры – 1% [19, р. 18]. Быстрыми темпами расширяется сектор частных услуг в Швеции и Финляндии.

Другими общими болевыми точками для многих национальных систем долговременного обслуживания являются отсутствие взаимодополняемости формального и неформального ухода и несоответствие качественных и количественных показателей обслуживания современным потребностям. Надежной информации об общем количестве нуждающихся в посторонней поддержке и доле ее получающих из формальных источников немного. По предварительным оценкам, самые высокие показатели пользующихся формальными услугами из числа нуждающихся в них (до 75–80%) отмечаются в государствах Северной Европы, с наиболее значительными расходами на долговременный уход (более 2% ВВП) и относительно низкой долей лиц старших возрастных групп, заявляющих о плохом состоянии здоровья. Специальное исследование во Франции показало, что около 48% нуждающихся в уходе лиц в стране получают только помощь родственников и друзей, 20% – профессиональный уход, и 32% пользуются профессиональными услугами и родственной поддержкой [9, р. 7]. Основной группой неформальных помощников, которые вынуждены нести существенные социальные, экономические и психологические затраты, обычно выступают лица предпенсионного и пенсионного возраста, ухаживающие за своими более пожилыми родителями или друзьями. По данным общей статистики, в среднем в странах ОЭСР около 13% лиц в возрасте 50 лет и старше помогают нуждающимся родственникам не реже одного раза в неделю (в Германии, Франции, Великобритании около 20%, а в Швеции и США – менее 10%) [12, р. 230]. Опора на неформальное обслуживание снижает государственные расходы на долговременный уход, но негативно влияет на положение на рынке труда, финансовое состояние, часто на здоровье и в целом на жизненные перспективы опекунов, которые сами нуждаются в многообразной государственной поддержке (не только финансовой, но и консультативной, по профессиональной подготовке, оказании прямой технической помощи).

Наиболее распространенным подходом мониторинга качества предоставляемых услуг являются использование систем лицензирования, аккредитации или регистрации соответствующих структур и установка профессиональных стандартов и требований в отношении долговременного ухода. Эти требования нацелены на регулирование в основном стационарных услуг в очень редких случаях (здесь можно вспомнить Скандинавские страны) домашнего обслуживания. Например, в Дании местные власти, финансирующие в основном самостоятельно услуги по социальной поддержке, ежегодно утверждают стандарты качества домашней помощи и услуг по реабилитации и проводят аудит стационарных организаций.

В целом, сфера здравоохранения традиционно использует значительно более четко разработанные стандарты по сравнению с социальным сегментом обслуживания. Кроме того, данные стандарты могут разрабатываться как на

национальном уровне, так и на уровне регионов и муниципальных образований, что само по себе может вести к определенным противоречиям в национальном контексте. Выполнение требований социальных стандартов обслуживания может носить как обязательный, так и в ряде случаев рекомендательный характер (например, во Франции). Хотя определенные стандарты используются во многих странах, остается неясным до какой степени они гарантируют качество услуг и эффективность системы в целом. В Испании хронической проблемой системы долговременного обслуживания является долгий период ожидания формального признания зависимости и назначения индивидуального плана помощи. Лист ожидания получения услуг в стране составляет около четверти от численности признанных нуждающимися в социальной помощи, часть из них не доживает до получения услуг.

Национальные модели организации долговременного ухода. С точки зрения организации и структуры систем ухода можно выделить универсальные модели, модели, основанные на выплате прежде всего пособий по уходу и смешанные схемы. Универсальные модели, основанные на оказании широкого спектра медико-социальных услуг за счет общественного бюджетного финансирования, в большей степени характерны для государств Северной Европы. Примером такого универсального подхода является датская система долгосрочного обслуживания. Среди граждан страны в возрасте 65 лет и старше более 13% пользуются услугами помощи на дому, 7% в стационарных учреждениях разного типа, более 8% получают превентивную и 1% реабилитационную помощь в домашних условиях. В датскую систему, кроме традиционных схем социальной поддержки, в качестве необходимых составных частей входят превентивные и реабилитационные меры. Превентивными мерами в стране считается посещение граждан в возрасте 75 лет и старше (или более раннего возраста, при необходимости) специалистами медиками и социальными работниками для оценки их функциональных, психологических, социальных ресурсов, общего статуса здоровья и определения программы поддержки. Для граждан старше 80 лет такие посещения и корректировки программы поддержки осуществляются ежегодно.

В программы индивидуальных реабилитационных мер в Дании, организуемых после тяжелых болезней и выписки из медицинских стационаров, включаются, например, разработка комплексов индивидуальных физических упражнений для пожилых граждан, проведение дополнительных медицинских обследований, формирование особых диет и организация диетического питания, необходимые изменения жилой среды, меры по социальной поддержке и борьбе с одиночеством. В структуре непосредственно долговременного обслуживания на дому в стране выделяется 5 уровней зависимости, каждый с определенным набором предоставляемых услуг. В среднем на каждого нуждающегося в помощи приходится 5,8 часов персональных услуг и 0,7 часов

инструментальной помощи в неделю. Пожилые люди в Дании имеют возможность выбора по крайней мере между двумя различными организациями, оказывающими социальные услуги на дому, одной из которых является муниципальная организация, и около $2/3$ потребителей пользуются услугами государственных организаций [8, р. 5]. При этом в Дании не предусмотрена выплата какого-либо типа пособий по уходу. Для поддержания родственного ухода используются в основном волонтерские организации.

Сильной стороной универсальной модели является и достаточно тесная связь между медицинским и социальным сопровождением. В Норвегии, например, местные медицинские и социальные учреждения несут полную ответственность за пожилых пациентов, выписывающихся из медицинских стационаров. Если предприятия социального сектора региона не могут обеспечить оказание соответствующих услуг (на дому или в муниципальных центрах социальной поддержки), то ответственные за это структуры должны перечислять соответствующие средства медицинским стационарам. При этом местные власти страны управляют и финансируют 90% сестринских домов и 97% организаций, осуществляющих услуги на дому. Только в 2017 г. правительством Норвегии было принято решение использовать частный сектор для оказания услуг долговременного ухода.

Акцент на предоставлении помощи главным образом в виде услуг и высокая степень их субсидирования государством характерен и для системы долговременного обслуживания Швеции, потребители оплачивают в среднем 4–5% стоимости медико-социальных услуг. Местные органы власти страны несут полную ответственность и за обслуживание граждан в стационарах и на дому. Они самостоятельно определяют уровень и критерии предоставления услуг и вводят (или не вводят) систему дополнительных пособий для получателей помощи или для ухаживающих за ними лиц.

Скорее отрицательной, чем позитивной чертой североевропейской модели (Швеция, Норвегия, Нидерланды, Финляндия) является отсутствие общих национальных критериев и правил предоставления услуг. Они оказываются «по потребности», а сама потребность определяется на местном уровне органами здравоохранения. В Финляндии обязанность удовлетворять потребности населения в социально-медицинских услугах лежит на 320 местных общинах, сильно различающихся между собой по размерам, структуре населения и экономическому положению. В результате при среднем уровне расходов в 2940 евро на каждого потребителя услуг по долговременному уходу, разброс составляет от 1980 до 4689 евро в месяц [7, р. 6]. В 2020 г. в стране должна была стартовать реформа систем медицинского и социального обеспечения, важнейшей задачей которой должен был стать перенос ответственности с многочисленных небольших местных общин на 18 более крупных территориальных образований- регионов, а также расширение возможностей использования

услуг частных коммерческих организаций (покупка их услуг за средства выделяемые лицам, нуждающимся в долгосрочной обслуживании в рамках установленного для них бюджета по уходу или за предоставленные ваучеры).

Высокий относительный уровень доступности и качества медико-социальных услуг при универсальной модели связан со значительным уровнем общественных расходов на данное направление: так, расходы только на долгосрочное медицинское обслуживание в Дании составляют 1,7% ВВП страны, в Норвегии – 1,2% ВВП, на стационарное – соответственно 0,8% и 1,5% ВВП. Высокие показатели данных расходов в Швеции и Нидерландах, суммарно по 2,6% ВВП, без учета расходов на социальную поддержки [19, р. 44–45]. При среднем уровне расходов на долговременный уход в странах ОЭСР – 1,4% ВВП [11, р. 12].

В отличие от универсальных моделей североευропейских стран, ряд государств Южной и частично Восточной Европы основным инструментом воздействия на область долгосрочного обслуживания рассматривают денежные пособия и определенную поддержку неформального сектора социальной помощи. В Италии пособия по уходу получает 13,5% лиц в возрасте 65 лет и старше (расходы на выплату пособий составляют более 55% всех расходов страны на долговременную помощь), формальными услугами помощи на дому пользуется 5,5% лиц данной возрастной категории, стационарной помощью – 2%. Относительно невысокий уровень денежных выплат дифференцируется по регионам, но не по уровню потребности или состоятельности получателей, что отличает итальянскую практику от других стран, широко использующих систему денежных пособий для лиц, нуждающихся в уходе (Германии, Франции, Испании, Великобритании). При этом отсутствует система контроля за расходованием средств, и в основном они используются как дополнительный семейный доход для поддержки родственного ухода или оплаты труда нелегальных мигрантов, выполняющих роль сиделок. Основная часть расходов на оказание формальных услуг в стационарах и на дому покрывается за счет Национальной системы здравоохранения (около 70%), а критерии доступа к услугам значительно отличаются по регионам. В силу острого дефицита мест в стационарных учреждениях по долговременному уходу (в Италии насчитывается 1,9 мест в стационарах на 100 тыс. лиц в возрасте 65 лет и старше при среднем уровне обеспеченности в ЕС – 5 мест на 100 тыс.) большая часть нуждающихся в таких услугах (например, в последней стадии болезни Альцгеймера или других форм деменции) вынуждена оставаться дома [5, р. 10].

Французская система долгосрочного ухода также базируется в основном на денежных выплатах. С 2002 г. в стране действует схема выплаты специального пособия, так называемого бюджета на персональный уход (АРА), предназначенного для лиц в возрасте старше 60 лет, нуждающихся в помощи для выполнения ежедневных дел и постоянном контроле за состоянием здоровья.

Размер пособия, в отличие от итальянской практики, зависит от уровня нуждаемости и колеблется в пределах от 662 евро в месяц (4 уровень зависимости) до 1713 евро (1 уровень). 60% лиц, получающих персональное пособие на уход (АРА), живут дома, 40% в стационарных организациях, из них 45% относятся к 4-му относительно невысокому уровню зависимости. При получении услуг на дому или в стационаре данное пособие используется для финансирования «индивидуального плана ухода», разрабатываемого междисциплинарной командой, специалистами медиками и социальными работниками при местных департаментах, и направления его расходования четко контролируются властями. Среди французских граждан возрастной группы 60 лет и старше доля получающих пособие составляет 8% [9, р. 6].

В отдельную группу можно включить страны со смешанными моделями, включающие более-менее сбалансированное соотношение различных видов формальных услуг и денежных пособий. В Германии уровень потребности в помощи и поддержке определяется на основе нескольких областей (модулей) с разной степенью важности: уровень самообеспечения (40%), мобильность (10%), когнитивные и коммуникативные возможности (15%), поведенческие и психологические проблемы (15%), структура ежедневной жизни и социальные контакты (20%). Независимая медицинская комиссия определяет уровень зависимости в диапазоне 5 категорий. Получатель может выбирать из 3 различных опций: получать пособия на уход (составляющие в зависимости от уровня потребности и выбранного способа получения помощи от 125 до 2005 евро в месяц), использовать формальные услуги на дому или в стационарном учреждении.

Большинство схем предоставления услуг долгосрочного обслуживания и выплата пособий на обслуживание финансируется из общих налогов, но есть успешные примеры использования системы обязательного страхования (Германия, Япония, Бельгия). В Германии система обязательного страхования по долговременному обслуживанию действует с 1996 года. При этом особенностью немецкой страховой системы как медицинского страхования, так и страхования по долговременному уходу является ее дуальность: разделение на общественную и частную. В общественной системе размер страховых взносов составляет 2,55% от доходов граждан (для лиц без детей – 2,8%), в частной системе – размер взносов зависит от возраста, но действуют верхние лимиты платежей. Пенсионеры выплачивают взносы на долговременное обслуживание в полном объеме. По данным на 2016 г., в стране 71,95 млн человек были охвачены общественной системой обязательного страхования по долговременному уходу и 9,32 млн – частной [3, р. 16]. Еще один важный момент: в отличие от государственной системы здравоохранения, услуги долгосрочного обслуживания в Германии лишь частично покрываются из страховых фондов, около 37% общих расходов на долговременный уход составляют частные

расходы пациентов и их семей (для покрытия тарифов на услуги наиболее уязвимым, ограниченным по численности категориям, местные власти предоставляют гранты). При этом с начала действия до 2017 г. система была профицитной (разница между доходами и расходами общественной системы в среднем составляла 3%).

Роль денежных пособий в системе долговременного ухода. Денежные пособия могут дополнять систему услуг, а могут рассматриваться как основной вид поддержки. Большинство схем денежных пособий как для самих нуждающихся, так и их помощников финансируется за счет общего налогообложения, но в Швеции муниципальным властям предоставлено право самим решать устанавливать или нет схему денежных пособий на своей территории, в Германии они базируются на страховых взносах, в Бельгии (Фландрии) финансируются за счет взносов и налогов. Право на получение денежного пособия для нуждающихся в уходе лиц может зависеть: 1) от степени нуждаемости или зависимости, 2) доходов и активов получателя помощи или его семьи, 3) возраста зависимого лица. Часто в качестве критериев используется комбинация данных факторов. Предоставление пособий, кроме того, может сопровождаться предписаниями использования определенного вида и объема услуг или определенных поставщиков. В ряде стран могут параллельно существовать несколько видов пособий для нуждающихся в уходе, финансируемых из разных источников и с разными критериями предоставления. Например, в Британии действует пособие на оказание помощи, нацеленное на покрытие экстренных расходов, связанных с инвалидностью. Выплата данного пособия не зависит от доходов и активов получателя, не предусмотрено и каких-либо требований относительно способов его расходования. Другой тип – персональный бюджет предназначен для выплат тем, кто имеет право на получение финансовой государственной помощи и готов самостоятельно нанять помощника. Это пособие назначается после оценки нуждаемости и материального положения получателя, а его использование контролируется местными властями. Похожая ситуация и в Испании. Денежное пособие на неформальный уход, по данным на 2018 г., составляет от 153 до 387 евро и покрывает только небольшую часть расходов на уход. Оно выплачивается более 1/3 лиц, нуждающихся в уходе и не требует каких-либо подтверждений произведенных расходов. Второй вид пособий, на персональную помощь – выше, от 300 до 715 евро в месяц, оно назначается менее чем 1% нуждающихся и предусматривает отчеты получателей об использовании средств. В Англии и Испании (при получении пособий на персональную помощь), как и в ряде других государств, например, в Нидерландах для продолжения получения пособия требуется представление заключенного договора об условиях долговременного обслуживания с домашним помощником или формальным поставщиком. Но более распространенным вариантом является использование пособий по уходу для найма сиделок

без какого-либо контракта и даже разрешения для них на работу (Италия) или для оплаты неформальной помощи, часто в комбинации с использованием формальных услуг на дому (Австрия, Германия).

Действуют и схемы пособий, предоставляемых непосредственно неформальным помощникам. Эти схемы призваны не столько частично заменять утраченный доход, сколько служат определенным символом признания родственного ухода видом оплачиваемой деятельности и предусматривают возможность участия в схемах общего социального страхования. Условиями выплат пособий могут быть заключение договора между помощником и нанимающими его местными властями (как например, в Финляндии и Швеции), высокий уровень зависимости нуждающегося в посторонней помощи, дополнительными условиями могут быть материальное положение и отсутствие оплачиваемой занятости у неформального помощника. В Норвегии такие пособия предоставляются для лиц, ухаживающих за родственниками в терминальной стадии жизни [17]. Сами схемы и размеры пособий могут существенно отличаться по муниципальным образованиям, но в большинстве случаев относятся к категории скорее символических, чем существенных выплат. В то же время во многих странах работающим лицам, осуществляющим уход за родственниками, предоставляется отпуск или право сократить число часов работы. В одних странах такой отпуск предполагает получение определенной денежной компенсации (в Италии сохранение заработной платы в полном объеме, в Австрии и Бельгии – ограниченные денежные выплаты) в течение определенного времени, в других – нет (например, во Франции) или условия предоставления данного отпуска определяются работодателем [16, р. 18]. В Чехии в 2018 г. для поддержки ухаживающих за родственниками работников было введено новое специальное страховое пособие. Помощник (наемный работник или самозанятое лицо), включенный в систему страхования, должен получать компенсацию потерянных доходов при временном прекращении работы, в размере оплаты бюллетеня по болезни (60% от дневных доходов), но в течение не более 90 дней. В период ухода, согласно действующему законодательству, работодатель не может уволить работника и должен гарантировать ему возвращение на ту же должность [10].

С начала 2000-х годов в большинстве экономически развитых стран действует общая тенденция повышения (или сохранения в странах, где она уже была достаточно высокой) занятости лиц старших возрастных групп как за счет экономических стимулов и повышения конкурентоспособности лиц старших возрастов на рынке труда, так и определенных мер административного принуждения, изменения трудового и пенсионного законодательства. В какой мере будет сохранен данный курс в условиях сокращения занятости

в пострадавших от пандемии и кризиса отраслях и дальнейшей цифровизации экономики, прогнозировать сложно. По другому направлению — снижению рисков ранней потери возможности к самообеспечению и формированию соответствующей потребностям и национальным условиям системы долговременного ухода, положение в экономически развитых государствах сильно различается. К традиционным проблемам, региональным и секторальным диспропорциям, высоким расходам на стационарное обслуживание, добавились новые: необходимость разработки эффективных методов профилактики и реабилитации, схем ухода за больными с различными стадиями деменции и в терминальный период жизни, разумного использования возможностей ассистивных медицинских технологий, повышающих уровень функциональных способностей пожилых граждан.

Действующие в странах схемы долговременного обслуживания предполагают различные уровни государственных расходов, модели финансирования, объемы использования неформальной родственной поддержки для лиц с ограниченной жизнеспособностью. С точки зрения получателей помощи наиболее привлекательной представляется универсальная модель, применяемая в государствах Северной Европы, с практически неограниченным доступом к относительно более интегрированным медико-социальным услугам, финансируемым за счет системы местных и общих налогов, одновременно это и наиболее затратная модель для государства. Большинство экономически развитых государств идет по пути смешанного финансирования и определенной поддержки родственного ухода: источниками покрытия высокой стоимости услуг служат налоги, в отдельных странах страховые взносы, а также соплатежи получателей услуг и их родственников. Смешанные формы финансирования и учет финансового положения получателей помощи, на практике ведут к ограничению доступа к услугам. Непредсказуемый рост расходов на медико-социальную помощь при снижении жизнеспособности способен разрушительно повлиять на материальное положение пожилых граждан и их семей, особенно средних слоев, которые не могут рассчитывать на государственные гранты и денежные пособия.

Действующие тенденции фрагментации и коммерциализации социальных услуг, внедрения рыночных принципов в систему долговременного ухода, решая одни проблемы, например, предоставляя свободу выбора для пользователей, создают новые, существенно усложняя возможности обеспечения равенства и справедливости. В условиях предполагаемого роста бюджетных дефицитов во многих экономически развитых странах вновь возникает задача изменения модели распределения доходов на протяжении жизни индивидов и объединения рисков старости и утраты автономности для разделения финансового бремени между всеми участниками процесса.

Литература

1. *Froggatt K., Arrue B., Edwards M. et al* Palliative care systems and current practices in long-term care facilities in Europe // Milan: European Association of Palliative Care. 2017.
2. *Geppart Ch. et al.* Labour supply of older people in advanced economies: the impact of changes to statutory retirement ages. // Economic Department Working papers. № 1554. 2019.
3. *Gerlinger T.* ESPN Thematic report on challenges in long-term care // Germany. Bielefeld University. 2018.
4. *Glendinning C.* ESPN Thematic report on challenges in long-term care // United Kingdom. Brussels: European Commission. 2018.
5. *Jessoula M., Pavolini E., Raitano M.* ESPN Thematic report on challenges in long-term care // Italy. Brussels: European Commission. 2018.
6. Joint Report on health care and long-term care sustainability. Vol.1 Institutional paper 037. 2016. European Commission. Luxembourg: Publication office of European Union. 2016.
7. *Kalliomaa-Puha L., Kungas O.* ESPN Thematic report on challenges in long-term care // Finland. Brussels: European Commission. 2018.
8. *Kvist J.* ESPN Thematic report on challenges in long-term care // Denmark. Brussels: European Commission. 2018.
9. *Le Bihan B.* ESPN Thematic report on challenges in long-term care // France Brussels: European Commission. 2018.
10. *Maly I.* ESPN Thematic report on challenges in long-term care // Czech Republic. Brussels: European Commission. 2018.
11. *Muir T.* Measuring social protection for long-term care. // OECD Health working paper № 93. Paris: OECD Publishing. 2017.
12. OECD Health statistics. Paris: OECD Publishing. 2019.
13. *Picolet J., De F.* ESPN Thematic report on challenges in long-term care // Belgium. Brussels: European Commission. 2018.
14. *Rodrigues- Cobrero J., Codornice Y.-M. et al.* ESPN Thematic report on challenges in long-term care // Spain. Brussels: European Commission. 2018.
15. *Roscado S.M.* Active ageing index at subnational level in Spain // UNECE Directorate General for Employment, Social Affairs and Inclusion. 2019.
16. *Scheil-Adlung X.* Long-term protection for older persons: a review of coverage deficits in 46 countries // ESS Working paper № 50. ILO Geneva. 2015.
17. *Schon P., Heap J.* ESPN Thematic report on challenges in long-term care // Sweden. Brussels: European Commission. 2018.
18. *Skevik Grodem A.* ESPN Thematic report on challenges in long-term care // Norway. Brussels: European Commission. 2018.
19. *Spasova S. et al.* Challenges in long-term care in Europe. A study of national policies // Brussels: European Commission. 2018.

E. Shestakova (e-mail: eeshestakowa@gmail.com)

Ph.D. in Economics, Leading Researcher,

Institute of Economy of Russian Academy of Sciences (Moscow)

ORGANIZATIONAL MODELS AND FINANCIAL MECHANISMS FOR ENSURING LONG-TERM CARE FOR THE ELDERLY: ACHIEVEMENTS AND OUTSTANDING CHALLENGES

The article examines the existing mechanisms of adaptation of economically developed countries, especially European countries, to the accelerated change in the structure of the population, including the search for ways to make greater use of the labor potential of older age groups, as well as the opportunities to improve the quality of citizens' lives in the process of ageing. The achievements and the drawbacks of various national models of social assistance organization are analyzed.

Keywords: active ageing, long-term care, hospital service, in-home care, informal assistance of the relatives.

DOI: 10.31857/S020736760011353-7

© 2020

Надежда Розанова

доктор экономических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)
(e-mail: nrozanova@hse.ru)

ГИБКИЕ ФОРМАТЫ УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЙ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Пандемия 2020 года в большинстве стран мира вызвала резкий всплеск внимания к удаленным форматам учебных занятий на всех уровнях образовательной системы. Но что такое гибкие форматы обучения: универсальное средство XXI века или временная скорая помощь?

Ключевые слова: цифровая экономика, онлайн обучение, гибкие и комбинированные форматы обучения, экономика образования.

DOI: 10.31857/S020736760011354-8

XXI век по праву можно назвать веком образования. Расходы на образование составляют колоссальные суммы, достигающих 5–8% ВВП. Лидерами здесь являются Исландия (8,1% ВВП), Великобритания (6,7% ВВП), Норвегия (8,5% ВВП), Финляндия (7,0% ВВП). В том числе около 2% ВВП развитых стран приходится на высшее образование. Великобритания (1,8% ВВП), Нидерланды (1,7% ВВП), Норвегия (1,7% ВВП), США (2,6% ВВП) лидируют по затратам на высшее образование. В России в 2017 г. расходы на образование составляли 4,1% ВВП, на высшее образование приходилось 0,9% ВВП. Увеличивающийся интерес к образованию, особенно высшему, проявляется в росте валового коэффициента охвата молодежи программами бакалавриата, специалитета и магистратуры в процентах от численности населения в возрасте 17–25 лет. Если в России в 1960 г. этот коэффициент составлял 8,0%, в 1980 г. – 13,4%, в 1990 16,1%, то к началу 2000-х годов вырос до 23,0%, а в 2018 г. равнялся 32,7%. В развитых странах удельный вес молодежи в возрасте 25–34 лет, имеющей высшее образование, составляет от трети до половины населения данной возрастной группы¹.

Ценность и значимость образования растет, поскольку, как демонстрируют эмпирические исследования², собственники бизнеса с более высоким уровнем образования более эффективны в поисках и оценке новой информации о рынке, технологиях, клиентах и быстрее внедряют новые идеи в свою компанию. Образование помогает владельцам быстрее и качественнее отбирать наиболее прибыльные рыночные ниши.

¹ Индикаторы образования / Статистический сборник // М. НИУ ВШЭ. 2020. С. 437, 493.

² Lee C., Hallak R. Investigating the moderating role of education on a structural model of restaurant performance using multi-group PLS-SEM analysis // Journal of Business Research. 2018. Vol. 88. pp. 298–305.

С точки зрения макроэкономики, образование можно рассматривать как фактор национальной безопасности, поскольку оно обеспечивает устойчивость современной информационной экономики в эпоху цифровой глобализации.

Не всегда рост расходов на образование приводит к экономическому росту. Во-первых, под образованием понимается, какое количество и качество знаний, навыков, умений приобретает закончивший ту или иную образовательную ступень человек, а не то, сколько лет он сидит за партой. Во-вторых, образование влечет за собой целый ряд скрытых затрат: приобретение книг, учебников, учебной и/или спортивной формы, расходы на еду, оплата квартиры или общежития, транспортные расходы.

Балансирование между проблемами и возможностями в современном образовании заставляет участников образовательного процесса искать новые методы обучения. Одним из перспективных форматов считаются виртуальные занятия.

Онлайн-обучение – это уже не тренд, а мейнстрим современного образования, чему способствовала пандемия коронавируса 2020 года. Образование с использованием Интернета зародилось еще в 1950-х годах, но до начала XXI века оставалось на вторых и третьих ролях, выполняя малую подсобную функцию дополнительных источников учебных материалов. С началом 2000-х годов наблюдается взрывной рост виртуального обучения, в середине 2010-х годов открываются массовые онлайн курсы Massive Open Online Courses (MOOCs) по всему миру. С 2013 г. запись на онлайн-курсы превышает прием студентов на программы общего высшего образования. Сегодня один из восьми студентов США получает полностью виртуальное высшее образование. Прирост числа онлайн студентов значительно превышает темпы увеличения количества студентов традиционных форматов высшего образования³.

Решение всех проблем? Онлайн-образование включает в себя: (1) мобильные приложения для смартфонов, планшетов и прочих мобильных устройств; (2) получение учебной и профессиональной информации через социальные сети; (3) облачные приложения с полноценными уроками. Цифровые материалы могут предоставляться в нескольких вариантах: обычные слайды лекций; слайды лекций со звуковым сопровождением, но без лица преподавателя; наличие преподавателя в кадре; визуальные истории.

Обычными достоинствами удаленного виртуального обучения называют такие как низкие затраты на организацию учебного процесса; доступность занятий в режиме 24/7; возможность доступа к образованию лиц с ограничениями (временно больных и инвалидов); расширенные временные рамки для выполнения заданий, что дает гибкость в поисках баланса между учебной,

³ Kumar P., Kumar A., Palvia S., Verma S. Online business education research: systematic analysis and a conceptual model // The International Journal of Management Education. 2019. Vol. 17, pp. 26–35; Money W., Dean B. Incorporating student population differences for effective online education: a content-based review and integrative model // Computers and Education. 2019. Vol. 138, pp. 57–82.

работой и личной жизнью; хорошие перспективы для международного сотрудничества и обмена опытом⁴. Обучение становится менее зависимым от географического местоположения вуза и студента, образовательный ландшафт охватывает более многочисленные группы, позволяя осуществлять непрерывное образование в течение всей жизни работника.

Одним из главных преимуществ онлайн обучения считается выравнивание возможностей приобретения знаний для всех обучающихся. Однако эмпирические исследования (США) показывают, что виртуальное образование может сопровождаться более значительными расхождениями в результатах обучения, особенно на уровне высшего образования⁵. При примерно одинаковых средних значениях итогов обучения по реальной и виртуальной программам, разброс оценок для виртуальных студентов значительно выше. Традиционные форматы обучения способствуют более ровным результатам.

Онлайн-курсы превращают национальные университеты в глобальный рынок образовательных услуг, с жесткой конкуренцией за перспективных студентов. Хотя в целом наличие виртуальных программ международного класса повышает качество обучения и на других программах вузов. Кластерный анализ Нидерландских университетов выявил восемь проблемных зон онлайн-образования: подготовка преподавателей, техническая поддержка, онлайн-контроль и оценивание, целевая аудитория, гибкость процесса обучения, качество виртуальной программы, репутация вуза, эффективность онлайн-подготовки, степень развития которых определяет конкурентоспособность вуза в долгосрочной перспективе⁶.

Модели поведения виртуальных студентов при онлайн обучении довольно резко различаются между собой по целям выбора онлайн курсов, способам взаимодействия с учебным материалом, отношением к учебным обязанностям и итоговым результатам обучения.

Можно выделить три группы виртуальных студентов⁷. Две трети (67%) обучаемых — это ограниченные пользователи, они мало вовлекаются в интерактивные мероприятия онлайн, не участвуют, как правило, в обсуждениях на форумах, пассивны в восприятии поставляемого учебного материала. Второй кластер (15% учащихся) составляют избирательные пользователи, они выбирают отдельные курсы или даже отдельные темы в курсе для изучения, но тоже

⁴ Post L., Guo P., Saab N., Admiraal W. Effects of remote labs on cognitive, behavioral, and affective learning outcomes in higher education // *Computers and Education*. 2019. Vol. 140, pp. 1–9.

⁵ Stohr C., Demaziere C., Adawi T. The polarizing effect of the online flipped classroom // *Computers and Education*. 2020. Vol. 147, pp. 1–12.

⁶ Schophuizen M., Kreijns K., Stoyanov S., Kalz M. Eliciting the challenges and opportunities organizations face when delivering open online education: a group-concept mapping study // *The Internet and Higher Education*. 2018. Vol. 36, pp. 1–12.

⁷ Kovanovic V., Joksimovic S., Poquet O., Hennis T., de Vies P., Hatala M., Dawson S., Siemens G., Gasevic D. Examining communities of inquiry in Massive Open Online Courses: the role of study strategies // *The Internet and Higher Education*. 2019. Vol. 40. pp. 20–43.

мало активны в обсуждении. И только третья группа обучаемых (на которую приходится 18% виртуальных студентов) можно отнести к студентам широкого профиля. Они активны в учебном процессе, используют практически все доступные ресурсы дисциплины.

Обучающиеся используют три стратегии. Первой стратегии придерживаются добросовестные всесторонние ученики, дотошно изучающие представленные материалы по курсу и следующие в точности программе обучения. Вторую стратегию проводят целенаправленные ученики, которые выбирают только те разделы, которые помогут им получить проходную оценку или сертификат. К третьей стратегии прибегают мимолетные индивиды, выбирающие курсы онлайн на основе случайных блужданий. Они обычно не заканчивают программу обучения, следуют учебным материалам время от времени и не заинтересованы в получении сертификата⁸.

Какие факторы мотивируют студентов завершить онлайн-курс? Наибольшая доля ответов приходится на показатель общего интереса к курсу (33% виртуальных студентов). Среди других факторов выделяют рост профессиональных компетенций и получение сертификата (по 15–20% опрошенных)⁹.

Положительные стороны и ограничения в онлайн обучении различаются в зависимости от того, является ли студент по преимуществу интровертом или экстравертом. Интроверты не любят групповую работу, предпочитают асинхронные виртуальные лекции, выбирают свой ритм учебы, ставят превыше всего наличие учебных материалов, а не онлайн-занятия как таковые, довольствуются заданиями, выполнение которые не требуется в реальном времени. Экстраверты высказываются в пользу комбинированных гибких форматов обучения, поскольку исключительно онлайн занятия заставляют их ощущать свою изолированность от учебного процесса, преподавателя и своих коллег.

Оптимизм по поводу онлайн образования (в частности, MOOCs курсов) как выравнивающего инструмента высшего образования для всех, преобладающий в начале 2000-х гг., к середине 2010-х гг. довольно резко снижается. Установлено, что MOOCs благоприятствуют студентам с высоким предварительным уровнем подготовки¹⁰. Для учащихся с более низким базовым образованием требуется формат личного контакта, либо гибридной формы обучения. Преимущества онлайн-курсов в виде доступности образования для тех категорий людей, которые ранее были исключены из образовательной системы, теперь смещаются в сторону возможности получения образования и повышения квалификации в течение всей жизни.

⁸ *Maldonado-Mahauad J., Perez-Sanagustin M., Kizilcec R.* Mining theory-based patterns from Big Data: identifying self-regulated learning strategies in Massive Open Online Courses // *Computers in Human Behavior*. 2018. Vol. 80, pp. 179–196.

⁹ *Watted A., Barak M.* Motivating factors of MOOC completers: comparing between university-affiliated students and general participants // *The Internet and Higher Education*. 2018. Vol. 37. pp. 11–20.

¹⁰ *Lambert S.* Do MOOCs contribute to student equity and social inclusion? // *Computers and Education*. 2020. Vol. 145. pp. 1–17.

Насколько эффективно виртуальное обучение?

Анализ большого числа эмпирических исследований мобильного обучения (в области изучения иностранного языка, бизнеса, компьютерных наук и социальных дисциплин) показал наличие положительного результата в 70% научных работ, нейтрального результата в 22% и негативного итога в 4% случаев¹¹.

Нередко успех онлайн образования связан с субъективным восторженным восприятием учащимися новых инструментов обучения, а не с объективными показателями учебных результатов. Так, в исследовании гибкого формата обучения медиков (виртуальные лекции по теории сопровождались реальными практическими занятиями) 49% положительного влияния оказалось следствием субъективного восприятия студентами новой формы подачи материала и только 21% основывались на итоговых оценках обучаемых, в 10% случаев разницы между виртуальным и реальным обучением не ощущалось¹².

Может ли онлайн образование вытеснить традиционные формы и стать преобладающим, доминирующим форматом подготовки школьников и студентов?

Многогранность гибкости. Образование включает в себя три группы последствий: когнитивные (выработка профессиональных навыков); поведенческие (освоение умений вести себя в своем профессиональном кругу); эмоциональные (здоровые привычки по управлению своими эмоциями). Успешность или неуспешность виртуальных форматов обучения зависит от ряда аспектов.

Во-первых, следует рассмотреть **технические** аспекты онлайн образования.

В технической сфере речь идет в первую очередь о совместимости программ и ИКТ оборудования преподавателя и студента. Качество звука и картинок должно быть одинаково для всех студентов. Результаты онлайн обучения зависят от удовлетворенности студента технической базой и от соответствия используемой технологии задаче обучения, курсу и личностным особенностям самого студента (его ценностям и стилю жизни). Технические достижения пока не позволяют полностью заменить человека при онлайн обучении. Эмпирическое исследование в США показало, что человеческий голос лучше воспринимается и лучше влияет на результаты обучения, чем компьютерный, а высокое качество звукового сопровождения вызывает больше доверия у обучаемых¹³.

Исследования развенчивают миф о том, что при современном уровне цифровизации новое поколение студентов и молодых преподавателей не нуждается в особом техническом обучении при переходе к онлайн образованию.

¹¹ *Crompton H., Burke D. The use of mobile learning in higher education: a systematic review // Computers and Education. 2018. Vol. 12, pp. 53–64.*

¹² *Barteit S., Guzek D., Jahn A., Barnighausen T., Mendes Jorge M., Neuhaus F. Evaluation of e-learning for medical education in low- and middle-income countries: a systematic review // Computers and Education. 2020. Vol. 145, pp. 1–18.*

¹³ *Chiou E., Schroeder N., Craig S. How we trust, perceive, and learn from virtual humans: the influence of voice quality // Computers and Education. 2020. Vol. 146, pp. 1–11.*

Несмотря на использование цифровых средств в обычной жизни, практически все участники виртуального образования нуждаются в обучении тому, как эффективно взаимодействовать онлайн в учебном процессе. Исследование более 600 студентов университетов в Израиле показало, что лишь не более одной трети учащихся могли более-менее эффективно обучаться онлайн без специальной подготовки¹⁴.

Цифровая культура обучения предъявляет особые требования к способам приобретения знаний, эмоциональной стабильности при онлайн-занятиях и управлению всем процессом учебы. Этот новый стиль учебной жизни далек от того, к чему привыкли молодые люди цифрового поколения, несмотря на, казалось бы, активное применения цифровых девайсов в повседневной жизни. И даже положительное отношение к ИКТ в преподавательской и студенческой среде не гарантирует успешность использования онлайн-инструментов в учебе.

Цифровые компетенции студентов (навыки работы с цифровым оборудованием, навыки коммуникации в цифровой среде, использование интернета для поиска, отбора и анализа информации, а также для учебы онлайн, образовательная интернет-активность) пока не достаточны для того, чтобы онлайн обучение могло полностью соответствовать (или даже превосходить) обучение офлайн. Нехватка цифровых материалов, слабость ИТ-инфраструктуры вузов зачастую превращает очное онлайн образование в заочное, что снижает его эффективность.

Во-вторых, имеют большое значение **экономические** аспекты.

Экономический анализ онлайн обучения показывает, что, хотя издержки первоначального приобретения компьютера и всех прочих цифровых девайсов могут уменьшаться со временем, тем не менее растут затраты на содержание ИКТ инфраструктуры (приобретение и обновление программ, устаревание оборудования).

Высоки издержки для преподавателей по первоначальной организации материала, чтения и записи виртуальных лекций, проведения виртуальных занятий. Исследования показывают¹⁵, что идея о том, будто один и тот же онлайн-курс подходит всем, а потому создав виртуальные лекции один раз, можно их же использовать в дальнейшем бесконечно долго, является иллюзией. Не существует онлайн курса, подходящего для всех. Это означает, что затраты преподавателя на создание виртуального курса и его обновление вряд ли будут существенным образом сокращаться с течением времени или для разных учебных потоков. Чтобы онлайн обучение не превратилось в заочное, требуются широкомасштабные программы повышения квалификации и переподготовки преподавательских кадров для работы в цифровой среде, а это влечет за собой дополнительные расходы для вузов и школ.

¹⁴ Barak M. Are digital natives open to change? Examining flexible thinking and resistance to change // Computers and Education. 2018. Vol. 121. pp. 115–123.

¹⁵ Blain A. Interaction and presence in the virtual classroom: an analysis of the perceptions of students and teachers in online and blended Advanced Placement courses // Computers and Education. 2019. Vol. 132. pp. 31–43.

Для подготовки к занятиям преподавателям требуется гораздо больше времени, необходимо решать технические проблемы с компьютером, доступом к интернету, вести борьбу с незаконным проникновением в занятия. Сложно разделить время работы (учебы) и личную жизнь, как для студентов, так и для преподавателей; удаленная работа из дома предъявляет дополнительные требования к партнерам. Кажущаяся легкость работы, учебы и личной жизни показывает, что при онлайн обучении от всех сторон все равно требуются те или иные личные жертвы.

Существует проблема прав интеллектуальной собственности на виртуальные лекции и цифровой учебный материал, который может включать в себя картинки или текст из Интернета. Этические вопросы использования чужой виртуальной информации в гибких форматах обучения пока не решены¹⁶.

В-третьих, следует оценить **социальные** аспекты виртуального обучения.

Онлайн-образование в большей мере препятствует, чем помогает формировать такие навыки, требуемые от сотрудников работодателями в XXI веке, как: способность конструктивно работать в группах; способность активно слушать друг друга, внимательно выслушивать мнения других людей; способность к самообразованию; способность применять знания на практике; аналитические способности; способности к обобщению.

Удаленные студенты очень часто ощущают значительную дистанцию между собой и своим учебным заведением, своей учебной группой, своими однокурсниками, отмечают чувство изоляции и отсутствие поддерживающей коммуникации.

Вовлеченность самого студента в образовательный процесс при онлайн-обучении значительно снижается, что приводит, в частности, к очень низкой доле студентов, полностью завершивших виртуальный курс. Высока доля студентов, особенно при общедоступных открытых лекциях (МООС), бросающих курс на полдороге, прослушав зачастую одну-две лекции. Причины неудовлетворенности учащихся при виртуальном обучении сводятся к отсутствию личного контакта с преподавателем и одногруппниками. Студенты, обучающиеся в удаленном режиме, зачастую чувствуют себя одиночками, заброшенными, исключенными из социальных учебных взаимосвязей. Удаленные студенты обычно более пассивны, рассматривая виртуальные занятия в качестве телевизионной программы, а не учебной лекции¹⁷.

¹⁶ MacKay J. Show and "tool": how lecture recording transforms staff and student perspectives on lectures in higher education // *Computers and Education*. 2019. Vol. 140, pp. 1–11.

¹⁷ Holland A. Effective principles of informal online learning design: a theory-building metasynthesis of qualitative research // *Computers and Education*. 2019. Vol. 128, pp. 214–226; Harju V., Pehkonen L., Niemi H. Serious but fun, self-directed yet social: blogging a form of lifelong learning // *International Journal of Lifelong Education*. 2016. Vol. 35. No. 1, pp. 2–17; Quintana M., Morales A. Learning from listservs: collaboration, knowledge exchange, and the formation of distributed leadership for farmers' markets and the food movement // *Studies in the Education of Adults*. 2015. Vol. 47, pp. 160–175.

Онлайн-курсы предоставляют очень мало возможностей для плодотворной коммуникации и обмена знаниями, в то время как исследователи считают, что именно диалог с реальным собеседником (с учетом двух- и многосторонних эмоций, визуального контакта и невербальных сигналов) представляет собой ключевое средство для повышения мотивации обучаемых.

Образование сегодня выступает в качестве главного института социализации индивида. Онлайн-обучение, не требующее физического перемещения студента, подрывает образование как фактор социальной мобильности и социальной селекции индивидов¹⁸. Соответственно, снижается сигнальная функция образования как подтверждение способностей человека заниматься данной профессией.

Вопрос социализации затрагивает даже студентов уровня аспирантуры, как показал опрос аспирантов США, обучающихся онлайн. Высокое расхождение в знаниях между студентами при онлайн-обучении (из-за неравной первоначальной базы образования) практически не сглаживается, что создает дополнительные трудности и для преподавателей, и для студентов¹⁹.

Сравнение семинарских занятий онлайн и в традиционном аудиторном формате демонстрирует наличие существенных различий.

В виртуальных контактах (через социальные сети) потоки движения информации являются более плотными и многосторонними, нет центра и периферии, инициатива общения с преподавателем исходит в большинстве случаев от самих студентов, сетевые взаимодействия не зависят от индивида, будь то учитель или ученик. В классе происходит доминирование преподавателя, взаимодействия приобретают вид «звезды» с характерным центром – учителем, либо вторым центром – первым учеником. Здесь выделяются круги общения: ближний круг постоянно отвечающих учеников, второй круг отвечающих изредка и дальний круг пассивного «болота». Социограмма виртуального общения более компактна²⁰. Однако при онлайн-контактах происходит множество бесполезных сообщений, пустой болтовни, интернет серфинга, бездумного клика по случайным веб-страницам, не имеющим отношение к теме занятия. И первоначальная структура общения здесь сохраняется практически неизменной на протяжении длительного периода времени. В отличие от онлайн-общения взаимодействия в аудитории с течением времени углубляются, диалоги в классе приобретают более открытый, более глубокий и более

¹⁸ Лобанова Н.И., Логунова Л.В. Концепция образования Питирима Сорокина в контексте современности // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2019. №. 9. С. 30–35; Эрштейн Л.Б. Сущность и причины формализации образования в России и в мире // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2020. № 3. С. 19–25.

¹⁹ Garcia C., Yao C. The role of an online first-year seminar in higher education doctoral students' scholarly development // *The Internet the Higher Education*. 2019. Vol. 42. pp. 44–52.

²⁰ Shu H., Gu X. Determining the differences between online and face-to-face student-group interactions in a blended learning course // *The Internet and Higher Education*. 2018. Vol. 39. pp. 13–21.

вдумчивый характер, чего не происходит в виртуальном мире. В аудитории наблюдается более глубокое общение между студентами.

Делаются попытки преодолеть недостаток социального общения путем организации форумов для неформального высказывания студентов по учебным процессам. Однако само по себе участие в подобных форумах не гарантирует решение социальной проблемы и необязательно ведет к приросту профессиональных знаний. Хотя, согласно некоторым эмпирическим исследованиям²¹, число слов, которые студент предоставляет на площадках для онлайн-дискуссий в течение семестра, является хорошим индикатором его будущих академических успехов.

Коммуникация посредством соцсетей может быть эффективной и способствовать социализации участников, обучающихся в естественных и инженерных науках, но оказываются мало результативными в гуманитарных и социальных сферах²².

Большую роль в усвоении знаний на глубоком уровне играет атмосфера обучения, ориентация на группу, приверженность групповым нормам поведения, ответственность перед одноклассниками. Активное ответственное отношение наблюдается преимущественно при личном контакте. Достижения нейробиологии свидетельствуют о наличии эффекта подражания действиям, которые на наших глазах совершают другие. Поэтому привычка к творческой деятельности быстрее вырабатывается именно при очном групповом взаимодействии.

Отмечается более высокая интенсивность семинарских занятий в очной форме. При использовании только цифровых инструментов обучения выявляется нехватка социальных знаков для поддержания адекватной коммуникации. Такие занятия оказываются менее живыми и нередко сопровождаются эффектами прокрастинации. Виртуальные уроки требуют более жесткого контроля времени со стороны всех участников образовательного процесса.

Когнитивная нагрузка на студента при онлайн обучении значительно выше, чем в традиционной аудитории. Мультимедийные средства не упрощают, а усложняют информационный фон учебы, создавая потенциал для умственной перегрузки обучаемого. Высокий уровень когнитивной нагрузки — это одна из важнейших причин неудовлетворенности студентов онлайн-обучением.

Чувство социальной изоляции снижает ценность образования и когнитивные результаты обучения. Чувство принадлежности к своей социальной группе повышает академическую успеваемость. В реальном классе возникает синергия аудиторных занятий вследствие социальных взаимодействий студентов между собой и с преподавателем — то, чего так не хватает в виртуальном обучении.

²¹Abe J. Big five, linguistic styles, and successful online learning // *The Internet and Higher Education*. 2020. Vol. 45. pp. 1–9.

²²Lu X., Liu X., Zhang W. Diversities of learners' interactions in different MOOC courses: how these diversities affects communication in learning // *Computers and Education*. 2020. Vol. 151. No. 103873, pp. 1–11.

Интенсификация труда при удаленной работе характерна и для педагогических и для административных работников школ и вузов. Гибкость учебного процесса приводит к исчезновению традиционного деления времени на рабочее и нерабочее. Сотрудники не могут избежать излишнего рабочего напряжения, покинув рабочее место, поскольку в место работы трансформируется вся их квартира. Но далеко не всегда место жительства позволяет адекватно выполнять свои педагогические обязанности, что создает дополнительный стресс.

Проблема снижения социальной коммуникации затрагивает не только студентов, но и профессиональное сообщество. Если онлайн-образование приобретает всеобщий и всеохватный характер, утрачиваются взаимосвязи сотрудников с учебным заведением, теряются контакты преподавателей между собой, нарастает отчуждение работника от работодателя. Это поднимает вопрос корпоративной идентичности: может ли сотрудник идентифицировать себя только с порталом вуза в интернете?²³

В-четвертых, требуют внимания **психологические** аспекты.

В онлайн-обучении активизируется эффект отвлечения: студент дома быстрее отвлекается на посторонние дела, ему сложнее выработать необходимый уровень концентрации. Не всегда удачно решается проблема распределения времени оптимальным образом между учебной, рабочей, личными делами.

Личное взаимодействие студента и преподавателя в качестве ключевого фактора образования представлено во многих работах. Студенты жалуются, что при виртуальном общении не чувствует эмпатии педагога. Студентам важно видеть непосредственную реакцию учителя и его оценку их способностей, их усилий, их подготовки, мониторинг их прогресса.

Эффективное обучение базируется на человеческом факторе: личная поддержка, деятельное участие педагога и сокурсников создает психологическую опору в процессе учебы. Виртуальные курсы хуже удовлетворяют психологические потребности обучаемых, хотя негативные психологические черты преподавателей здесь оказывают меньшее воздействие на результаты обучения, чем при традиционной аудиторной работе²⁴.

Сравнение проектной командной работы обычных и онлайн студентов показало, что виртуальным командам присущ высокий уровень тревожности вследствие недостаточного понимания интересов и мотивов членов проектной команды, повышенное чувство неопределенности, излишне высокая озабоченность учебными результатами, опасения (часто не беспочвенные) высоким

²³ Чепуренко А. Вынужденная дистанция: каким будет общество после пандемии // РБК. 1.04.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/society/01/04/2020/> (дата обращения: 10.04.2020).

²⁴ Winne P. How software technologies can improve research on learning and bolster school reform // *Educational Psychologist*. 2006. Vol. 41, pp. 5-17; Wang C., Hsu H., Bonem E., Moss J., Yu S., Nelson D., Levesque-Bristol C. Need satisfaction and need dissatisfaction: a comparative study of online and face-to-face learning contexts // *Computers in Human Behavior*. 2019. Vol. 95, pp. 114-125.

уровнем эффекта «безбилетника», беспокойство о том, как бы не быть неправильно понятым. Подобные оценки в меньшей степени характерны для команд, взаимодействующих в реальном пространстве.

Онлайн-обучение нередко вызывает завышенные ожидания и у преподавателей, и у студентов, что ведет к выбору неэффективных стратегий обучения. Аудиторные семинары, сопровождающие виртуальные курсы, как свидетельствует опыт Голландии, способствуют гармонизации ожиданий студентов и требований вуза, а также усиливают намерения студентов взять на себя ответственность за результаты обучения²⁵.

Различие между стилем обучения у индивида и стилем изложения материала у педагога, вызывающее когнитивный диссонанс у обучаемого, сильнее выражено при онлайн-обучении. Успех студента при виртуальном обучении требует от обучаемого гораздо больше психологических усилий в сфере саморегулирования и самодисциплины, чем традиционные аудиторные занятия.

Потеря зрительного контакта при виртуальных занятиях беспокоит не только студентов, но и преподавателей. Отсутствие или недостаток невербальной коммуникации (жесты рук, положение тела, тон голоса, выражение лица) и со стороны обучаемого, и со стороны обучающего приводят к недопониманию, фрустрации, демотивируют участников образовательного процесса и снижают итоговые его результаты.

Виртуальное обучение предоставляет большую свободу в учебе, однако с антропологической, философской, психологической точки зрения нормы и обязательства, разумные ограничения необходимы в образовательном процессе. Баланс творческой свободы и учебной дисциплины легко нарушается в онлайн-мире²⁶.

Онлайн-обучение создает иллюзию свободы. Но, согласно исследованиям, если студентам при онлайн-обучении не ставятся жесткие рамки сроков, не даются точные указания, что и когда делать, и не практикуются регулярные напоминания о заданиях и дедлайнах, особенно в начале обучения, это порождает у обучаемых высокий уровень тревожности и фрустрации. Наличие большого числа разнообразных педагогических приемов и опций для многих оказывается фактором стресса, выбор формата обучения запутывает и сбивает с толку. И многие именно из-за этого не завершают обучения. Чем более сложной является учебная проблема, тем в большей степени необходимо личное руководство преподавателя²⁷.

²⁵ *Rovers S., Clarebout G., Savelberg H., van Merriënboer J.* Improving student expectations of learning in a problem-based environment // *Computers in Human Behavior*. 2018. Vol. 87, pp. 416–423.

²⁶ *Reyero D., Cantero F.* La educación que limita es la que libera // *Revista Española de Pedagogía*. 2019. Vol. 77. No. 273, pp. 213–226.

²⁷ *Blau I., Shamir-Inbal T., Avdiel O.* How does the pedagogical design of a technology-enhanced collaborative academic course promote digital literacies, self-regulation, and perceived learning of students? // *The Internet and Higher Education*. 2020. Vol. 45. No. 100722, pp. 1–11.

Традиционный навык записывать лекции, делать конспекты лекций «ручкой на бумаге» за реальным «живым» лектором (в отличие от цифровых записей и виртуальных выступлений) улучшает общие когнитивные навыки студента и положительно влияет на его творческие способности²⁸. Эффективная лекция является продуктом двоих акторов: заинтересованного и увлеченного преподавателя и сосредоточенного и вовлеченного студента.

В мире информационного изобилия и легкой доступности любых сведений возрастает важность информационной фильтрации, которая требует жесткого самоконтроля со стороны потребителя информации, что не каждому студенту под силу.

Исследование студентов в Петрозаводском государственном университете (Республика Карелия)²⁹ выявило неготовность обучающихся к самостоятельной учебной деятельности в высшей школе. Все три компонента обучения (ценностно-познавательный; когнитивный и волевой) у современных молодых людей не отвечают требованиям психологической зрелости. Студентам мешают в учебе такие качества, как: неорганизованность, нежелание напрягаться, безответственность, неуверенность в своих силах, некоммуникабельность, высокий уровень тревожности и боязнь нового. А именно эти, к сожалению, доминирующие у современной молодежи качества определяют успешность или неуспешность онлайн-обучения.

К этому добавляется невозможность объективной самооценки и самодиагностики студентов. Наблюдаются серьезные расхождения между ответами и мнениями студентов и преподавателей о своих качествах и умениях при обучении. Студенты переоценивают свои умения по обучению и владению способами учебной деятельности в высшей школе. Например, умение работать с текстами как присущее обучаемым в достаточной степени оценили только 3% опрошенных преподавателей и 32% самих студентов, хорошее умение поиска информации у обучаемых отметили 35% опрошенных студентов и только 12% преподавателей.

Условия эффективности онлайн-обучения. Эмпирическое исследование онлайн-студентов Тайваня демонстрирует, что образовательная ценность MOOC платформы и результативность виртуальных курсов зависят от трех компонентов: ответственности студентов; четкого целеполагания программ; привлекательности заданий³⁰.

Успех виртуальных занятий зависит от активности и вовлеченности самого студента. На основе эмпирического опыта выводятся следующие условия

²⁸ Piolat A., Olive T., Kellogg R. Cognitive effort during note taking // *Applied Cognitive Psychology*. 2005. Vol. 19. No. 3. pp. 291–312.

²⁹ Бабакова Т.А. Готовность обучающихся к самостоятельной учебной деятельности в высшей школе // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2019. № 1. С. 47–54.

³⁰ Lung-Guang N. Decision-making determinants of students participating in MOOCs: merging the theory of planned behavior and self-regulated learning model // *Computers and Education*. 2019. Vol. 134, pp. 50–62.

эффективности гибкого формата: виртуальные лекции должны дополняться реальными уроками в классе; нужно поддерживать более частую и более глубокую обратную связь с обучаемыми; активность в классе должна быть дополнена активностью студентов вне класса; использование цифровых технологий не должно сопровождаться резкими и частыми техническими проблемами. Наличие виртуальных записанных лекций, с одной стороны, дает возможность обучаемым повторять учебный материал многократно и в удобное для себя время. Но с другой стороны, с течением времени нарастает элемент усталости от техники, студенты отмечают сложности со сосредоточением на сути дела при отсутствии личного контакта с преподавателем. Важное условие — ответственность студента за свои учебные результаты.

Успех студента в виртуальном обучении, в том числе, с помощью технологии дополненной реальности, зависит и от того, совпадает ли его индивидуальный стиль восприятия новой информации с форматом обучения. Стиль обучения (методы запоминания информации, способы умственной обработки данных, склонность к прокрастинации, зависимость или независимость мышления) предопределяет, будут ли эффективны в учебном процессе практические эксперименты, абстрактные теории, рефлексивные умозаключения или прикладные занятия, вне зависимости от самой формы подачи материала, виртуальной или реальной. Эксперты считают, что наиболее подходящими для MOOC-образования являются студенты с независимым вербальным типом мышления и с образным мышлением. Наименее эффективен такой формат обучения для индивидов с зависимым вербальным типом³¹.

Особую важность при виртуальном обучении имеет правильная организация рабочего места, оптимальное распределение учебного и внеучебного времени, высокий уровень самодисциплины и саморегулирования, как в интеллектуальном, так и в эмоциональном плане. Если виртуальные курсы не вписываются в общий образовательный процесс в вузе, то они не могут быть эффективными. Важны не цифровые инструменты сами по себе, а содержательная интеграция онлайн-курсов в учебные программы.

ИКТ сами по себе, без должного контроля со стороны преподавателя, не только не ведут к успеху в обучении, но приводят к падению успеваемости вследствие дисфункционального поведения учащихся. Исследователи нашли сильную положительную зависимость между использованием социальных медиа и смартфонов на лекциях и склонностью к прокрастинации³². Выявлен такой эффект, как болезненная неуправляемая зависимость индивидов от чрезмерного использования электронных девайсов не по назначению,

³¹ *Chang J., Lin W., Chen H.* How attention level and cognitive style effect learning in a MOOC environment? Based on the perspective of brainwave analysis // *Computers in Human Behavior*. 2019. Vol. 100, pp. 209–217.

³² *Przepiorka A., Blachnio A., Diaz-Morales J.* Problematic Facebook use and procrastination // *Computers in Human Behavior*. 2016. Vol. 65, pp. 59–64.

от которой страдает примерно половина учащихся. Высок риск интернет-зависимости (чрезмерная увлеченность видеоиграми, навязчивая потребность в онлайн-общении). Появился даже специальный термин – видеототы, характеризующий чрезмерных пользователей компьютерных обучающих программ³³.

Учебные занятия при виртуальном обучении требуют особого дизайна с тем, чтобы помочь студентам контролировать степень понимания материала, процесс усвоения преподаваемых концепций, применять того, что они изучили, к реальным ситуациям и размышлять над тем, что именно они делают в учебном процессе.

Новая модель образовательного процесса в вузах предъявляет и новые требования к педагогам. Эти требования носят трехстороннюю природу. Преподаватели в цифровом мире должны обладать профессиональными компетенциями в трех областях: (1) в области своей учебной дисциплины (содержательный аспект); (2) в области педагогических навыков (педагогический аспект); (3) в области активного использования виртуальных и мобильных технологий (технологический аспект). Преподаватели должны уметь создавать красочный и яркий цифровой контент, что включает в себя техническую (программную), дизайнерскую и правовую составляющую, а также обеспечивать ИТ безопасность уроков. Эксперты приходят к выводу о том, что традиционные методы преподавания и педагогические приемы должны подвергнуться серьезной трансформации при обучении через интернет. Само по себе использование ИКТ в обучении не гарантирует достижение высоких учебных результатов. Здесь главенствующую роль играет учитель – фасилитатор и модератор.

Если преподаватель занимает пассивную позицию, нерегулярно обновляет учебный материал, редко вступает в обсуждения со студентами, уделяет мало внимания обратной связи с обучаемыми, то онлайн образование трансформируется в худший вариант заочного обучения, теряя свои преимущества инновационного формата³⁴.

В динамичной среде обучения учитель и ученик – это равноправные партнеры, со-создатели, формирующие образовательный продукт в едином процессе взаимодействия. Педагог выступает в качестве модератора и мотиватора,

³³ Марков Б.В. Проблема качества образования в условиях цифровой экономики // Вопросы философии. 2020. № 5. С. 90–93.

³⁴ Lin Y., Hsia L. From social interactions to strategy and skills promotion // Journal of Educational Technology and Society. 2019. Vol. 22. No. 2, pp. 71–85; Tseng S., Yeh H. Fostering EFL teachers' CALL competencies through project-based learning // Journal of Educational Technology and Society. 2019. Vol. 22. No. 1, pp. 94–105; Lopez Belmonte J., Pozo Sanchez S., Fuentes Cabrera A., Lopez Nunes J.A. Creacion de contenidos y flipped learning // Revista Espanola de Pedagogia. 2019. Vol. 77. No. 274, pp. 535–556; Hershkovitz A., Merceron A., Shamaly A. El papel de la pedagogia en clases con computadores uno a uno // Revista Espanola de Pedagogia. 2019. Vol. 77. No. 274, pp. 487–516; Sousa M., Carmo M., Gancalves A., Cruz R. Creating knowledge and entrepreneurial capacity for HE students with digital education methodologies: differences in the perceptions of students and entrepreneurs // Journal of Business Research. 2019. Vol. 94, pp. 227–240.

который создает условия для успешного получения нового знания, организует учебное пространство для эффективного его усвоения. Знакомство учеников с различными культурными перспективами и ценностями, отсутствие жестких иерархий помогает сформировать умение придавать собственные значения изучаемым явлениям. Индивидуальная образовательная траектория способствует адаптации условий обучения к реальной действительности и накопленному опыту обучаемого.

Виртуализация образования ведет к значительным и многосторонним изменениям в организации процесса обучения, в инструментах и механизмах принятия административных решений, трансформирует образовательную динамику и общую культуру вуза, что во многих случаях вызывает активное или чаще пассивное сопротивление сотрудников³⁵. Анализ многочисленных эмпирических исследований подтверждает, что один из решающих факторов успеха онлайн-обучения — это позитивное отношение сотрудников вуза к намечаемым изменениям и их соответствующая подготовка.

Правильная мотивация обучающихся, целенаправленный выбор стратегии обучения, хорошие навыки социальной коммуникации и саморегулирования увеличивают итоговые результаты более чем на 30%³⁶. Такое же воздействие оказывают и личные контакты обучающихся между собой, обмен опытом подготовки, идеями, образовательной практикой. Этот тип личных контактов получил название неформального обучения. Подобное неформальное обучение способствует развитию навыков мышления высшего порядка, помогает эффективнее справляться с ситуациями неопределенности и риска, сложными жизненными обстоятельствами. Это особенно важно для школьников и студентов младших курсов бакалавриата, поскольку у них в меньшей степени еще развиты коммуникативные компетенции, они являются менее зрелыми студентами. Для них онлайн-обучение должно присутствовать в меньшей мере и сопровождаться регулярным личным взаимодействием как с преподавателем, так и с однокурсниками.

Многие авторы считают, что увеличить образовательный потенциал новых технологий возможно при комбинировании виртуальных и реальных занятий. В мультимедийном образовательном пространстве особенно необходимы дополнительные «подпорки» в виде регулярной помощи преподавателя, постоянного взаимодействия с товарищами по обучению, устных индивидуальных консультаций, налаживания быстрой обратной связи от педагога при

³⁵ Schoenfeld A. Research in Mathematics Education // Review of Research in Education. 2016. Vol. 40, pp. 497–528; Rigler K. Educator's resistance to the technology and engineering education transition // The Journal of Technology Studies. 2016. Vol. 42, pp. 42–53; Крамаренко Н.С. О проблеме интеграции онлайн-курсов в практику реализации программ высшего образования // Педагогика. 2018. № 12. С. 80–86.

³⁶ Tseng H., Yi X., Yeh H. Learning-Related Soft Skills among Online Business Students in Higher Education: Grade Level and Managerial Role Differences in Self-Regulation, Motivation, and Social Skill // Computers in Human Behavior. 2019. Vol. 95. pp. 179–186.

выполнении учебных и контрольных заданий, тщательный отбор материала и его спецификация под уровень и потребности каждого студента³⁷.

* * *

Таким образом, если с точки зрения получения профессиональной информации виртуальное образование кажется неплохим (а где-то даже и лучшим) заменителем реальных занятий, то с точки зрения зарабатывания профессиональных и социальных навыков онлайн-обучение резко проигрывает офлайн-взаимодействиям.

Онлайн-образование требует очень высокой степени самоорганизации как студента, так и преподавателя, усилия педагогов по подготовке и использованию такого формата гораздо больше и по психологическим ресурсам, и по времени, чем традиционное аудиторное обучение. По качеству, по содержанию, по итоговому эффекту виртуальное образование не может заменить методы очного обучения. Многие учебные заведения технически не готовы к такому формату. По типу коммуникации личное общение преобладает над другими способами усвоения знаний.

Виртуальные и гибридные форматы обучения хорошо проявляют себя в критических экстремальных ситуациях (как, например, в условиях пандемии), когда требуется срочный переход к удаленным формам работы. В обычной образовательной реальности они, скорее всего, займут свою нишу, в частности, будут помогать студентам из других городов и стран получить качественное образование в ведущих вузах мира, а также могут помогать догнать группу для пропустивших занятия.

Виртуализация образования наглядно выявило еще одну ключевую тенденцию в современной модели высшего образования. Происходит кардинальная смена парадигмы образования — от организации обучения вокруг вуза к формированию образовательных программ вокруг студента.

В новой модели образования свобода выбора траектории обучения должна сопровождаться ответственностью за получение знаний и выработку компетенций в равной степени и учителя, и ученика.

Литература

1. Индикаторы образования. Статистический сборник // М. НИУ ВШЭ. 2020. 496 с.
2. *Lee C., Hallak R.* Investigating the moderating role of education on a structural model of restaurant performance using multi-group PLS-SEM analysis // *Journal of Business Research*. 2018. Vol. 88, pp. 298–305.
3. *Kumar P., Kumar A., Palvia S., Verma S.* Online business education research: systematic analysis and a conceptual model // *The International Journal of Management Education*. 2019.

³⁷ *Al Mamun M., Lawrie G., Wright T.* Instructional design of scaffolded online learning modules for self-directed and inquiry-based learning environments // *Computers and Education*. 2020. Vol. 144, pp. 1–17; *Pugatch T., Wilson N.* Nudging study habits: a field experiment on peer tutoring in higher education // *Economics of Education Review*. 2018. Vol. 62, pp. 151–161.

- Vol. 17, pp. 26–35; *Money W., Dean B.* Incorporating student population differences for effective online education: a content-based review and integrative model // *Computers and Education*. 2019. Vol. 138, pp. 57–82.
4. *Post L., Guo P., Saab N., Admiraal W.* Effects of remote labs on cognitive, behavioral, and affective learning outcomes in higher education // *Computers and Education*. 2019. Vol. 140, pp. 1–9.
 5. *Stohr C., Demaziere C., Adawi T.* The polarizing effect of the online flipped classroom // *Computers and Education*. 2020. Vol. 147, pp. 1–12.
 6. *Schophuizen M., Kreijns K., Stoyanov S., Kalz M.* Eliciting the challenges and opportunities organizations face when delivering open online education: a group-concept mapping study // *The Internet and Higher Education*. 2018. Vol. 36, pp. 1–12.
 7. *Maldonado-Mahauad J., Perez-Sanagustin M., Kizilcec R.* Mining theory-based patterns from Big Data: identifying self-regulated learning strategies in Massive Open Online Courses // *Computers in Human Behavior*. 2018. Vol. 80, pp. 179–196.
 8. *Crompton H., Burke D.* The use of mobile learning in higher education: a systematic review // *Computers and Education*. 2018. Vol. 123, pp. 53–64.
 9. *Barteit S., Guzek D., Jahn A., Barnighausen T., Mendes Jorge M., Neuhaus F.* Evaluation of e-learning for medical education in low- and middle-income countries: a systematic review // *Computers and Education*. 2020. Vol. 145, pp. 1–18.
 10. *Chiou E., Schroeder N., Craig S.* How we trust, perceive, and learn from virtual humans: the influence of voice quality // *Computers and Education*. 2020. Vol. 146, pp. 1–11.
 11. *MacKay J.* Show and “tool”: how lecture recording transforms staff and student perspectives on lectures in higher education // *Computers and Education*. 2019. Vol. 140, pp. 1–11.
 12. *Holland A.* Effective principles of informal online learning design: a theory-building metasynthesis of qualitative research // *Computers and Education*. 2019. Vol. 128, pp. 214–226; *Harju V., Pehkonen L., Niemi H.* Serious but fun, self-directed yet social: blogging a form of lifelong learning // *International Journal of Lifelong Education*. 2016. Vol. 35. No. 1, pp. 2–17; *Quintana M., Morales A.* Learning from listservs: collaboration, knowledge exchange, and the formation of distributed leadership for farmers’ markets and the food movement // *Studies in the Education of Adults*. 2015. Vol. 47, pp. 160–175.
 13. *Лобанова Н.И., Логунова Л.В.* Концепция образования Питирима Сорокина в контексте современности // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2019. № 9. С. 30–35; *Эрштейн Л.Б.* Сущность и причины формализации образования в России и в мире // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2020. № 3. С. 19–25.
 14. *Lu X., Liu X., Zhang W.* Diversities of learners’ interactions in different MOOC courses: how these diversities affects communication in learning // *Computers and Education*. 2020. Vol. 151. No. 103873, pp. 1–11.
 15. *Чепуренко А.* Вынужденная дистанция: каким будет общество после пандемии // РБК. 1.04.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/opinions/society/01/04/2020/> (дата обращения: 10.04.2020).
 16. *Winne P.* How software technologies can improve research on learning and bolster school reform // *Educational Psychologist*. 2006. Vol. 41, pp. 5–17; *Wang C., Hsu H., Bonem E., Moss J., Yu S., Nelson D., Levesque-Bristol C.* Need satisfaction and need dissatisfaction: a comparative study of online and face-to-face learning contexts // *Computers in Human Behavior*. 2019. Vol. 95, pp. 114–125.
 17. *Rovers S., Clarebout G., Savelberg H., van Merriënboer J.* Improving student expectations of learning in a problem-based environment // *Computers in Human Behavior*. 2018. Vol. 87. P. 416–423.

18. *Reyero D., Cantero F.* La educacion que limita es la que libera // *Revista Espanola de Pedagogia*. 2019. Vol. 77. No. 273, pp. 213–226.
19. *Blau I., Shamir-Inbal T., Avdiel O.* How does the pedagogical design of a technology-enhanced collaborative academic course promote digital literacies, self-regulation, and perceived learning of students? // *The Internet and Higher Education*. 2020. Vol. 45. No. 100722, pp. 1–11.
20. *Бабакова Т.А.* Готовность обучающихся к самостоятельной учебной деятельности в высшей школе // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2019. № 1. С. 47–54.
21. *Lung-Guang N.* Decision-making determinants of students participating in MOOCs: merging the theory of planned behavior and self-regulated learning model // *Computers and Education*. 2019. Vol. 134, pp. 50–62.
22. *Chang J., Lin W., Chen H.* How attention level and cognitive style effect learning in a MOOC environment? Based on the perspective of brainwave analysis // *Computers in Human Behavior*. 2019. Vol. 100, pp. 209–217.
23. *Przepiorka A., Blachnio A., Diaz-Morales J.* Problematic Facebook use and procrastination // *Computers in Human Behavior*. 2016. Vol. 65, pp. 59–64.
24. *Марков Б.В.* Проблема качества образования в условиях цифровой экономики // *Вопросы философии*. 2020. № 5. С. 90–93.
25. *Lin Y., Hsia L.* From social interactions to strategy and skills promotion // *Journal of Educational Technology and Society*. 2019. Vol. 22. No. 2, pp. 71–85; *Tseng S., Yeh H.* Fostering EFL teachers' CALL competencies through project-based learning // *Journal of Educational Technology and Society*. 2019. Vol. 22. No. 1, pp. 94–105; *Lopez Belmonte J., Pozo Sanchez S., Fuentes Cabrera A., Lopez Nunes J.A.* Creacion de contenidos y flipped learning // *Revista Espanola de Pedagogia*. 2019. Vol. 77. No. 274, pp. 535–556; *Hershkovitz A., Merceron A., Sharmaly A.* El papel de la pedagogia en clases con computadoras uno a uno // *Revista Espanola de Pedagogia*. 2019. Vol. 77. No. 274, pp. 487–516; *Sousa M., Carmo M., Gancalves A., Cruz R.* Creating knowledge and entrepreneurial capacity for HE students with digital education methodologies: differences in the perceptions of students and entrepreneurs // *Journal of Business Research*. 2019. Vol. 94, pp. 227–240.
26. *Schoenfeld A.* Research in Mathematics Education // *Review of Research in Education*. 2016. Vol. 40, pp. 497–528; *Rigler K.* Educator's resistance to the technology and engineering education transition // *The Journal of Technology Studies*. 2016. Vol. 42, pp. 42–53; *Крамаренко Н.С.* О проблеме интеграции онлайн-курсов в практику реализации программ высшего образования // *Педагогика*. 2018. № 12. С. 80–86.
27. *Al Mamun M., Lawrie G., Wright T.* Instructional design of scaffolded online learning modules for self-directed and inquiry-based learning environments // *Computers and Education*. 2020. Vol. 144, pp. 1–17; *Pugatch T., Wilson N.* Nudging study habits: a field experiment on peer tutoring in higher education // *Economics of Education Review*. 2018. Vol. 62, pp. 151–161.

N. Rozanova (e-mail: nrozanova@hse.ru)

Grand Ph.D. in Economics,

Professor, Department of Theoretical Economics, National Research University “Higher School of Economics” (HSE University) (Moscow)

FLEXIBLE FORMATS OF LEARNING: OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS

In most countries of the world the 2020 pandemic has caused a sharp surge in attention to remote learning formats at all levels of the educational system. But what are flexible learning formats: a universal tool of the 21st century or a temporary replacement?

Keywords: digital economy, online learning, flexible and combined learning formats, economics of education.

DOI: 10.31857/S020736760011354-8

Галина Анисимова

кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Института экономики
Российской академии наук (г. Москва)
(e-mail: anisimovagalina@bk.ru)

ОБОСТРЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА В РОССИИ

В статье показано, что одним из важнейших противоречий современности является непомерно разрастающееся и угрожающее устойчивому развитию общества социально-экономическое неравенство. Общемировой проблемой стала концентрация богатства у 1% богатейшего населения. Разрыв между сверхбогатыми и остальным обществом увеличивается с нарастающей скоростью. Особенно эта проблема актуальна для России, которая заняла лидирующие позиции среди крупных стран по уровню неравенства распределения богатства. Необходима активная социальная политика государства, направленная на устранение чрезмерных разрывов в материальном положении различных доходных групп населения.

Ключевые слова: неравенство, подоходная дифференциация, государство, государственное регулирование, экономическое развитие.

DOI: 10.31857/S020736760011355-9

За последние 30 лет проблема неравенства стала весьма значимой общемировой проблемой. Богатство концентрируется у небольшого числа людей, стран и корпораций, сталкивая на периферию развития других. Снижение уровня неравенства внутри стран и между ними в качестве одной из важнейших целей было закреплено в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года Генеральной ассамблеи ООН [16]. Неравенство названо фундаментальным противоречием современного капитализма в книге Т. Пикетти «Капитал в XXI веке»: «В начале двадцать первого столетия некоторые виды имущественного неравенства, которые казались преодоленными, вновь возвращаются к историческим пикам и даже превосходят их в рамках новой мир-экономики, дающей стремительные надежды (конец бедности) и приводящей к не менее масштабным дисбалансам (некоторые люди богаче целых стран)». И далее: «Неравенство... означает, что рекапитализация имущества, накопленного в прошлом, протекает быстрее, чем растут производство и зарплата. Это неравенство отражает фундаментальное логическое противоречие» [15. С. 469, 585].

В «Докладе о неравенстве в мире» (World Inequality Report, WIR 2018) Всемирной лаборатории изучения неравенства (World Inequality Lab), авторами

которого являются Ф. Альваредо, Л. Ченчил, Т. Пикетти, Е. Саез, Г. Цукман, показано, что верхний 1% людей (75 млн человек), располагающих наибольшим богатством, получил 27% всего мирового дохода, а на нижние 50% беднейшего населения планеты (3,7 млрд человек) пришлось всего 13% [36, р. 13].

В 2010 г. 388 человек концентрировали у себя столько же богатства, что и половина всего человечества. Но уже к 2017 г., согласно данным, приведенным в докладе «Экономика для 99 процентов населения», 8 самых богатых людей планеты имели такое имущество, что и половина населения Земли.

Таким образом, современная экономика вместо того, чтобы обеспечивать благосостояние всего общества, обслуживает интересы и создает богатства для 1% населения планеты.

Научные исследования свидетельствуют, что неравенство по уровню доходов выросло с 1980 года в большинстве регионов мира, но разными темпами. Рост был чрезвычайным высоким в Российской Федерации, которая была в 1990 году относилась к числу стран с наименьшей величиной доли доходов у 10% наиболее богатой группы населения, а сейчас стала одной из самых «неравных» [2].

За период 1992–2018 гг. значение коэффициента фондов (коэффициента дифференциации доходов), выросло почти в два раза, т.е. доходы наиболее обеспеченного населения превысили доходы наименее обеспеченного в 15,5 раза (см. рис. 1).

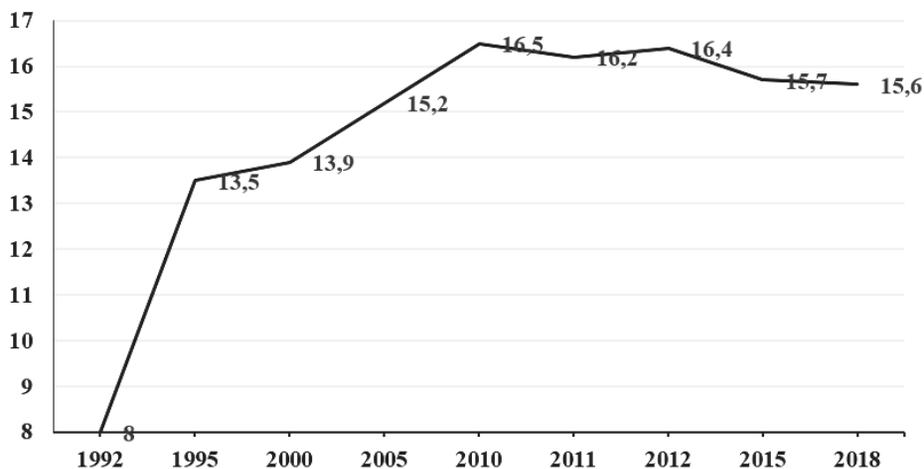


Рис. 1. Динамика децильного коэффициента фондов (в размах)

Источники: [20. С. 130; 17].

С начала 1990-х годов в общем объеме денежных доходов россиян произошло сокращение удельного веса всех групп населения за исключением

высшей (пятой) группы. Об этом свидетельствуют данные распределения общего объема денежных доходов населения (табл. 1).

Таблица 1

Распределение общего объема денежных доходов населения

	1990	1992	1995	2000	2005	2018
Денежные доходы – всего, процентов	100	100	100	100	100	100
в том числе по 20-процентным группам населения:						
первая (с наименьшими доходами)	9,8	6,0	6,1	5,9	5,4	5,3
вторая	14,9	11,6	10,8	10,4	10,1	10,0
третья	18,8	17,6	15,2	15,1	15,1	15,0
четвертая	23,8	26,5	21,6	21,9	22,7	22,6
пятая (с наибольшими доходами)	32,7	38,3	46,3	46,7	46,7	47,1
Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)*	–	0,289	0,387	0,395	0,409	0,413

* Коэффициент Джини характеризует степень неравенства в распределении доходов в обществе, показывая отклонение фактического распределения доходов от абсолютно равного их распределения. Может принимать значения от 0 (означает полное равенство в обществе, каждый имеет одинаковый доход) до 1 (максимальное неравенство, только один человек концентрирует в своих руках весь доход). Чем ближе значение коэффициента к 1, тем большая степень неравенства. Международные организации используют индекс Джини (значение изменяется от 0% до 100%).

Источники: [20. С. 130; 17].

Доля первой группы (с наименьшими доходами) сократилась почти в два раза, доля второй – в полтора раза, третьей – в 1,25 раз, четвертой изменилась незначительно (сокращение составило 1,05 раза). Выросла и причем существенно доля пятой (с наибольшими доходами) группы населения – почти в 1,5 раза. Тенденция увеличения разрыва в доходах между низшей и высшей группой продолжается. Если в 1990 г. разница в величине доли в общем объеме денежных доходов между ними была в 3,3 раза, то в 2018 г. – уже 8,8 раз. Происходит дальнейшая концентрация доходов в руках богатых россиян, о чем свидетельствует тенденция изменения коэффициента Джини, который за 1992–2018 г. увеличился с 0,289 до 0,413.

Можно сделать вывод о переходе дифференциации доходов в крайние, особо опасные формы социально-экономического неравенства, несущие угрозу социальной стабильности общества. Академик РАН Л. Абалкин отмечал: «Разрыв в доходах между бедными и богатыми в России катастрофичен. Более того, пропасть между ними постоянно увеличивается. ... С точки зрения

социальной безопасности разрыв должен быть не более чем 1 к 8. Иначе это чревато ростом напряженности в обществе и – что, пожалуй, самое важное – сокращением доверия к власти» [1. С. 78]. Как свидетельствует официальная российская статистика, сейчас разница в доходах между крайними группами населения составляет почти 16 раз.

Для социальной структуры советского общества в 1950-е годы были характерны минимизация и сглаживание классовых различий, их перерастание в различие страт. Т.е. то, что является характерным для современного состояния развитых демократических государств (особенно Северной Европы), для которых характерно умеренное экономическое неравенство. В советский период в России (СССР) коэффициент Джини был на уровне скандинавских стран и даже ниже. Так, в первом постсоветском году (1992 г.) он равнялся 0,289 [20. С. 130].

В настоящее время в России показатели неравенства по данным международных исследований существенно выше, чем в демократических европейских странах (рис. 2).

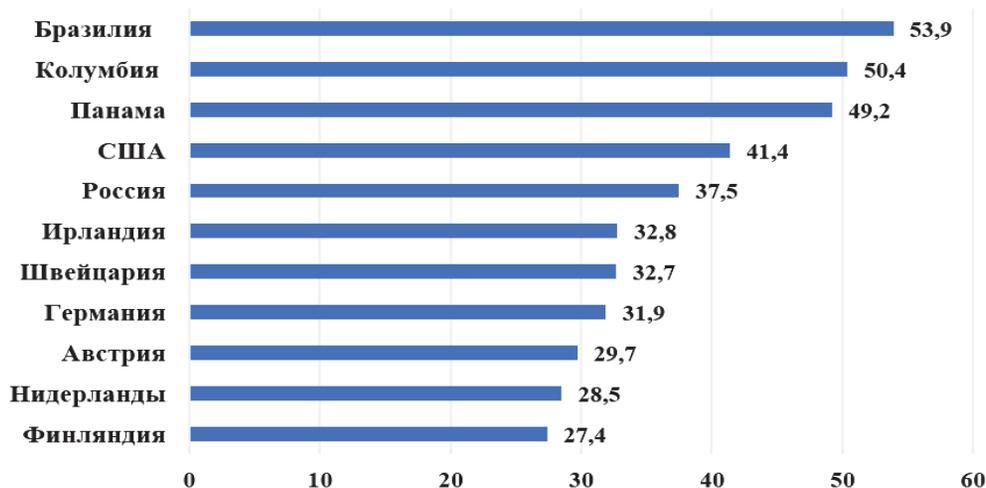


Рис. 2. Индекс Джини (2017–2018 гг.)

Источник: [27].

Индекс Джини для развитых стран с социальным рыночным хозяйством (Финляндия, Нидерланды, Австрия и др.) составляет около 30% и меньше. Страны с меньшим уровнем демократического развития, наоборот, характеризуются большей степенью неравенства. Так, индекс Джини составляет для таких стран как Бразилия 53,9, Колумбия – 50,4. Исключение составляют США, где индекс Джини превышает 40, что характерно для среднеразвитых

стран. По данным Всемирного банка, Индекс Джини в России в 2018 г. составил 37,5 %, а по данным Росстата – 41,3%.

В 2019 г., согласно исследованиям швейцарской компании Credit Suisse, Россия стала мировым лидером среди крупных стран по неравенству распределения богатства (табл. 2). На долю 10% самых богатых людей приходится почти 83% всего личного благосостояния страны, что выше, чем в США (75,9) и в Китае (59,9). 5% богатейшего населения владеют 74,7%, а наиболее богатый 1% концентрирует в своих руках 58,2% богатства страны. Следом за Россией (среди крупных стран) по доле богатства у 1% богатейшего населения идут Таиланд (доля 1% богатейшего населения – 50,4% богатства), Индонезия (44,6%), Турция и Индия (42,5%). За период 2000–2019 гг. количество долларовых миллионеров в России выросло с 14 тыс. до 246 тыс. человек (почти в 18 раз) [28, р. 147]. За год почти в 1,5 раза увеличилось число долларовых миллиардеров. В 2018 г. их было 74, а в 2019 г. – уже 110 [29, р. 43; 30, р. 47].

Таблица 2

Доля богатства страны, сосредоточенная у наиболее богатых групп населения, 2019 г.

Страны	10%	5%	1%	Страны	10%	5%	1%
Австрия	57,3	44,2	23,8	Мексика	65,2	53,8	34,1
Великобритания	59,3	45,5	24,5	Нидерланды	66,0	51,6	26,6
Германия	65,1	51,7	30,2	Норвегия	65,0	52,7	32,2
Греция	53,0	41,6	23,0	Португалия	56,1	41,5	20,0
Дания	66,6	52,0	29,3	Россия	82,7	74,7	58,2
Израиль	67,2	56,4	37,2	Сингапур	82,7	74,7	58,2
Индия	74,3	63,6	42,5	США	75,9	63,3	35,4
Индонезия	74,1	63,7	44,6	Таиланд	76,6	67,8	50,4
Испания	55,0	43,2	23,8	Тайвань	62,8	50,9	31,0
Италия	53,6	41,0	22,0	Финляндия	60,7	47,8	27,2
Ирландия	62,9	49,4	28,1	Франция	54,6	41,7	22,2
Канада	57,9	45,4	25,7	Швейцария	56,3	43,8	24,5
Китай	59,9	48,8	30,3	Швеция	75,3	61,2	37,4
Колумбия	64,0	51,9	31,8	Япония	48,0	35,7	17,9
Корея	56,5	47,0	29,8	Весь мир	81,7	70,2	45,0

Источник: [28, р. 168].

В европейских странах на долю наиболее обеспеченного 1% населения богатства приходится существенно меньше: в Германии 30,2%, Финляндии – 27,2%, Великобритании – 24,5%, во Франции – 22,2%.

В таблице 3 приведены данные о росте доходов и неравенства по нескольким странам.

Динамика реальных доходов и неравенства в 1980–2016 гг.

Доходные группы	Совокупный реальный рост доходов						
	Китай	Европа	Франция*	Индия	Россия	Северная Америка	Весь мир
Все население	831%	40%	38%	223%	34%	63%	60%
Нижние (низко- доходные) 50%**	417%	26%	33%	107%	-26%	5%	94%
Средние 40%	785%	34%	35%	112%	5%	44%	43%
Высшие (наиболее богатые) 10%	1316%	58%	46%	469%	190%	123%	70%
Высшие 1%	1920%	72%	77%	857%	686%	206%	101%
Высшие 0,1%	2421%	76%	81%	1295%	2562%	320%	133%
Высшие 0,01%	3112%	87%	91%	2078%	8239%	452%	185%
Высшие 0,001%	3752%	120%	110%	3083%	25269%	629%	235%

*Данные по Франции – 1980–2015 гг.

**Нижние (низкодоходные) 50%, т.е. 50% населения с доходом ниже медианного уровня (половина населения имеет значение среднедушевых денежных доходов ниже медианы, а другая половина – выше ее).

Источник: [36, p. 45, 110].

Реальные доходы всего населения России с 1980 г. по 2016 г. выросли всего на 34%, что почти в два раза меньше чем в целом по миру (60%). Наиболее значительно выросли доходы населения Китая (на 831%) и Индии (на 223%). В России же сократились доходы у низкодоходной 50%-ой группы населения (на 26%), а у 40% россиян доходы выросли всего на 5%. В Китае рост доходов у «средних» 40% жителей составил 785%, а в Индии – 112%. Одновременно Россия продемонстрировала самый высокий рост доходов у самых обеспеченных людей. У высших 0,1% доходы увеличились на 2 562%, у 0,01% – на 8 239%, а у самых богатых 0,001% населения – на 25 269%.

Анализ динамики основных экономических показателей неравенства не показывает одинаковой направленности их тенденций. Усиление доходного неравенства наблюдалось как в кризисные периоды (90-е годы XX века, финансово-экономический кризис 2008–2009 гг.), так и в условиях экономического роста [4].

Российская действительность не подтверждает выводы либеральных экономистов о том, что неравенство является стимулом экономического роста.

Совершенно справедливо отмечает Д. Дорлинг: «Рынки начинают разваливаться, как только некоторые их участники получают больший стартовый капитал, чем остальные, или в процессе накапливают больше средств. Чем

менее равны условия на рынке, тем менее эффективен он будет». И далее: «Рынки неэффективны там, где некоторые люди богаты, а большинство бедно» [8. С. 182–183]. Следует согласиться с А. Шевяковым, который отмечал: «Социально-экономическое неравенство в России вышло за допустимые рамки и превратилось в тормоз экономического развития и источник серьезного напряжения в обществе» [26. С. 38]. Исследование Т. Перссона и Г. Табеллини показало, что увеличение доли доходов верхних 20% населения на 0,07 пункта снижает средние темпы роста экономики в год на 0,5 пункта [34].

Необходима активная социальная политика государства, направленная на выравнивание материального положения различных доходных групп населения. Многие исследования это подтверждают. Так, П. Кругман отмечает, что «...институты, нормы и политические условия гораздо больше влияют на распределение доходов, а объективные рыночные факторы — гораздо меньше, чем в том нас пытаются уверить в базовом курсе экономики». Далее он прямо указывает, что «даже считая неравенство рыночных доходов естественным, следует стремиться снизить его за счет активизации и совершенствования государственного регулирования рынка» [10. С. 14, 272]. Эту позицию разделяет и Д. Стиглиц: «Рынки сами по себе, даже тогда, когда они стабильны, зачастую приводят к высоким показателям неравенства, что на выходе означает несправедливость» [22. С. 38].

Для сокращения неравенства в странах с рыночной экономикой применяются меры государственной политики — прогрессивное налогообложение с максимальной ставкой налога (40–50% и более) на высокие доходы, а также прямые выплаты социально уязвимым слоям населения. Значение налогов в решении проблемы неравенства отмечает и Т. Пикетти: «Идеальной мерой, которая дала бы возможность избежать бесконечной спирали неравенства и установить контроль над динамикой капитала, стал бы мировой прогрессивный налог на капитал» [15. С. 469].

Налогообложение, направленное на сокращение экономического неравенства между различными доходными группами населения, является наиболее важной частью механизма перераспределения доходов. Эксперты ООН отмечают, что налоги (на доход, личное состояние или потребление) играют огромную роль в области сокращения неравенства, обеспечивая поступление государственных средств для улучшения ключевых общественных услуг (здравоохранение и школы) и для обеспечения социального страхования, принося пользу как малоимущим, так и людям, находящимся в середине доходного распределения. При использовании прогрессивной ставки налогообложения неравенство доходов становится ниже после уплаты налогов и бюджетных трансфертов. В ряде развитых стран налоги и трансферты привели к снижению коэффициента Джини на 17 пунктов [7. С. 15]. Например, в США, где

используется система прогрессивного налогового режима и трансфертов, эти меры позволяют существенно перераспределить доходы (табл. 4).

Таблица 4

Распределение национального дохода в США, 2014 г.

Доходная группа	Доля в национальном доходе до вычета налогов (%)	Доля в национальном доходе после вычета налогов (%)
Все население	100	100
Нижние (низкодоходные) 50%	12,5	19,3
Средние 40%	40,4	41,6
Высшие (наиболее богатые) 10%	47	39,1
Высшие 1%	20,2	15,7
Высшие 0,1%	9,3	6,8
Высшие 0,01%	4,4	3,1
Высшие 0,001%	1,9	1,4

Источник: [36, p. 80].

Таким образом, рассмотренный эмпирический материал свидетельствует, что экономическое неравенство в мире растет, и больше всего оно растет в России. Неравенство в российском обществе, сопровождающееся ростом бедности и крайне негативными тенденциями воспроизводства населения, является важнейшим фактором общественной и государственной неустойчивости. Это неравенство следует рассматривать как избыточное, негативно сказывающееся на экономическом росте, препятствующее развитию инновационных процессов. В современной научной литературе справедливо отмечается, «что сегодня нет прочных предпосылок – экономических, политических, идеологических – для того чтобы максимально сконцентрировать общественные усилия и перейти на путь рационального развития, исключающего углубление социальных противоречий и острые социальные конфликты» [13. С. 5].

Решение социальных проблем, в том числе смягчения социально-экономического неравенства сегодня существенно осложняется резким ухудшением экономической ситуации в связи с пандемией коронавируса. Россия, как и остальной мир столкнулась с новыми вызовами. Это – экономический спад, банкротство многих малых и средних предпринимателей, последствиями чего явились рост безработицы, сокращение доходов широких слоев населения. Сегодня проблема бедности приобрела особенно острый характер. Важность ее решения отражена в недавно подписанном указе В. Путина «О национальных целях развития России до 2030 года». Среди поставленных им задач социально-экономического развития РФ на период до 2030 года существенное место заняла проблема снижение уровня бедности населения.

Изменение ситуации в первую очередь зависит от степени эффективности государственной социально-экономической политики и системы институтов, образованных для проведения этой политики. В сегодняшних кризисных условиях невозможно нормальное развитие экономики без активной и существенной роли государства, что ведет к необходимости формирования и развития его социальных функций.

Литература

1. *Абалкин Л.* Взгляд в завтрашний день // М.: ИЭ РАН, 2005. 126 с.
2. *Анисимова Г.В.* Методологические аспекты анализа экономического неравенства: советские и постсоветские проблемы // TERRA ECONOMICUS. 2016. Т. 14. № 1. С. 61–77.
3. *Воейков М.И., Городецкий А.Е., Гринберг Р.С.* Экономическая природа государства: новый ракурс // М.: Институт экономики РАН, 2018. 54 с.
4. *Воейков М.И., Анисимова Г.В.* Политическая экономия неравенства // М.: ЛЕНАНД, 2018. 272 с.
5. *Воейков М.И., Анисимова Г.В.* Социально-экономическое неравенство: российские тенденции // Россия и современный мир. 2017. №1 (94). С. 46–61.
6. Доклад Генерального секретаря ООН. Специальное издание: ход достижения целей в области устойчивого развития. Сессия 2019 года. — 51 с. // <http://www.cisstat.com/sdgs/publications.htm>
7. Доклад о человеческом развитии 2019. За рамками дохода, за рамками средних показателей, за рамками сегодняшнего дня: неравенство в человеческом развитии в XXI веке. — 354 с. // http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2019_overview_-_russian.pdf
8. *Дорлинг Д.* Равенство // М.: Книжный Клуб Книговек, 2014. 224 с.
9. Индекс физического объема валового внутреннего продукта (в процентах к предыдущему году) [Электронный ресурс] URL: // https://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab3.htm (обновлено 01.04.2020)
10. *Кругман П.* Кредо либерала // М.: Европа, 2009. 329 с.
11. *Кубедду Р.* Либерализм, тоталитаризм и демократия / Политическая философия австрийской школы // М.: Челябинск: Социум, 2014. — 406 с.
12. *Мизес Л.* Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории // М.: Экономика, 2000. 878 с.
13. Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса / Под редакцией А. Бузгалина, Р. Трауб-Мерца, М. Воейкова // М.: Культурная революция, 2014. 406 с.
14. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке // М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 592 с.
15. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Генеральная ассамблея ООН. Декларация от 25 сентября 2015 года // <http://docs.cntd.ru/document/420355765>
16. Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения: [Электронный ресурс] URL: <https://www.gks.ru/folder/13723> (дата обновления 26.12.2019).
17. Россия в цифрах. 2019: Крат. стат. сб. // М.: Росстат. 2019. 549 с.
18. Социальное неравенство и публичная политика / Ред. кол: Медведев В.А., Горшков М.К., Красин Ю.А. // М.: Культурная Революция, 2007. 336 с.
19. Социальное положение и уровень жизни населения России: Стат. сб. // М.: Госкомстат России, 2001. 463 с.

20. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2019: Стат.сб. // М.: Росстат, 2019. 352 с.
21. *Стиглиц Дж.* Цена неравенства // М.: Эксмо, 2015. 512 с.
22. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода: [Электронный ресурс] URL: http://www.rosstat.gov.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#
23. *Шевяков А., Курта А.* Измерение экономического неравенства // М.: Лето. 2002. 320 с.
24. *Шевяков А.Ю.* Неравенство и формирование новой социальной политики государства // Вестник РАН. 2008. Том 78. № 4.С. 304–314.
25. *Шевяков А.Ю.* Социальное неравенство: тормоз экономического и демографического роста // Уровень жизни населения регионов России. 2010. № 5. С. 38. С. 38–51.
26. GINI index (World Bank estimate) [сайт]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI>.
27. Global Wealth Databook. Switzerland: Credit Suisse AG, 2019. 179 p. URL: <https://www.credit-suisse.com/about-us/en/reports-research/global-wealth-report.html>
28. Global Wealth Report. Switzerland: Credit Suisse AG. 2018. 60 p.
29. Global Wealth Report. Switzerland: Credit Suisse AG. 2019. 64 p.
30. Hardoon D. An Economy for the 99%. Oxfam GB. 2017. 48 p.
31. *Hardoon D.* Wealth: Having It All and Wanting More // Oxfam GB. 2015. 12 p.
32. *Larkner C., Mahler D., Negre M., Prydz E.* How Much Does Reducing Inequality Matter for Global Poverty? World Bank Policy Research Working Paper. May 2019. 8869. 24 p. <http://documents.worldbank.org/curated/en/328651559243659214/pdf/HowMuch-Does-Reducing-Inequality-Matter-for-Global-Poverty.pdf>
33. *Persson T., Tabellini G.* Is Inequality Harmful for Growth? Theory and Evidence // American Economic Review. 1994. Vol. 84, No. 3 (Jun., 1994). P. 600–621.
34. Time to care: Unpaid and underpaid care work and the global inequality crisis. – 63 p. // <https://oxfamilibrary.openrepository.com/bitstream/handle/10546/620928/bp-time-to-care-inequality-200120-en.pdf>
35. World inequality report 2018. 296 p. <https://wir2018.wid.world/download.html>

G. Anisimova (e-mail: anisimovagalina@bk.ru)

Ph.D.in Economics, Associated Professor, Leading Researcher,
Institute of Economy of Russian Academy of Sciences (Moscow)

THE AGGRAVATION OF SOCIO-ECONOMIC INEQUALITY IN RUSSIA

The article shows that one of the most important contradictions of our time is the excessively growing socio-economic inequality which obstructs the sustainable development of society. The concentration of wealth among the richest 1% of the population has become a worldwide problem. The gap between the super-rich and the rest of the population is growing at an accelerating rate. In particular, Russia has a fairly high level of inequality in the distribution of wealth.

An active social policy of the state is needed, aimed at eliminating excessive gaps between the material well-being of various groups of the population.

Keywords: inequality, income differentiation, state, state regulation, economic development.

DOI: 10.31857/S020736760011355-9

Требования к рукописям, представляемым для публикации в журнале «Общество и экономика»

Содержание статьи должно соответствовать тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов по соответствующей проблематике.

Объем рукописи не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тыс. знаков).

Текст статьи представляется в формате Microsoft Word в соответствии со следующими параметрами: шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5. Иллюстративный материал должен быть представлен в форматах **tiff**, **eps**. Отсканированные изображения должны быть с разрешением не менее 300 dpi для тоновых изображений и не менее 600 dpi для штриховых изображений (графики, таблицы, детали, выполненные чертежными инструментами).

Список литературы приводится в конце статьи в соответствии с принятыми стандартами библиографического описания.

Статью должны сопровождать аннотация (5–10 строк) и ключевые слова на русском и английском языках.

К статье должны прилагаться **сведения об авторе** (авторах) с указанием Ф.И.О. (полностью), ученой степени, ученого звания, места работы, должности, сл. и дом. телефонов, электронного адреса.

Рукописи подлежат рецензированию.

Плата за публикацию с аспирантов не взимается.

Рукописи следует присылать по адресу: socpol@mail.ru

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);

2) в меню **«Мои публикации»** станет активной кнопка «Заявка на публикацию», нажав на которую, Вы автоматически попадете на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;

3) можно оставить краткий комментарий в поле **«Комментарии для редактора»**. Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки **«Отправить редактору»**.

Подробная инструкция размещена по ссылке: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

Оформить подписку на журнал «Общество и экономика» можно следующими способами:

1. на печатную версию журнала можно подписаться на сайте ГАУГН-Пресс во вкладке Журналы РАН <https://press.gaugn.ru/journals-ras/oiie/>;

2. на электронную pdf-версию журнала оформить подписку можно на сайте журнала <https://oiie.jes.su/> или на редакционно-издательском портале Журналы РАН <https://ras.jes.su/oiie/>;

3. через подписной каталог Почты России.

Подписано к печати 16.09.2020 г.

Тираж 150 экз. Зак. 12/9а. Цена свободная

70*100¹/₁₆. Уч.-изд. л. 17.5

Учредители: Российская академия наук,
Международная ассоциация академий наук
Адрес редакции: 101000, г. Москва, ул. Малая Лубянка, д. 16, подъезд 3.
Тел. (495)628-83-19, тел./факс: (495)624-50-98
E-mail: socpol@mail.ru

Издатель: Российская академия наук
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-040-19
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт Информационных технологий»